

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№2 (21) 2010

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16.

Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 13,25 усл.п.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Елизарова Г. С.** Романтический образ войны в литературе XIX века8
- Климина Л. В.** Анализ композиции художественных произведений: лингводидактический аспект16
- Рахимова Н. М.** Взаимодействие риторических фигур и тропов с макроструктурой и суперструктурой художественного дискурса26
- Савельева Е. Б.** Дейктическое местоимение «Я» как средство актуализации образов героя и автора в повествовательных произведениях А. Жида34

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Белецкий С. Б.** Диалогическое взаимодействие с позиции системного подхода Н. Лумана41
- Кузина М. А.** Явление языкового пуризма и исторические особенности отношения лингвистов и общества к активному процессу заимствования в немецкий язык47
- Маджаева С. И.** Способы терминообразования в подъязыке медицины как фактор системности (на материале тематических областей «Диабет» и «СПИД»)55
- Мусина Л. Р.** Образ города в зеркале художественного дискурса (к вопросу об идентификации челябинского текста)61
- Надобко Ю. В.** К вопросу о проявлении гендерности в мужском и женском речевом поведении65
- Прядильникова О. В.** Исследование влияния фонетической интерференции на качество усвоения русского литературного языка71
- Салтыкова Е. А.** Типы образного переосмысления фразеологических единиц87
- Сумина Е. С.** Понятия «толерантность» и «Toleranz» в научной картине мира94
- Улогова О. Ю.** Оппозитивная представленность межличностных отношений в семантике глагольных единиц103

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Атьман О. В., Поляков Д. С.* Особенности вербализации лингвокультурного концепта «terrorism/терроризм» в политическом дискурсе США111

ЯЗЫК СМИ

- Коваленко Г. Ф.* Номинативное поле концепта ‘political leader’ в журнале “Newsweek”115
- Лубожева Л. Н.* СМИ значимый «агент» распространения профессиональных единиц125
- Прынк В. П.* Некоторые особенности восприятия политического дискурса130

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Байдикова Н. Л.* Проблема разграничения сложных и производно-аффиксальных слов в древнеанглийском языке134
- Губанова И. С.* Омонимика современного английского языка в этимологическом и историко-лингвистическом аспектах ...143
- Линькова Ю. И.* Деятельность как качественная характеристика обобщенного субъекта в русском и английском языках152
- Пестерова Н. В.* Сложные медицинские социолектизмы и основные способы их образования в английском языке ...159
- Федюченко Л. Г.* Когнитивный подход в описании уровня сложности текста на перевод170
- Храмова Ю. А.* Оценочные характеристики концепта «искренность» в английской и русской афористике176

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

- Минасян С. М.* Мультимедиа в образовании: портфолио как эффективный метод работы со студентами неязыкового вуза186
- Сатретдинова А. Х.* Контрастивный анализ в обучении русскому языку как иностранному193

<i>Уланова О. Б.</i> Использование художественных образов в преподавании студентам английского языка	198
<i>АННОТАЦИИ</i>	201
<i>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</i>	208

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Elizarova G. S. Romantic Image of War in the 19th Century
Literature8

Klimina L. V. Analyses of Composition of Artistic Works: Linguistic
Didactic Aspect16

Rahimova N. M. Interaction of Rhetoric Forms and Figures of Speech
with Macrostructure and Superstructure of Artistic Discourse26

Savelyeva E. B. Deictic Pronoun “I” as Means of Actualization
of Images of Character and Author in Narrative Works
by A. Zhid34

LANGUAGE STUDIES

Beletsky S. B. Niklas Luhmann’s System Approach in Analysis
of Talk-in-Interaction41

Kuzina M. A. Phenomenon of Language Purism and Historic
Peculiarities of Linguistic and Social Attitude to the Active Process
of Borrowing into the German Language47

Madzhaeva S. I. Ways of Term Building in the Sublanguage
of Medicine as a Factor of Consistency (Based on Materials
of Term Fields “Diabetis” and “AIDS”)55

Musina L. R. Image of City Reflected in Artistic Discourse
(to the Question of Identification of Chelyabinsk Text)61

Nadobko Y. V. To the Question of Gender Revelation in Male
and Female Speech Behaviour65

Pryadilnikova O. V. Study of Influence of Phonetic Interference
on the Quality of the Russian Literary Language Adoption71

Saltykova E. A. Types of Imaginative Rethinking of Phraseological
Units87

Sumina E. S. Notion “Tolerance” and “Toleranz” in the Scientific
World Picture94

Ulogova O. Ju. Presentation oppositions of interpersonal relations
in verb units semantics103

LANGUAGE OF POLITICS

Atman O. V., Polyakov D. S. Verbilzation of Linguo-Cultural Concept of Terrorism in US political discourse	111
--	-----

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Kovalenko G. F. Nominative Net of the Concept ‘Political Leader’ Represented in “Newsweek”	115
Lubozheva L. N. Mass media Meaningful “Agent” of Professional Units Spreading	125
Prynk V. P. Some Peculiarities of Political Discourse Perception	130

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Baidikova N. L. Problem of Distinguishing between Compounds and Derivatives in the Old English Language	134
Gubanova I. S. Modern English Homonymy in Etymological and Historic-Linguistic Aspects	143
Linkova Y. I. Activity as Qualitative Characteristic of Common Subject in the Russian and English Languages	152
Pesterova N. V. Complex Medical Sociolects and Basic Ways of Their Construction in the English Language	159
Fedyuchenko L. G. Cognitive Approach to the Description of Level of Text-Rendering Complexity	170
Khramova Ju. A. Evaluative characteristics of the concept “sincerity” in English and Russian aphorisms	176

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Minasyan S. M. Multimedia in Education: Portfolio as Effective Method of Work with Students in Non-language Colleges	186
Satretdinova A. H. Contrastive Analyses in Teaching Russian as a Second Language	193
Ulanova O. B. Usage of Artistic Images in Teaching English to Students	198

ABSTRACTS	201
------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	208
--	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВОЙНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Г. С. Елизарова

Статья «Романтический образ войны в литературе XIX века» посвящена лингвистическому рассмотрению концепта «война» в русской национальной картине мира и в индивидуальной картине мира писателей XIX века Ф.Н. Глинки и Д.В. Давыдова.

Ключевые слова: концепт, культурный концепт, художественный концепт, война, философская трактовка концепта, научно-политическая природа концепта

С незапамятных времен человечество идет нога в ногу с самым большим злом, имя которому – война. При этом никто и ничто не может изменить существующий порядок вещей и одним разом покончить с неоправданными кровопролитиями, т.к. воинственность, агрессия, стремление к могуществу и борьба за власть присущи человеку и передаются из поколения в поколение на протяжении всей истории существования *Homo sapiens*.

За последние пятьдесят столетий на Земле произошло около 14500 войн, различных по длительности, числу жертв и разрушительным последствиям.

Таковы данные беспристрастной статистики, отражающей только голые цифры, что же касается людского горя, то его никто не считал. Ученые еще не придумали такого прибора, который бы измерял человеческие чувства. Но если бы вдруг такое произошло, то его шкала остановилась бы на самой высшей отметке, т.к. война – это смерть, горе, ненависть, ярость, беда, ужас, разрушение, хаос. И это далеко не все определения: синонимов у этого слова слишком много и все они значатся в сознании людей под знаком «минус». И хотя они были бы рады никогда не сталкиваться с этим страшным явлением, но... так уж устроен мир, и никто пока не может изменить его.

На протяжении веков войны формировали европейскую историю, становясь самыми высокими ее вехами. Иногда затихают, но не дают

о себе забыть – к войне европейцы постоянно готовятся, страхась быть застигнутыми ею врасплох, и это стало государственным инстинктом, стабильным элементом человеческой психики. Отсюда и постоянно военного сюжета в славянской словесности.

Проблема природы концептов является одной из сложнейших междисциплинарных проблем, попытки изучения которой предпринимаются в рамках философии, культурологии, лингвистики и других наук. Сложный характер объекта анализа предопределяется не только широким разбросом мнений относительно его сущности, но и выделением различных аспектов анализа и видов концептов в современной литературе. Так, на данный момент термин *концепт* не является строго определенным. Это скорее обобщающее название для нескольких схожих по сущности, но различающихся по функционированию явлений: познавательный, культурный, языковой, художественный и другие концепты.

На наш взгляд, наиболее приемлемой является дефиниция этого термина, разработанная в когнитивной науке, где *концептом* признается не просто общее понятие (универсалия), а специфическая единица познания, которая отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и который отражает содержание опыта и знания.

В настоящее время большинством исследователей признается заместительный характер концептов: они выступают как результативные символы, заменяющие, во-первых, что-либо в реальном мире, во-вторых, – всю совокупность знаний об объекте (мыслительный гештальт) какой-либо частью: «... *концепт* есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1. С. 269].

Итак, *концепт* – это устойчивое понятие, которое заключает в себе ряд понятий, то есть понятие «*концепт*» – многозначно, поэтому имеет несколько синонимов: архетип, образ, символ и др.

Понятие внутреннего мира человека как единой системы в настоящее время является скорее философским, нежели лингвистическим. Несмотря на то, что отдельные ее компоненты описаны достаточно подробно в лексическом плане, комплексного описания внутреннего мира человека как специфической когнитивно-семантической функциональной системы пока не существует. Такое описание, по нашему мнению, невозможно сделать, опираясь на структурно-семантические парадигмы, детально классифицирующие элементар-

ные компоненты. Напротив, оно требует синтезирующего подхода, базирующегося на выделении концептов как единиц формирования и структурализации человеческих знаний и опыта.

Описание любого концепта начинается с выявления семантики и происхождения ключевого слова. Слово *война* имеет праславянское происхождение и прослеживается во всех славянских языках с тем же значением: укр. війна, русск. – цслав. война, болг. война, словен. vojna, чеш., слвц. vojna, польск. wojna, в.-луж., н.-луж. wojna [4. С. 335].

П.Я. Черных считает, что «само общеславянское существительное *vojna* по происхождению является субстантивированным прилагательным ж.р. ед.ч. от *војъпъ*, -а, -о (от общеславянского *војъ* – «воин», «боец» с суф. -ьпи со значением «относящийся к войску, к воинам, к войне»)» [6. С. 162].

В современном русском литературном языке словари отмечают для данного слова два значения – прямое и переносное, которое, видимо, сформировалось в конце XIX в., т.к. словарь В.И. Даля не отмечает его.

Война.

1) Вооруженная борьба между государствами и общественными классами; противопоставление – *мир*. *Вести войну*. *Разгорелась война*. *Гражданская война*. *Позиционная война*. *Находиться в состоянии войны с кем-нибудь*. *Партизанская война*.

2) Состояние вражды, борьбы между отдельными лицами или группировками. *Литературная война*. *Разгорелась война между заинтересованными ведомствами* [3. С. 348].

В концепт «война» входит и научно-философская и научно-политическая трактовки этого явления [5]. С точки зрения научно-политической, *война* – это организованная вооруженная борьба между государствами (или классами), которая по своей социально-политической сущности представляет продолжение политики этих государств (классов) средствами вооруженного насилия.

Если взглянуть на явление войны с философской точки зрения, то *война* (в космическом смысле) *подразумевает* борьбу света против тьмы – или добра против зла. В мифологии имеются многочисленные примеры такой борьбы между силами света и силами тьмы: битва Юпитера с титанами, Тора с гигантами, Гильгамеша и других героев с чудовищами. Конкретное поле боя символизирует тот план реальности, в котором происходит действие. В исламской традиции

война в материальном мире есть попросту «малая священная война», тогда как «великая Священная Война» – это та, которая освобождает человека от врагов внутри него. Чем справедливее война, тем более она оправдана. Генон подчеркивает, что единственным *оправданием* войны служит сведение многого к единому, т.е. беспорядка к порядку. При таком подходе можно увидеть в войне средство восстановления первоначального порядка, или же своего рода «жертвоприношение», выступающее эхом космогонической жертвы. В точности то же самое применимо к психологическому плану. Человеку надлежит стремиться к достижению внутреннего единства в своих действиях и в своих помыслах, а также единства между ними. Единство цели символизируется ритуальной ориентацией, при которой земные «центры» (Полярная звезда либо Восток) становятся зрительными образами подлинного «Центра».

Таким образом, философское и научно-политическое описание войны дает основание для расширения концепта «война» за счет научных понятий и терминов, представляющих собой устойчивые словосочетания различной степени семантической слитности: *политика вооруженного насилия; положение о вечности и неустрашимости войны; войны присущи классово-антагонистическим обществам; войны обусловлены господством частной собственности; войны обусловлены политикой эксплуататорских классов; несправедливые войны препятствуют общественному прогрессу; справедливые войны направлены на освобождение народа от классового и национального угнетения; характер войны; справедливые освободительная и оборонительная войны; подвергаться агрессии; мировые войны; стремление буржуазии к захвату рынков и колоний; силам войны противопоставлена организованная сила мира; война подразумевает борьбу света против тьмы, или добра против зла; малая священная война освобождает человека от врагов внутри него; оправдание войны; война как средство восстановления первоначального порядка; война как жертвоприношение.*

Итак, в результате рассмотрения концепта «война» в русском языке в диахроническом аспекте можно сделать следующие выводы:

1) концепт «война» сформировался в русском и других славянских языках еще в праславянскую эпоху, оказавшись противопоставленным концепту «мир»;

2) в древнерусском языке происходит расширение концепта за счет формирования: а) устойчивых словосочетаний, отражающих

национальные взгляды на войну, б) мифологии язычества, которая способствовала зарождению ритуалов, примет и суеверий, связанных с войной;

3) в русском языке XVII–XIX вв. концепт «война» расширяется за счет новых номинаций, связанных с отражением в языке военных событий истории государства российского, которые вошли в культурный контекст и разговорную речь;

4) во второй половине XIX в. у ключевого слова концепта развивается переносное значение, которое, в свою очередь, начинает формировать вокруг себя определенное поле лексических и фразеологических единиц; в современном русском литературном языке поле концепта значительно расширяется за счет обозначения новых исторических реалий (Вторая мировая война и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и др.).

Возмужавшая, ставшая полнокровной, русская литература с начала XIX в. уверенно обращается к военной теме и не отказывается от нее на протяжении всего столетия, достигнув вершин ее осмысления в гениальном романе Л.Н. Толстого. В литературу приходят писатели, бывшие на войне офицерами и солдатами действующей армии, врагами и корреспондентами. Они приносят свой военный опыт, отчего художественный анализ поступков и переживаний человека, оказавшегося волею судьбы в чрезвычайных фронтовых обстоятельствах, становится с каждым новым произведением более тонким и углубленным.

Участники Отечественной войны 1812 г. боевые офицеры Ф.Н. Глинка и Д.В. Давыдов писали свои «Очерки» и «Дневники» в течение 20-30-х годов XIX в., т.е. много лет спустя после отгремевших сражений. К тому времени, естественно, многие подробности военных событий стерлись в их памяти. Отсюда широкие мазки, которыми они пользуются в своем творчестве. И тот и другой войну окутывают романтическим флером: *«Всякий, кто знал ближе приятность его нрава и душевные качества, не обинюясь, готов был причесть его к вождам благороднейших времен рыцарских. Но никто не мог предугадать тогда, что этот воин, неуступчивый, твердый в бою, как сталь его палаши, будет некогда судиею мирным, градоначальником мудрым и залечит раны столицы, отдавшей себя самоохотно на торжественное всеожожение за спасение России! Это был князь Дмитрий Владимирович Голицын!»*; *«Можно было бы сказать, что Наполеон хотел заломить вдруг оба крыла у нашего орла! Под ки-*

пящими выстрелами своей артиллерии 106-й полк бросился в село Бородино, где ночевали гвардейские егеря (лейб-гвардии егерский полк) под начальством храброго полковника Бистрома. Этот достойный воин, впоследствии названный первым генералом и первым солдатом, по крайней мере с час выдерживал напор неприятеля»; «На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигая что-то в душе его – и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспырынутые рябинами, и бакенбарды, небрежно отпущенные в какое-то общее согласие: из мужчины невзрачного он становился генералом красным! Глаза его сияли, он командовал и в бурке, с нагайкою, на простом донце, неся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым воином. Это был наш князь Багратион» (Ф.Н. Глинка. «Очерки Бородинского сражения»). Д. Давыдов даже излишне поэтизирует партизанский образ военных действий, которым придает несвойственные им черты рыцарственного гусарства. Это вполне понятно, т.к. оба писателя сформировались как поэты на рубеже двух столетий в рамках романтической школы. Они остались писателями допушкинской поры. И не только это. Они сражались на фронте Отечественной войны, самой патриотической, какую когда-либо до того вела Россия. Цель той войны была четкой и ясной: враг вторгся в родные пределы, и нельзя щадить себя, покуда он не будет разбит и изгнан.

Фельдмаршал Кутузов как-то сказал: «Народ разумеет войну сию нашествием татар и, следовательно, считает всякое средство к избавлению себя от врагов не только не предосудительным, но похвальным и священным». Из того же исходили полковники Ф.Н. Глинка и Д.В. Давыдов и не ведали сомнений.

Поэтому война и военные действия в их произведениях характеризуются как неслыханная борьба мужества и смерти; кровавое драматическое представление; кровь и сеча; рубка ужасная; дерутся жестоко, дерутся отчаянно; бой кипит; бой невероятный; кровопролитный бой; дрались с остервенением; великий день битвы; беспримерный; великое сражение; сражение загорелось; это был ад, а не сражение; великая, беспримерная, гомерическая битва; быть или не быть Москве и России; взаимное разрушение; всепожирающая лава; картина ужасная; бой ужасный; черный вертеп; сражение, в котором трусу нет места; частная борьба человека с человеком, война с воином; не сражение, а бойня; сражение, в кото-

ром умирали тысячи; русские парились в банях кровавых железными вениками.

Война ужасна – эта тема присутствует и в «Очерках Бородинского сражения» и в «Дневнике партизанских действий». *Война и страдания – моральные и физические – нерасторжимы: смешанные толпы боролись, резались, уничтожались. Такое взаимное разрушение продолжалось около двух часов; русские пушкари были примерно верны своему долгу. Брели редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишаясь одной руки, канонир отмахивался другою. У подножия редантов лежали русские, немцы и французы. Истекая кровью, они еще язвили друг друга, чем кому было можно. Иные, как говорят, грызлись зубами. Храбрый Любенков... чрез поле ужасов возвратился к своему месту. Там застал он двух товарищей, окровавленных, умирающих: с запекшиюся кровию в устах, с почерневшими от порока лицами, позабыв лет времени и все внешние отношения, они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться, – и дрались беспрерывно, дрались отчаянно. Всадники и кони убитые, обрушаясь на живых, запутывали и подавляли их всею тяжестью своего падения. Живые доми­рали под мертвыми. Поле усеялось растерзанными трупами и над этим полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма, опламенялись красным огнем вулканов и ревели по стону­щим окрестностям громадные батареи («Очерки Бородинского сражения»).*

Лик войны отвратителен и вместе с тем великий, хотя и самый жестокий на свете экзаменатор. В огне, под обстрелом быстро и безошибочно выясняется истинная ценность человека. Понятие воинского долга, верность присяге присущи на войне и простому солдату, и офицеру: *Я как теперь помню поле, которое тянулось от Ерина к Аустерлицу. Оно усеяно было обломками линии – колоннами разоб­щенными, раздвинутыми, гонимыми. Но эти колонны наши с утра до вечера дрались и не поддавались, клали головы, не думая положить ружье; Разрезать линию русскую можно, и бить русских можно, но разбить и покорить мудрено! Опыт показывает, что линия русская, пробитая, разрезанная, изломанная, все еще дерется; ... я увидел храброго офицера с простреленною рукою. Кровь текла из раны,*

Но он не обращал внимания ... По крайней мере, вели пере вязать себе рану; я принес тебе приказание от графа Сиверса. Солдат

заложил ему рану паклею и стал перевязывать платком. Но сильный от природы, он вырвался из рук перевязчика и кричал без памяти: «Второе и третье орудие на правой колонне ... пли! Хорошо, ребята, мастерски! Выстрелы не даром» («Очерки Бородинского сражения»).

Практически никто из простых солдат не думал о славе, подвигах, собственных заслугах – для них война – повседневный быт, обычная работа, проходящая в неблагоприятных условиях, опасных для жизни обстоятельствах. Вся жизнь для них представляется как непрерывный путь труда и заботы о родной земле, ее возделывания и защиты от врагов, где «война» требует от человека полного напряжения сил, полной самоотдачи в борьбе за сохранение своей земли, выступая концентрацией всех напряжений мирного труда, его внутренней сущью, предназначением народа.

Список литературы

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978.
3. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 1978.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. в 4 т. СПб., 1996.
5. Фролов, И. Т. Философский словарь. М., 1980.
6. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994.

List of literature

1. Askol'dov, S. A. Kontsept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. M., 1997.
2. Dal', V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. M., 1978.
3. Ushakov, D. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. T. 1. M., 1978.
4. Fasmer, M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. v 4 t. SPb., 1996.
5. Frolov, I. T. Filosofskiy slovar'. M., 1980.
6. Chernyh, P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka : v 2 t. M., 1994.

**АНАЛИЗ КОМПОЗИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Л. В. Климина

В статье содержатся теоретические сведения по проблеме изучения композиции словесного произведения и образцы разбора композиционной структуры поэтических и прозаических текстов в лингводидактическом аспекте.

Ключевые слова: композиция, лингводидактика, прозаический текст, поэтический текст.

Современный комплексный лингвосмысловой анализ художественного произведения предполагает исследование его идейного содержания, жанрово-композиционной структуры и языка как эстетически организованной системы. В связи с этим на рубеже последних столетий лингвисты активно изучают не только язык произведений словесности, но и композиционную организацию текста, его содержательную структуру. Рассмотрим особенности исследования композиции лирических стихотворений и варианты работы с прозаическими произведениями художественной словесности в лингводидактическом аспекте.

Ритмическая организация стихотворной речи обуславливает особый подход к анализу композиции произведений стихотворного жанра, в которых основной композиционной единицей является строфа. При анализе архитектоники (общей внешней формы строения художественного произведения) необходимо помнить, что между нею и семантикой текста существует определенная связь. Приведем в качестве примера анализ стихотворения А. Блока «О, весна без конца и без краю...» по строфам. Это стихотворение посвящено важной теме в жизни человека – теме выбора пути. В первой строфе лирического текста поэт принимает жизнь целиком, оптимистично приветствует её и отождествляет с «мечтой» и «весной». Повтор гласного [а], самого открытого звука в системе русских гласных, эмоционально настраивает на восприятие весеннего простора, его безграничности и торжественности. Лексический повтор «без конца и без краю» усиливает это светлое восприятие жизни. Эту строфу составляют только восклицательные предложения, которые соответствуют возвышенному душевному настрою лирическо-

го героя. Глаголы «узнаю», «принимаю», «приветствую» подчеркивают активную позицию поэта по отношению к жизни. Глагол «принимаю» в дальнейшем становится доминантой стихотворения и открывает все строфы первой части текста. Однако во второй, третьей и четвертой строфах образная структура произведения изменяется. Жизнь, которую принимал поэт, оказывается сложной, так как в ней переплетаются «неудача» и «удача», «пустынные веси» и «колодцы земных городов», «осветлённый простор поднебесий» и «томления рабских трудов». Поэт принимает как светлые, так и темные стороны жизни. Во второй части поэтического произведения, в последних трех строфах текста, красивая и чужая, холодная лирическая героиня как бы воплощает сложную противоречивость действительности. Враждебная встреча с героиней символизирует позицию поэта к жизни как любовь-вражда. Повтор ключевого слова «никогда» подчеркивает готовность лирического героя к этой «враждующей встрече» с прекрасным, но несовершенным миром. Две части стихотворения объединяет образ «щита», который подчеркивает стойкость лирического героя по отношению к злу и несовершенству жизни. Концовка поэтического произведения, насыщенная глаголами и глагольными формами, утверждает активность поэта-борца, его веру в осветление жизни. Восторженно звучат все риторические восклицания стихотворения, последнее из которых логично завершает произведение:

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю –
Всё равно: принимаю тебя!

Основная трудность анализа композиции лирического стихотворения, по мнению литературоведов, заключается в том, что в нем обычно отсутствует сюжет, так как изображается не событие, а переживание, порожденное каким-то событием [1. С. 8]. Лирический зачин создает нужную поэту эмоциональную настроенность. Лирическая концовка – это разрешение нарастающего эмоционального напряжения, обобщение частного случая, из которого выростала лирическая коллизия. Основные композиционные типы стихотворных произведений: уподобление образа человека и его переживания какому-либо явлению природы, развитие и трансформация одного центрального образа, логическое развитие темы и усложненная композиция, комбинирующая основные её типы. Перечисленные компоненты входят в понятие

образно-тематической композиции лирического стихотворения, разработанное В.Е. Холшевниковым [1. С. 5-49]. Рассмотрим содержательный потенциал и языковую реализацию образно-тематической композиции стихотворения на примере фетовского шедевра.

Стихотворение А.А. Фета «Я пришёл к тебе с приветом...» о душе лирического героя. Выражение чувств, настроений – тема анализируемой лирической миниатюры, отличающейся гармонией и слитностью всех её частей. Прежде всего, цельность поэтического произведения достигается логически стройным движением лирического сюжета от строфы к строфе, в результате чего наблюдаем чередование картин, как бы выливающих одна из другой: встало солнце – просыпается природа – пробуждается страсть – является поэтическое вдохновение. В стихотворении четыре строфы – четыре ступени в развитии одного тематического образа. Каждая следующая ступень – новая, более напряженная трансформация основной темы, фиксация моментов развития чувства лирического героя под влиянием одного события («солнце встало»). Этот тип образно-тематической лирической композиции определяется как развитие и трансформация одного тематического образа, а также его можно назвать композицией градации, непременным условием которой является усиление эмоционального напряжения. Цельность лирического шедевра достигается языковыми средствами разных уровней текста. Так, глаголы в стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...» употребляются во всех временах – прошедшем, настоящем и будущем, которые осознаются как сиюминутные, происходящие в настоящем. Прошедшее время используется в результативном значении: «я пришел», «пришел рассказать», «солнце встало», «лес проснулся», «встрепенулся». Будущее время – «буду петь» – приближено к настоящему: «песня зреет». Сближение времен – одно из свойств спаянности всех частей фетовского произведения. Четкая синтаксическая структура текста – другая важная характеристика анализируемого лирического стихотворения, которое представляет собой одно сложноподчиненное предложение. В каждом четверостишии к анафорически повторяющейся речевой доминанте текста – глаголу «рассказать» – присоединяются с помощью союза *что* группы изъяснительных придаточных. Изъяснительные отношения становятся эстетически значимыми в системе поэтического произведения А.А. Фета. Повторение речевой доминанты и других отдельных слов текста («... лес проснулся, Весь проснулся, веткой каждой, каждой птицей встрепенулся...») придает речи лирического «я» взволнованность и способствует вы-

ражению напора чувств, настроений. Олицетворение («лес проснулся», «полон жаждой» и пр.) приводит к восприятию слияния состояния героя и природы. В результате художественные приемы становятся незаметным свойством совершенной поэтической формы фетовского шедевра, для которой характерно употребление только женских рифм, полных двусложных стоп. Хореические стихи, регулярные пиррихии придают бодрой речи лирического героя легкость и мелодичность. Дополнительное ударение и перенос выделяют заключительные поэтические строки – лирическую концовку стихотворения: «... не знаю сам, что буду Петь, – но только песня зреет». Это не просто вывод, а разрешение нарастающего эмоционального напряжения. Таким образом, выражение состояния лирического героя, жаждущего счастья, через восприятие им природы – идея анализируемого стихотворения. Грамматические формы и синтаксис текста, его образность и элементы стиховой композиции оказываются наиболее семантически и эстетически значимыми, поскольку способствуют логической стройности и гармонии лирического шедевра.

В процессе анализа композиции прозаического текста в школьной аудитории целесообразно пользоваться понятием «словесный ряд». По мнению лингвистов, выделение в композиции экспозиции, завязки, развития действия, кульминации, развязки не выявляет специфику словесного произведения, так как этот порядок частей присущ другим видам искусства [2. С. 235]. А.И. Горшков рекомендует пользоваться следующим определением В.В. Виноградова: «композиция – это система динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве» [2. С. 236]. Словесный ряд как слагаемое композиции выделяется в тексте и представляет собой прерывную или непрерывную последовательность языковых единиц разных уровней, объединенных композиционной ролью. Так, в композиции рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи» наблюдаем развертывание пейзажного, портретного, бытового и эмотивного словесных рядов. Основная роль в раскрытии образа чувства любви героев принадлежит, несомненно, эмотивному словесному ряду, который формируется посредством эмотивной лексики. Доминирующий среди эмотивов текста глагол «покраснел» и его производные подчеркивают переживания героя – помещика, «бессердечно» бросившего соблазненную им молодую крестьянку и случайно встретившего её через тридцать лет. Николай Алексеевич отказывается от любви и преданности Надежды, утверждающей: «Молодость у всякого проходит, а любовь – другое

дело», «Сколько ни проходило времени, все одним жила». Бунинский герой вспоминает «лучшие минуты жизни», называет их «истинно волшебными», но считает «вздором» внесение каких-либо перемен в свою жизнь и в свое понимание брака:

Но, боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил её? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?

И, закрывая глаза, качал головой.

Открывает произведение пейзажный словесный ряд, который не развертывается параллельно с другими рядами, а преобразуется в эмоциональный словесный ряд, выполняющий ключевую функцию в композиции рассказа о любви. Так, заголовок «Темные аллеи» связан не столько с обозначением объекта природы, сколько с сильными чувствами героев и романтикой любви:

(1) – Ведь было время, Николай Алексеевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня помните как? И всё стихи мне изволили читать про всякие «темные аллеи», - прибавила она с недоброй улыбкой.

(2) – Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! «Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи...».

Пейзажный словесный ряд создает холодную осеннюю картину перед встречей героев, познавших когда-то в молодости короткие мгновенья счастья и взаимной любви. Однако бунинский пейзаж представлен в развитии: «В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями...» – «К закату проглянуло бледное солнце» – «Низкое солнце желто светило на пустые поля, лошади ровно шлепали по лужам». «Просветление» осеннего пейзажа и появление исходящего от него «светлеющего» настроения заставляет читателей не печалиться о разлуке героев. Динамично развертывающийся пейзажный словесный ряд поясняет общую эмоциональную атмосферу рассказа и мысль автора о том, что жизнь идет так, как должна идти, и человек не волен внести в неё какие-то перемены. Пейзажный ряд сменяется портретным словесным рядом, языковые единицы которого неоднократно подчеркивают красоту героев, испытавших радость короткой любви и не забывших недолгое счастье: «ещё чернобровый», «оказался ещё стройнее», «кра-

сивое удлиненное лицо с темными глазами» и «тоже чернобровая и тоже ещё красивая не по возрасту женщина. Портретный словесный ряд также взаимодействует с эмотивным рядом, прежде всего в репликах и рассуждениях героя. Например:

Когда поехали дальше, он хмуро думал: «Да, как прелестна была! Волшебно прекрасна!» Со стыдом вспоминал свои, последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда. «Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?»

Бытовой словесный ряд изображает мир героини как успешной хозяйки «опрятной горницы» и повествует о том, чем заполнена жизнь человека, познавшего счастье любви и пронесшего в душе обиды и светлую память о «темных аллеях». Успехи Надежды замечает Николай Алексеевич («И как чисто, приятно у тебя»), поясняет сама героиня («И хозяйствовать я люблю») и оценивает народ («Баба – ума палата. И все, говорят, богатеет»). Бытовой словесный ряд преобразуется в эмотивный в финале произведения. Выражение «пеней на себя» в рассказе Клима о деловых качествах хозяйки горницы Николай Алексеевич трактует в соответствии с тем, что чувствует после разлуки с Надеждой:

– Баба – ума палата. И все, говорят, богатеет. Деньги в рост дает.

– Это ничего не значит.

– Как не значит. Кому ж не хочется получше пожить! Если с совестью давать, худого мало. И она, говорят, справедлива на это. Но крута! Не отдал во время – пеней на себя.

– Да, пеней на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! «Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи...».

Таким образом, в рассказе И.А. Бунина «Темные аллеи» словесные ряды создают историю любви героев и интерпретируют её согласно позиции автора, который не видит в разлуке любящих людей трагедии и ценит в судьбе человека короткие мгновенья счастья.

В ходе изучения композиционной организации прозаического текста обращаем внимание учащихся на соотношение образа автора и образа рассказчика, на видоизменения авторского повествования. В этом плане целесообразно начинать работу с текстами небольшого объема. Например, просим школьников внимательно прочитать стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Воробей» и выяснить, какие формы изложения

имеют место в тексте. Ученики выделяют в произведении повествовательные, описательные контексты и рассуждения автора, которые перемежаются, вливаются один в другой и образуют развертывание сюжетной линии, последовательность изложения. В процессе анализа тургеневского текста ученики отмечают, что автор описывает поступки, состояния, характеристики персонажей: собаки, молодого и старого воробьев и рассказчика. На образ рассказчика указывает повествование от первого лица (местоимение «я» и формы первого лица глаголов). Однако этот рассказ, несомненно, приближен к авторскому повествованию. Напоминаем ученикам о подобном сближении образа рассказчика с образом автора во многих произведениях К.Г. Паустовского и четком отделении образа рассказчика от образа автора, например, в рассказах М.М. Зощенко. В стихотворении в прозе «Воробей» общелитературная лексика, логически стройный синтаксис, точка видения мира и характер оценок создают представление о рассказчике как человеке, тонко чувствующем природу, философски размышляющем о смысле жизни и владеющем писательским мастерством. Повествование рассказчика в тексте И.С. Тургенева не только объективное, стилистически нейтральное, но и субъективное, пронизанное эмоциями. Данное наблюдение объясняет жанровую специфику произведения. Лирика является самым субъективным родом литературы, виды которого ориентированы на изображение чувств. Образ-переживание – основной образ произведений стихотворного жанра. Эпическим произведениям свойственен объективный характер изображения действительности, отстраненность от изображаемого, повествование о событиях, внешних по отношению к автору. В структуре стихотворения в прозе «Воробей» изображается не только событие (случай на охоте), но и выражается чувство автора по поводу происходящего в описываемой им ситуации. Субъективное авторское начало присутствует в произведении и возрастает по мере развития сюжета, что позволяет читателю представить изображаемое объемно, в интеллектуальном и эмоционально-психологическом планах. Выбранный Тургеневым жанр способствует выражению очень важных мыслей о самопожертвовании в реальной жизни, о любви как движущей силе мира.

В дальнейшем рекомендуем сопоставить структуру проанализированного тургеневского текста со структурой других произведений этого же писателя. Например, после чтения рассказа «Бежин луг» учащиеся уже подготовлены к высказыванию следующих суждений о языковой организации этого прозаического текста: 1. Повествование ведется от

первого лица, то есть конкретный субъект повествования – рассказчик. 2. Образ рассказчика и образ автора сближены стилистически. 3. Язык персонажей включает в себя разговорно-просторечные и диалектные языковые средства, тем самым выполняет характерологическую функцию. Сравните:

(1) Я пошёл вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, – одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрел по полю межой. Уже я с трудом различал отдалённые предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть – но то уже была синева ночи. Звёздочки замелькали, зашевелились на нём.

(2) – А слышали вы, ребятки, – начал Ильюша, – что намеднишь у нас на Варнавицах приключилось?

– На плотине-то? – спросил Федя.

– Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, а в оврагах всё казюли водятся.

– Ну, что такое случилось? Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд ещё был глубок; только могилка его ещё видна, да и та чуть видна: так – бугорочек... Вот, на днях, зовёт приказчик псаля Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту». Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псаль он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмелен. А ночь, и светлая ночь: месяц светит...

На материале рассказа «Бежин луг» учителю следует обратить внимание начинающих исследователей на то, что в структуре прозаического произведения передача повествования рассказчику – это не единственный прием перемещения авторской точки зрения в сферу субъекта. В ситуации близости образа рассказчика к образу автора субъек-

тивированное повествование рассказчика перемещается в сферу непосредственных впечатлений и переживаний юных героев. Например:

Прислушаешься – и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

В процессе изучения прозаических произведений художественной словесности в старших классах считаем важным обсудить вопрос о субъективации авторского повествования на материале русской классической и современной прозы. Сущность субъективации авторского повествования состоит в том, что точка видения автора может перемещаться не только в сферу сознания рассказчика, но и в сферу сознания кого-либо из персонажей. В этом случае объективный взгляд автора временно становится точкой видения одного из персонажей [2. С. 272]. В следующих примерах из повести «Степь» А.П. Чехова субъективное представление Егорушки о происходящем передается в авторской речи применением средств художественной изобразительности, мотивированных восприятием персонажа (I), и отражением необычного видения предмета (II):

I. Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошёл по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо.

II. Расставя широко ноги, Егорушка подошёл к столу и сел на скамью около чьей-то головы. Голова задвигалась, пустила носом струю воздуха, пожевала и успокоилась. От головы вдоль скамьи тянулся бугор, покрытый овчинным тулупом. Это спала какая-то баба.

Самостоятельный разбор прозаической миниатюры А.П. Чехова «Спать хочется» позволит учащимся закрепить умение анализировать речевую организацию художественного повествования, в котором персонаж вместе с автором становится субъектом повествования. Восприятие Варькой происходящего, её душевное состояние передают речевые средства, включенные в авторскую речь, что придает художественному тексту эмоциональность и раскрывает глубокую психологическую драму малолетней служанки.

Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребенок, и чуть слышно мурлычет:

Баю-баюшки-баю,

А я песенку спою...

Перед образом горит зеленая лампадка; через всю комнату от угла до угла тянется веревка, на которой висят пеленки и большие черные панталоны. От лампадки ложится на потолок большое зеленое пятно, а пеленки и панталоны бросают длинные тени на печку, колыбель, на Варьку... Когда лампадка начинает мигать, пятно и тени оживают и приходят в движение, как от ветра. Душно. Пахнет щами и сапожным товаром.

Ребенок плачет. Он давно уже осип и изнемог от плача, но всё ещё кричит, и неизвестно, когда он уймется. А Варьке хочется спать. Глаза её слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо её высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булавочная головка.

Старшеклассникам целесообразно предложить сопоставить прозаические произведения разных писателей одной эпохи и прозаические художественные тексты XIX века с прозой XX – XXI веков в плане речевой организации авторского повествования. Сопоставление произведений словесности убедит школьников в том, что соотношение «объективированного» и «субъективированного» авторского повествования в художественном тексте зависит от индивидуальной манеры писателя, его замысла, особенностей изображаемой ситуации. Однако в целом ученики заметят, что в современной русской повествовательной прозе субъективация авторского повествования становится более распространенным приемом, чем в классической русской прозе.

Таким образом, достижения современной функциональной лингвистики в области исследования композиции произведений художественной словесности призваны помочь учащимся в изучении текста как словесного произведения.

Список литературы

1. Анализ одного стихотворения / Под ред. В. Е. Холшевникова. Л., 1985. С. 5–49.
2. Горшков, А. И. Русская словесность: От слова к словесности. М. : Просвещение, 1997. 336 с.

List of literature

1. Analiz odnogo stihotvoreniya / Pod red. V. E. Holshevnikova. L., 1985. S. 5–49.
2. Gorshkov, A. I. Russkaya slovesnost': Ot slova k slovesnosti. M. : Prosveschenie, 1997. 336 s.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУР И ТРОПОВ
С МАКРОСТРУКТУРОЙ И СУПЕРСТРУКТУРОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА**

Н. М. Рахимова

Анализ художественных текстов часто показывает случаи преднамеренной двусмысленности, оказывающей эмоциональное и эстетическое влияние на читателя. В данной статье мы отразили попытку исследовать лингвистические особенности такого явления и его экстралингвистических факторы. Для этого мы использовали методику, которая позволила определить лингвистические инструменты, необходимые для того, чтобы создать неоднозначные ситуации, и показать их роль в раскрытии намерения автора.

Ключевые слова: риторические фигуры, троп, художественный дискурс, когнитивная лингвистика.

Как известно, художественный текст создается по законам ассоциативно-образного мышления, в котором жизненный материал преобразуется в картину, увиденную глазами автора.

Моделируя «фиктивный» мир, писатель обязательно испытывает влияние со стороны реального, таким образом, любое художественное произведение, не будучи прямым и точным воспроизведением действительности, отражает ее некоторые закономерности. Каждой эпохе свойственен свой стиль жизни.

На рубеже 20 и 21 веков сформировались новые представления человека о непрерывно усложняющемся мире. Стремление художников, в том числе авторов художественных текстов, с наибольшей полнотой высказать личностное понимание особенностей и противоречий современного мира приводит их к поиску новых форм изображения жизни и человека. Как отмечал В.В. Виноградов, одна из важнейших закономерностей художественной литературы двадцатого столетия - зависимость средств изображения от предмета изображения [1. С. 467]. На это же указывал в своей работе Д.С. Лихачев [3. С. 144].

Наблюдения за текстами обнаруживают, что одним из средств авторского индивидуального моделирования действительности в художественном тексте является намеренное создание неоднозначности.

Под неоднозначностью понимаются особые случаи организации отдельного фрагмента текста (слово, словосочетание, высказывание) или целого текста, в котором автор, исходя из своего замысла, намеренно создает смысловую неоднозначность, ведущую к способности этого фрагмента или текста без увеличения длины нести одновременно два смысла или более, то есть соответствовать двум или более моделям ситуации.

Как показал анализ, одним из способов создания неоднозначности является использование риторических фигур и тропов. Под тропами понимаются средства создания ткани текста, которые реализуются на уровне слова или словосочетания, а под риторическими фигурами — средства создания ткани текста, которые реализуются в определенном смысловом отрезке, равном предложению или большем, чем предложение. Нам показалось интересным рассмотреть тропы и риторические фигуры с точки зрения дискурсивно-когнитивного подхода.

Теоретической базой для данной статьи послужили некоторые положения когнитивной лингвистики. С точки зрения когнитологии процесс создания неоднозначной модели ситуации трактуется как творческая деятельность автора, осуществляемая им на основе имеющихся у него знаний, мнений, установок и сочетающаяся стереотипы общей культуры и оригинальные ассоциативные связи. Анализ таких созданных автором риторических фигур и тропов осуществляется в контексте всего дискурса, включающего кроме текста и экстралингвистические факторы. Данный подход позволяет подвести тропы и риторические фигуры под единое основание: все они являются результатом авторского индивидуального лингвокреативного мышления и, вербализованные в разных языковых формах и размерах, строятся на намеренном нарушении стереотипа мысли и языка.

Когнитивно-дискурсивный подход к интерпретации тропов и риторических фигур, выявленных в художественном тексте, позволил сгруппировать их в следующие группы. К первой группе относятся: каламбур, алогизм парадокс, игра слов, оксюморон. Данные тропы и риторические фигуры направлены на параллельную реализацию двух или более поверхностных смыслов и тем самым на создание двух или нескольких моделей ситуации. Во вторую группу вошли тексты метафоры, символы, аллегории. Данные тропы и риторические фигуры направлены на одновременную реализацию поверхностного и глубинного смыслов текста или его фрагмента. К третьей группе мы отнесли аллюзии, цитации, ассоциации и реминисценции, которые направле-

ны на реализацию текстового и внетекстового смыслов. В данном случае неоднозначный фрагмент включает модель ситуации из данного текста и модель ситуации из так называемого чужого текста.

Цель настоящей статьи заключается не только в выявлении и типологизации тропов и риторических фигур, используемых в художественном тексте для создания неоднозначной модели ситуации, но и в том, чтобы проанализировать их взаимодействие с содержательными и структурными параметрами художественного дискурса, то есть с макроструктурой и суперструктурой.

Макроструктура – это целостная организация наиболее общих глобальных тем текста [2. С. 228-229], в которой органически слито изображение определенных сторон действительности и их специфическое, свойственное данному художнику осмысление мира. Макроструктура влияет на выбор лингвистических и стилистических средств в процессе реализации авторского замысла.

Из-за ограничения рамками статьи невозможно проиллюстрировать примерами все виды риторических фигур или троп из каждой группы, поэтому мы приведем наиболее типичные.

Рассмотрим макроструктуры, создаваемые риторическими фигурами и тропами, которые условно отнесены к первой группе. Рассказ Х. Райманна „Ich Lump“ освещает проблему одиночества, неприкаянности, неустроенности индивида в современном обществе. Главный персонаж пытается познакомиться с девушкой, но ее спутник, обращаясь к нему „Sie Lump“, ранит его. В больнице, куда попадает герой, к нему снова обращаются „Lump“: **schimpfen sie mich... einen Lump und werfen auf die Strasse...** „Тяготясь своим одиночеством, персонаж подходит к мысли о самоубийстве: „Ich Lump liege auf der Strasse...ob ich Lump überhaupt fortfahren darf zu leben oder ob ich Schluss zu machen verpflichtet bin...“ („Ich Lump“, Reimann H., S. 235).

Игра слов, основанная на взаимодействии неоднократно повторяющихся в тексте паронимов Lump – «негодяй оборванец» и Lumpen – «хлам, тряпье», способствует образному формированию основной темы рассказа: личность пытается интегрировать в общество, но последнее отвергает его и выбрасывает как ненужный хлам. „Müll, Nadern, Knochen, Gerümpel, Lumpen, ich!“ („Ich Lump“, Reimann H., S. 235). Человек как социальное существо стремится стать полноправным в обществе, но общество, существующее за счет отдельных индивидов, отвергает его. Таким образом, посредством риторической

фигуры автор доносит до читателя идею о болезненной парадоксальности современного общества.

Приведем еще один пример из данной группы – оксюморон. В рассказе В. Борхерта „Im Mai, im Mai schrie der Kuckkuck“ внимание автора сосредоточено на раскрытии такой проблемы как противоречивость мира. Герой рассказа - молодой человек, брошенный помимо его воли в пекло войны, не находит себя и в хаосе послевоенного мира. В тексте отсутствует сюжет как такой, нет развития события, это рассказ – размышление, раздумья главного персонажа. При создании модели ситуации автор уделяет большое внимание деталям. „... sie wissen. Dass die Bahn sie dahin bringt. Dafür haben sie bezahlt, an den Staat, mit Steuern einige, einige mit einem amputierten Bein, und mit 20 Pfennig Fahrgeld (Kriegsversehrte die Hälfte...)“ („Im Mai, im Mai schrie der Kuckkuck“, Borchert W., S. 167).

Данная риторическая фигура создает емкую характеристику послевоенного времени, способствуя изображению мира как случайного сцепления явлений и хаотического нагромождения вещей и деталей, мира, в котором отдельный индивид потерялся и потерял себя.

Авторы охотно прибегают к такой риторической фигуре как ирония. Рассказ Э. Ленца называется „Ein Haus aus lauter Liebe“ („Ein Haus aus lauter Liebe“, Lenz S.) Первоначально сильная позиция текстовой суперструктуры «заголовка» создает модель ситуации «благополучная семья, в которой все любят друг друга». Однако дискурс опровергает первую модель, заменяя ее новой «неблагополучная семья, в которой царят лживые отношения и неискренняя атмосфера».

Таким образом, в проанализированных выше рассказах, столь различных с содержательной точки зрения, посредством тропов и риторических фигур передается авторское видение и понимание сложности, парадоксальности, противоречивости и неоднозначности современного мира.

Перейдем к риторическим фигурам и тропам, направленным на реализацию поверхностного и глубинного смыслов. Если модель ситуации, описываемая в художественном тексте, ввиду сложности и абстрактности недоступна прямому наблюдению, авторы используют известные образы. Например, рассказ Ф. Дюрренматта „Der Tunnel“ („Der Tunnel“, Dürrenmatt F.) можно представить как текст-метафору. В нем описывается необычное событие: поезд попадает в нескончаемый туннель, машинист, почуяв неладное, выпрыгивает из окна, а поезд с нарастающей скоростью мчится навстречу гибели. Пассажиры беспечны,

они ни о чем не догадываются. В тексте реализовано одновременно две модели ситуации. Одна – на поверхности: описание необычной поездки. Вторая модель ситуации является глубинной. Вторая глубинная модель ситуации является для авторского замысла более важной. Однако она не перечеркивает первую, а нуждается в ней как в прототипе. Такая организация материала дает автору возможность донести до читателя свое миропонимание: поезд уподобляется человечеству, которое ничего не подозревая, несется к вселенской катастрофе. Текст-метафора, соединяя две модели ситуации – конкретно-бытовую и обобщенно-философскую, становится способом трактовки действительности.

Риторические фигуры и тропы, объединенные в данную группу, позволяют автору за счет одновременной реализации двух моделей ситуации углубить содержание, придать конкретному событию универсальный смысл и поднять его до символического уровня.

На формирование неоднозначной ситуации направлены тропы и риторические фигуры, которые условно отнесены к третьей группе.

Персонаж рассказа Ф. Фюманна „Barlach in Güstrow“ наблюдает вход в город фашистских войск. „Und Goyas Garotte war ein Bild, das ihm seit vier Jahren furchtbar vertraut war, er hatte sie schon seit langem erwartet, als der heilbrüllende Herrwurm einem Gallert gleich, auch durch Güstrows erschauernde Strassen sich gewälzt hatte“ („Barlach in Güstrow“, Fühmann F., S. 203).

Фрагмент неоднозначен в силу того, что здесь сталкиваются две модели ситуации. Первая – об офорте Ф. Гойи «Гаррота», изображающего человека, приговоренного к смертной казни через удушение удавкой – гарротой. Вторая – о входе в город фашистских войск. Столкновение двух моделей ситуации способствует осмыслению сущности фашизма. Благодаря этому автор не только формирует его макроструктуру, но и сцепляет разновременные события, как бы устанавливая связь между прошлым настоящим и предупреждая человечество, что зло может повториться. Данная риторическая фигура передает авторское ощущение взаимообусловленности, взаимосвязанности мира и всего, происходящего в нем.

Макроструктура художественного текста реализуется в его суперструктуре. Последняя конвенциональна и понимается как устойчивый, повторяющийся принцип, схематическая норма определенного жанра [2. С. 228-229]. Например, суперструктура анализируемых художественных рассказов основывается на схеме: экспозиция, завязка, осложнение, кульминация, развязка, вывод.

При определении взаимодействия между тропами и риторическими фигурами, создающими неоднозначную модель ситуации, и суперструктурой можно выделить такие, которые играют в тексте локальный характер и глобальный характер.

Риторические фигуры и тропы, несущие в тексте локальную функцию, обычно связываются с определенным эпизодом суперструктуры, они направлены на решение задачи, связанной именно с этим эпизодом.

Экспозиция рассказов, как известно, включает представление персонажей. Для емкой, яркой и компактной характеристики авторы часто прибегают к окказионализмам, основанным на языковых парадоксах. „Joschi ist kein Schriftsteller, er ist ein Sprechsteller“ („Die Reaktionen“, Wiener H., S. 47).

Рассмотрим тропы и риторические фигуры, выполняющие глобальную функцию. „Es werde Licht. Es wurde aber keins. Denn die Lampe stank, da ich mit ihr mein gequältes Dasein etwas erleuchten wollte, stank sie wie eine mürrische Mine meiner Wirtin“ („Mein Heiligabend“, Hille P. S. 25).

В данном случае неоднозначная модель ситуации создается за счет цитации. Библейская цитата „Es werde Licht! und es ward Licht“ („Die Bibel“, Lutherbibel, Psalm 33.9) сталкивается с описанием быта. Благодаря созданной модели ситуации неоднозначного характера экспозиция одновременно описывает обстановку, атмосферу беспросветности, а также душевное состояние главного персонажа. В развязке мы находим следующий вывод: „Ein deutscher Dichter, der sich nicht mal ein bisschen Dynamit kaufen kann zum Christkindchen – pfui Teufel“ („Mein Heiligabend“, Hille P., S. 26). Намеки на фатальный исход читатель мог обнаружить уже в экспозиции рассказа, и становится ясно, насколько удачна избранная автором суперструктура рассказа с использованием риторической фигуры. Таким образом, если риторическая фигура носит глобальный характер, то она вносит свой вклад в формирование содержания всего дискурса.

Исследуемый материал продемонстрировал участие риторических фигур в реализации авторского замысла путем формирования макроструктуры и организации суперструктуры рассказа. Однако можно выделить случаи, когда эпизод суперструктуры оказывает влияние на адекватное понимание самой риторической фигуры.

Обратимся снова к рассказу ф. Дюрренматта „Der Tunnel“. Создавая реальный план повествования, автор следовал канону евро-

пейского рассказа и точно обозначил время и место действия: „Ein vierundzwanziger, ...diese junge Mann... stieg eines Sonntagnachmittags in den gewohnten Zug. Abfahrt siebzehnuhrfünfzig, Ankunft neunzeuhrsiebenundzwanzig... Der Zug hatte sich ...zwischen den Alpen und dem Jura fortzubewegen,... und tauchte denn auch nach noch nicht genau zwanzig Minuten Fahrt, gerade nach Burgdorf in einen kleinen Tunnel“ („Der Tunnel“, Dürrenmatt F., S.202). На фоне этих реальностей более выступает второй глубинный метафорический смысл, ведущий к философской интерпретации данного рассказа.

У художественного рассказа может наблюдаться намеренное авторское нарушение традиционной суперструктуры, например отсутствие определенных эпизодов суперструктуры или изменение последовательности ее эпизодов. Вследствие этого последняя приобретает drobный характер.

В рассказе В. Борхерта „Die lange lange Strasse lang“ главный персонаж – бывший лейтенант Фишер – одновременно жертва и виновник. Этот вечный странник бредет по деревенской улице, находясь в состоянии смятения и испытывая раскаяние и растерянность. Сюжет в рассказе отсутствует. В видениях главного персонажа причудливо соединены воспоминания прошлого (война, фронт) и фантастические картины будущего. Разорванность сознания бывшего лейтенанта Фишера отражает его внутренний монолог, в котором переплетены разум и безумие. Мысли героя **то логичны, то хаотичны**. „eben hat er zu mit gesagt: Guten Tag, Herr Fischer. Bin ich Herr Fischer? Einfach wieder Herr Fischer? Ich war doch Leutnant Fischer... Guten Tag, hat er gesagt...einen guten Tag hat er gewünscht – für Leutnant Fischer gibt es keinen guten Tag mehr“ („Die lange lange Strasse lang“, Borchert W., S. 149). Автор намеренно создает неоднозначную модель ситуации, опираясь на риторическую фигуру – на игру со словом „Tag“, а также сознательно игнорирует традиционное построение рассказа: раздробленность описываемых событий приводит к отрывочному фрагментарному изложению. Однако это не означает, что суперструктура отсутствует: формально она упорядочивается системой повторов, в качестве которых используется рефрен солдатской песни. Индивидуальное решение суперструктуры с внешним нарушением традиции определяется замыслом автора.

Выбор риторических фигур и тропов для моделирования действительности обусловлен усложнением жизни общества, противоречивостью и неоднозначностью объективной реальности. Интерпретация

риторических фигур и тропов в контексте дискурса позволяет сделать вывод, что они представляют собой не просто стилистические элементы, а становятся способом осмысления действительности и важным средством создания фиктивного мира художественного дискурса.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959. 654 с.
2. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
3. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л. : Наука, 1967. 372 с.

Источники

1. Borchert, W. Im Mai, im Mai schrie der Kuckkuck. М. : Progress, 1971.
2. Borchert, W. Die lange lange Strasse lang. М. : Progress, 1971.
3. Dürrenmatt, F. Der Tunnel / Schweizer Dichter erzählen. М. : Progress, 1962.
4. Fühmann, F. Barlach in Güstrow / Bettina pflückt Narzissen und andere Geschichten. Halle-Leipzig : Mitteldeutscher Verlag, 1985.
5. Hille, P. Mein Heiligabend / Cafe Klöbchen. 38 Grotresken. Berlin : Verlag Eulenspiegel, 1988.
6. Lenz, S. Ein Haus aus lauter Liebe. Berlin : Aufbau-Verlag, 1977.
7. Lutherbibel. Psalm 33.9 / bibel-online.net
8. Reimann, H. Ich Lump / Cafe Klöbchen. 38 Grotresken. Berlin : Verlag Eulenspiegel, 1988.
9. Wiener, H. Die Reaktionen / Meine besten Satiren. Wien : Amalthea, 1982.

List of literature

1. Vinogradov, V. V. O yazyke hudozhestvennoy literatury. М. : Goslitizdat, 1959. 654 s.
2. Deyk van, T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. М. : Progress, 1989. 312 s.
3. Lihachev, D. S. Poetika drevnerusskoy literatury. L. : Nauka, 1967. 372 s.

Источники

1. Borchert, W. Im Mai, im Mai schrie der Kuckkuck. М. : Progress, 1971.
2. Borchert, W. Die lange lange Strasse lang. М. : Progress, 1971.
3. Dürrenmatt, F. Der Tunnel / Schweizer Dichter erzählen. М. : Progress, 1962.
4. Fühmann, F. Barlach in Güstrow / Bettina pflückt Narzissen und andere Geschichten. Halle-Leipzig : Mitteldeutscher Verlag, 1985.
5. Hille, P. Mein Heiligabend / Cafe Klöbchen. 38 Grotresken. Berlin : Verlag Eulenspiegel, 1988.
6. Lenz, S. Ein Haus aus lauter Liebe. Berlin : Aufbau-Verlag, 1977.
7. Lutherbibel. Psalm 33.9 / bibel-online.net
8. Reimann, H. Ich Lump / Cafe Klöbchen. 38 Grotresken. Berlin : Verlag Eulenspiegel, 1988.
9. Wiener, H. Die Reaktionen / Meine besten Satiren. Wien : Amalthea, 1982.

**ДЕЙКТИЧЕСКОЕ МЕСТОИМЕНИЕ «Я» КАК СРЕДСТВО
АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЯ И АВТОРА
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ЖИДА**

Е. Б. Савельева

Категория автора и образа героя в литературоведении многоаспектны и многогранны, и поэтому они представляют интерес для широкого круга исследователей. В романах французского автора А. Жиде их проявление исследовано с лингвистической точки зрения, и дейктические местоимения (из-за своей функции идентификации) актуализируют образ героя и автора особенно в автобиографических текстах с повествованием от первого лица.

Ключевые слова: дейксис, образ героя, произведение А. Жиде, повествователь, художественная форма.

Взаимосвязь между художественной формой и повествователем, способы и приёмы номинации автора и героя в художественном тексте достаточно разнообразны и зависят от многих факторов.

Выдающийся языковед В.В.Виноградов выделяет три основные формы нарративного текста:

1) повествование от 1-го лица, где мир текста и мир коммуникативной ситуации тождественны;

Вместе с тем, в литературе часто используется прием повествования от первого лица, при котором повествующий является не участником, а лишь наблюдателем происходящих и описываемых событий. В таком случае может существовать «я» в авторских размышлениях, при этом лицо, от имени которого ведётся повествование, не обозначается.

2) повествование без 1-го лица - повествователь не принадлежит миру текста, это традиционный нарратив;

3) форма СКД - свободно-косвенный дискурс, повествование, при котором повествователь частично уступает персонажу свое право на речевой акт, возникает говорящий в 3-м лице. [1. С. 42].

В первом выделяемом случае, когда автор является рассказчиком (адресантом), его монологическая речь, субъективные высказывания, производимые от первого лица, неизбежно сопровождаются

«грамматическими указываниями» [4. С. 135], дейктическими маркерами. Дейксис языковой системы служит для актуализации компонентов речи и содержания высказывания через конкретизирующие указания на участников речевого акта: говорящего и слушающего (или адресанта и адресата, или автора, и более широко - читателя).

Изучению дейксиса посвящено большое количество работ многих лингвистов: и отечественных, и зарубежных. Существуют самые разные точки зрения на это языковое явление. Однако спорных вопросов остается достаточно много. Взгляд на дейксис с позиций его грамматических свойств и более современный подход, подчеркивающий, что дейксис представляет функциональную сторону языка, считается нами наиболее прагматичным. Раскрывая заявленную тему, проанализируем ее, опираясь на теоретические изыскания известных французских лингвистов: О. Дюкро (O. Ducrot), К. Кербра-Орекьони (C. Kerbrat-Orecchioni), Д. Мегано (Dominique Maingueneau).

В лингвистической науке под термином «местоимение» принимается группа заместительных слов с указательной (дейктической) функцией. Давая словам-дейктикам свое определение: «Les unités linguistiques dont le fonctionnement sémantico-référentiel (sélection à l'encondage, interprétation au décodage) implique une prise en considération de certains des éléments constitutifs de la situation de communication, à savoir:

- le rôle que tiennent dans le procès d'énonciation les actants de l'énoncé,

- la situation spatio-temporelle du locuteur, et éventuellement de l'allocutaire» [10. С. 41] Кербра-Орекьони в своём популярном научном исследовании «L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage.» [10] предлагает считать их лингвистическими единствами, семантико-референциальное функционирование которых, осуществляется при наличии базовых элементов ситуации коммуникации, а именно, наличия актантов высказывания и пространственно-временных отношений внутри текста для прагматической связи адресанта и адресата. Дейктические слова являются указателями участников речевого акта, выражают единственность объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего. При этом местоимения-дейктики являются особо значимыми, а местоимение «я» выделяется как дейктический центр речевого акта, примерный ориентир речи. Считается, что наряду с другими личными местоимениями (1-е и 2-е лицо множественного числа и 2-е лицо единственного числа), местоимение первого

лица единственного числа является «устойчивым дейктическим элементом» [3. С. 7].

В своей работе **«Aborder la linguistique»** Доминик Мерано (Dominique Maingueneau) верно подмечает, что: « Le pronom « je » par exemple n'est pas un pronom comme les autres, il ne remplace aucun nom, mais « je », l'énonciateur. On remarquera que cet « énonciateur » n'est pas l'individu en chair et en os qui parle, mais un certain rôle, celui d'énonciateur précisément, qui n'existe que dans et par la langue » [11. С. 87]. То есть местоимение «я» являясь заместителем имени, принимает на себя функции, исключительно, говорящего и никакого другого субъекта речи.

Если анализировать местоимение «я» с лингвистической точки зрения, то О.Дюкро, рассматривая слова-дейктики типа «я» пишет: «Хотя оно (слово) референтно при каждом употреблении, оно не имеет никакой референции само по себе, в отрыве от высказывания, то есть тогда, когда оно выступает в качестве языкового знака, элемента языковой системы. А в системе языка его функция состоит единственно в том, что оно содержит определенные указания, с каким референтом оно соотнесено в каждом случае употребления, причем должны учитываться переменные обстоятельства акта высказывания» [6. С. 269].

Поэтому для понимания характера референции оказывается важным такой компонент высказывания, как дейктический, на основе которого формируется его субъективность в рамках референции. «Референция, в полном ее объеме характеризует не предложение, а высказывание: референция осуществляется говорящим в речевом акте» [5. С. 3]. Дейктические местоименные средства определяют границу взаимопроникновения пропозиционального содержания высказывания и параметров коммуникативной ситуации. И наряду с модальностью и референцией являются способом актуализации компонентов речевой ситуации в текстовой коммуникации.

Материалом проведенного исследования послужили повести знаменитого писателя Франции XX-века А. Жида (A. Gide) «Имморалист» («L'Immoraliste») [7], «Тесные врата» («La Porte étroite») [8], «Изабель» («Isabelle») [9], написанные от первого лица в жанре нарратива и с точки зрения этической направленности представляющие собой некую трилогию развенчания разных форм аморальности.

Повествования, идущие в произведениях от имени главных героев, принимают «je» в качестве ведущего местоименного средства для идентификации текстового адресанта:

«**Je** ne veux pas d'autre secours que celui-là : vous parler. - Car je suis à tel pont de ma vie que **je** ne peux plus dépasser. Pourtant ce n'est pas lassitude. Mais **je** ne comprends plus. **J'**ai besoin... **J'**ai besoin de parler, vous dis-**je**. (*L'Immoraliste*)

Оно же используется писателем для выражения мысли в диалогической форме и позволяет создать указательность между «я» и другими маркерами личного дейксиса:

- Mais pourquoi nous fiancerions-nous ? Ne nous suffit-il pas de savoir que nous sommes et que nous resterons l'un à l'autre, sans que le monde en sois informé ? S'il **me** plaît d'engager toute **ma** vie pour elle, trouveras-tu plus beau que je lie **mon** amour par des promesses ? Pas **moi**. Des vœux sembleraient une injure à l'amour ... **Je** ne désirais **me** fiancer que si je me défiais d'elle.

- Ce n'est pas d'elle que **je me** défie ... (*La Porte étroite*)

«Ils se ressemblent tous, lui disait-je. Chacun fait double emploi. Quand **je** parle à l'un d'eux, il **me** semble que **je** parle à plusieurs.

- Mais, **mon** ami, répondait Marceline, **vous** ne pouvez demander à chacun de différer de tous les autres.

Plus ils se ressemblent entre eux et plus ils diffèrent de **moi** ». (*L'Immoraliste*)

Наличие «я» в диалоге также создает акт коммуникации с включением других прономинальных указателей, как в примере разговора с одним из ключевых персонажей «Имморалиста», Меналком:

- **Je** ne puis vous quitter ainsi, **me** dit-il. Sans doute **j'**ai mal compris vos paroles. Laissez-**moi** du moins l'espérer ...

- Non; répondez-**je**. **Vous** ne les avez pas mal comprises ... mais elles n'avaient aucun sens ; et **je** ne les eus pas plus tôt dites que **je** souffris de leur sottise, - et surtout de sentir qu'elles allaient **me** ranger à **vos** yeux précisément parmi ceux dont **vous** faisiez le procès tout à l'heure, et qui, **je vous** l'affirme, **me** sont odieux comme à **vous**. **Je** hais tous les gens à principes. ...

В следующем отрывке проявляется довольно частый случай адресации говорящего к адресату в ситуации обращения:

Je m'élançai vers elle avec une sorte de rage : « Marceline ! Marceline ! » - Allons bon ! Qu'ai-**je** fait ! Ne suffisait-il pas que **moi je** sois malade ? - Mais **j'**étais, **je** l'ai dit, très faible ; peu s'en fallut que **je** ne me trouvasse mal à mon tour. **J'**ouvris la porte ; **j'**appelai ; on accourut. (*L'Immoraliste*)

Внутренний диалог, рассуждения автора по ходу повествования, наиболее характерный пример проявления речевого высказывания с наличием «я»:

Je quittai Fongueusemare deux jours après, mécontent d'elle et de **moi-même**, plein d'une haine vague contre ce que **j'**appelais encore « vertu » et de ressentiment contre l'ordinaire occupation de **mon** coeur. Il semblait qu'en ce dernier revoir, et par l'exagération même de **mon** amour, **j'**eusse usé toute **ma** ferveur ; chacune des phrases d'Alissa, contre lesquelles **je m'**insurgeais d'abord, restait en **moi** vivante et triomphante après que mes protestations s'étaient tues. Eh ! sans doute elle avait raison ! **je** ne chérissais plus qu'un fantôme ; L'Alissa que **j'**avais aimée, que **j'**aimais encore n'était plus ... (*La Porte étroite*)

Je repense souvent à ses larmes et **je** crois maintenant que, déjà se sentant condamnée, c'est dur de regret d'autres printemps qu'elle pleurerait. - **Je** pense aussi qu'il est de fortes joies pour les forts, et de faibles joies pour les faibles que les fortes joies blesseraient. Elle, un rien de plaisir la soulait ; un peu d'éclat de plus, et elle ne le pouvait plus supporter. Ce qu'elle appelait le bonheur, c'est ce que **j'**appelais le repos, et **moi je** ne voulais ni ne pouvais me reposer. (*L'Immoraliste*)

Идентификация другого персонажа, его характеристика с описанием портретных деталей, также достигаются через участие местоимения первого лица единственного числа как действительного маркера в акте речи, в котором оно обозначает говорящего. Подобная идентификационная функция личного отношения адресанта к конкретному образу обеспечивает не только присутствие автора в тексте, но и выражает его субъективную оценку при высказывании:

Il revint. - Ah ! que **j'**avais raison de craindre et que Ménalque faisait bien de renier tout souvenir ! - **Je** vis entrer, à la place de Charles, un absurde Monsieur, coiffé d'un ridicule chapeau melon. Dieu ! qu'il était changé ! Gêné, contraint, **je** tâchai pourtant de ne pas répondre avec trop de froideur à la joie qu'il montrait de me revoir ; mais même cette joie **me** déplut ; ... **je** vis avec dégoût qu'il avait laissé pousser ses favoris. (*L'Immoraliste*)

Дейктический «я» участвует сфере чувственного восприятия, в выражении эмоционального состояния автора, на основании которого происходит передача языкового сообщения. При этом подтверждается, что субъективный компонент есть явление сугубо речевого плана, обратимся для подтверждения к следующему фрагменту высказывания:

Dehors! Oh! **J'**aurais crié d'allégresse. Qu'allais-**je** faire? **Je** ne sais pas. Le ciel, obscure le jour, s'était délivré des nuages; la lune presque pleine luisait. **Je** marchais au hasard, sans but, sans désir, sans contrainte. **Je** regardais tout d'un oeil neuf; ... (*L'Immoraliste*)

- Oh! Pas pour **moi**, protestai-**je**; jusqu'à présent, si pour travailler **j'**avais eu besoin de solitude, **je** ne ... (*Isabelle*)

При анализе текста произведения выявлены также случаи высказывания, сообщающие об адресации кому-либо речевых интенций других персонажей, не самого адресанта, но производимого им самим, в роли исполнителя речевого акта:

Il revint, me sourit, me parla et me donna divers remèdes. **Je** compris qu'il me condamnait. - Vous l'avouerai-**je**? **Je** n'eus pas un sursaut. (*L'Immoraliste*)

Как мы видим, во всех показанных примерах присутствует говорящий, адресант, в той или иной степени, способствуя конструированию образа «я» у адресата, на основании существующей прагматической связи, возникшей при наличии индикационных слагаемых определяющих их. Функциональная характеристика местоимений, их роль, структура и значение определяются и уточняются в контексте, в ситуативной референции. Очевидно, также, что дейктические функции личных местоимений (прежде всего местоимения первого лица единственного числа, как исполнителя роли речевого действия) весьма многогранны и чрезвычайно важны для высказывания. Следующий вывод подтверждается определением Е.В. Падучевой, данным ею местоимениям-дейктикам: «... местоимение, в значение которого входит отсылка к участникам акта речи или к речевой ситуации, называется дейктическим ...» [5. С. 171]. Они относятся к наиболее употребительным словам, помогают экономно выражать мысли, а также избегать излишних повторов, делают речь разнообразной и стилистически обработанной в процессе их отнесенности «к объектам действительности (референтам, денотатам)» [1. С. 411].

Итак, субъективное лицо, представленное как «я» адресанта, и находящее своё выражение в речевом акте, в котором оно употребляется, не существует вне контекста. Оно референциально и указывает на говорящего, и в процессе референции «я» не может получить другого значения, которое отличало бы его от своего главного значения - автора речи, автора высказывания.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д., 1991 Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 411–412.
2. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. 360 с.
3. Кибрик, А. А., Местоимение: морфологические, синтаксические и дискурсивные аспекты. Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990. 205 с.
4. Кирющенко, В. В., Язык и знак в прагматизме. СПб., 2008. 199 с.
5. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2008. 296 с.
6. Дюкро, О. Неопределенные выражения и высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13. М., 1982. 312 с.
7. Gide, A. *L'Immoraliste*, Editions Gallimard, Mercure de France, 1902. 182 p.
8. Gide, A. *La Porte étroite*, extraits sélectionnés par J. Mallion et H. Baudin, Bordas, 1972. 160 p.
9. Gide, A. *Isabelle*, Editions Gallimard, 1921. 148 p.
10. Kerbrat-Orecchioni, C. *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*, Paris, Armand Colin, 2009. 267 p.
11. Maingueneau, D. *Aborder la linguistique*, Paris, Editions du Seuil, 1966, et avril 2009. 178 p.

List of literature

1. Arutyunova, N. D., 1991 Referentsiya // *Lingvisticheckiy entsiklopedicheskiy slovar'*. M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 411–412.
2. Vinogradov, V. V. *O yazyke hudozhestvennoy prozy*. M. : Nauka, 1980. 360 s.
3. Kibrik, A. A., *Mestoimenie: morfologicheskie, sintaksicheskie i diskursivnye aspekty. Teoriya grammatiki: leksiko-grammaticheskie klassy i razryady slov*. M., 1990. 205 s.
4. Kiruschenko, V. V., *Yazyk i znak v pragmatizme*. SPb., 2008. 199 s.
5. Paducheva, E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeny*. M., 2008. 296 s.
6. Dyukro, O. *Neopredelennye vyrazheniya i vyskazyvaniya* // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp.13. M., 1982. 312 s.
7. Gide, A. *L'Immoraliste*, Editions Gallimard, Mercure de France, 1902. 182 p.
8. Gide, A. *La Porte étroite*, extraits sélectionnés par J. Mallion et H. Baudin, Bordas, 1972. 160 p.
9. Gide, A. *Isabelle*, Editions Gallimard, 1921. 148 p.
10. Kerbrat-Orecchioni, C. *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*, Paris, Armand Colin, 2009. 267 p.
11. Maingueneau, D. *Aborder la linguistique*, Paris, Editions du Seuil, 1966, et avril 2009. 178 p.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА Н. ЛУМАНА

С. Б. Белецкий

В данной статье предпринята попытка применить принцип проверки понятости сказанного в коммуникации, разработанный немецким социологом Никласом Луманом, к анализу устной речи с привлечение категориального аппарата конверсационного анализа.

Ключевые слова: устная речь, вербальная коммуникация, конверсационный анализ, общая теория систем Никласа Лумана, третий закрывающий шаг

В данной статье нами предпринята попытка применить принцип проверки понятости сказанного в коммуникации, разработанный немецким социологом Никласом Луманом, с привлечение категориального аппарата конверсационного анализа. Анализируемый коммуникативный эпизод – фрагмент передачи «Кто хочет стать миллионером?», вышедшей в эфир 12 марта 2001 года, с участием Игоря Сазеева.

Общая теория систем, в фундаментальном аспекте разработанная Н. Луманом, отводит особое место коммуникации как механизму дифференциации социальных подсистем и как способу самовоспроизводства общества в целом. В лумановской социологии общество предстает как всеобъемлющая система социальных коммуникаций. Оно конституируется различением себя и внешнего мира. Внутри себя общество разграничивает себя на подсистемы, т.е. оно дифференцируется на ряд подсистем (наука, политика, медицина¹ и пр.), системы интеракций, системы организаций, «присоединяя коммуникации» определенного рода и «отторгая» другие. Подсоединение коммуникаций возможно только посредством смысла [2].

В процессе межличностной коммуникации, по мнению Лумана, «если за одним коммуникативным действием следует другое, то

¹ В части, касающейся теории систем, мы придерживаемся оригинальной терминологии, хотя некоторые понятия теории систем вполне могут быть «переведены» в термины дискурс-анализа, применяемые для описания тех же структур.

всегда одновременно проверяется, была ли понята предшествующая коммуникация. Сколь бы ни была неожиданна присоединяющаяся коммуникация, она также используется для того, чтобы продемонстрировать и проследить, что она основана на понимании предыдущей коммуникации. Проверка может дать отрицательный результат, и в таком случае она часто дает повод к рефлексивной коммуникации о коммуникации² [2. С. 200]. Иными словами, в ходе процесса коммуникации интерактанты постоянно дают знать друг другу, основываются ли они на уже сказанном (присоединяют новую коммуникацию к предыдущей) или отвергают уже сказанное как ресурс для дальнейшего выстраивания коммуникации, т.е. двигаются от одной точки бифуркации к другой посредством опции да/нет [2. С. 144-145].

Попытаемся проследить процесс подсоединения коммуникации во фрагменте передачи «Кто хочет стать миллионером?», вышедшей в эфир 12 марта 2001 года, с участием Игоря Сазеева – первого участника викторины, выигравшего миллион. Приведем транскрипт³ коммуникативного эпизода.

«Вопрос на миллион»

01 Мксм: <<тихо> если вы сейчас. не правильно ответите. на вопрос? в миллион

02 рублей. вы потеряете четыреста шестьдесят восемь тысяч. конечно у вас

03 останутся (.) тридцать две тысячи? но (.) риск велик.>

04 <<громко> поэтому я напОмню вам.> несмотря на то что у вас нет подсказок?

05 вы можете (.) до того как вы ответили на вопрос, забрать заработанные

06 пятьсот тысяч. и (.) с: легким сердцем вернуться в Санкт-Петербург (.)

07 но (1.0) нам ничего не мешает посмотреть каков же этот вопрос?

08 Игр: давайте посмотрим ((улыбается))

09 Мксм: на миллион (1.0)

10 посмотрим

² Далее он называет ее рефлексивной коммуникацией.

³ Традиционно в исследованиях по разговорному анализу транскрипты выполняются шрифтом Courier, т.к. он позволяет корректно отображать наложения реплик.

- 11 <<читает>одним из направлений какой религиозной философии является учение
12 дзэн (2,5) даосизм, индуизм, иудаизм, буддизм.>
13 (5.0)
14 Мксм: вот когда надо было звонить Вячеслав Михайлычу
15 Игр: =да
16 Мксм: китаисту
17 (6.0)
18 Игр: ((щелкает языком)) у меня опять есть один вариант
19 но (1,5) риск конечно велик
20 (9.0)
21 Мксм: учение дзэн
22 (6.0)
23 Игр: ((щелкает языком)) я рискну. ответ де дзен-буддизм.
24 я знаю. есть такой.
25 ответ де буддизм
26 Мксм: ответ де [буддизм
27 Игр: [буддизм ((пьет из стакана))
28 Мксм: четыреста шестьдесят восемь тыщ рублей вы потеряете если это не так
29 Игр: но зато я помому буду первым человеком который рискнул ответить
30 на пятнадцатый вопрос, тоже приятно ((смеется))
31 Мксм: не лучше ли? (1.0) синица в руке
32 Игр: .xx xx ой боюсь конечно что жена меня не поймет xx если [я ошибусь
33 Мксм: [жена вас
34 не поймет. это точно
35 Игр: ((смеется))
36 Мксм: итак (.) вы считаете учение дзэн ((щелкает языком))
37 принадлежит к буддизму
38 (7.0)
39 Мксм: еще не поздно забрать пятьсот тысяч рублей
40 Игр: да давайте я все таки рискну (.) пойду до конца ((улыбается))
41 (3.0)
40 Мксм: не смотря на такую заманчивую сумму?
41 Игр: xx заманчиво конечно .xx ((пьет из стакана))
42 Мксм: игорь это ваш выбор я (3,5) не пытаюсь вас склонить к тому или

- 43 иному решению (1,5) просто я волнуюсь не меньше
вашего
- 44 (11,5)
- 45 Игр: нет все таки я отвечу два раза я думал и эти
варианты оказывались
- 46 верными >после подсказок< будем надеяться=что бог
любит троицу
- 47 Мксм: хорошо (.)
- 48 не буду вас больше смущать наводящими
воп=вопросами
- 49 ((шелкает языком) де? [буддизм?
- 50 Игр: [де
- 51 Мксм: ваш окончательный отв[ет
- 52 Игр: [да
- 53 (7,5)
- 54 Мксм: ответ принят

Мы анализируем транскрипт в терминах конверсационного анализа. Базовыми единицами коммуникативного взаимодействия являются парные последовательности (*adjacency pair*). Это такие структуры, как, например, вопрос-ответ, приветствие – ответное приветствие. Они состоят из первой части (*first pair part*, сокращенно FPP), второй части (*second pair part*, сокращенно SPP), которая является непосредственной реакцией на сказанное, и иногда элемента *sequence closing third* [4], название которого можно перевести на русский язык как «третий закрывающий ход». Этот элемент является реакцией на SPP, индикатором правильности понимания собеседником первой части парной последовательности. Иными словами, третий закрывающий ход является реакцией на реакцию. Можно предположить, что именно в этой точке диалогического взаимодействия обнаруживается тот принцип понятности сказанного, о котором говорит Н. Луман.

Появление третьего закрывающего хода говорит о том, что коммуникация подсоединилась посредством опции да, т.е. исходная коммуникация – первая часть парной последовательности – была правильно понята, говорящий согласен с ее трактовкой, предложенной собеседником во второй части парной последовательности. Примером такого подсоединения коммуникации является первая парная последовательность (08-10). Далее можно предположить, что отсутствие третьего закрывающего шага обнаруживает присоединение коммуникации через опцию нет. Примером такого подсоединения коммуникации может служить парная последовательность,

зафиксированная в строчках 26-27. Вместо того чтобы дать сигнал правильности понятого ответа, ведущий инициирует новую парную последовательность, т.е. подключает коммуникацию иного рода.

Применение ведущим тактики передвижения третьего закрывающего шага не позволяет ответу конституироваться как коммуникативному событию. Игрок четыре раза дает ответ (в строчках 23, 27, 50 и 52). В трех случаях ведущий подсоединяет коммуникацию через опцию нет. В четвертый раз ведущий подсоединяет коммуникацию через опцию да, и ответ наконец-то конституируется как таковой.

Наше внимание привлек именно этот коммуникативный эпизод, поскольку ведущему программы Максиму Галкину еще не приходилось сталкиваться с коммуникативной задачей такой важности (вопрос на миллион), равно как и игроку. Этнометодологически ориентированный анализ коммуникативного взаимодействия позволяет восстановить коммуникативные перспективы участников и взглянуть на ситуацию общения «изнутри» – понять, как собеседники интерпретируют тот или иной коммуникативный ход, как они совместными усилиями справляются со сложной коммуникативной задачей. Одним из способов построения коммуникации в «экстремальных условиях» является пропуск третьего закрывающего шага, или в терминологии Лумана – подсоединение коммуникации через опцию нет. Это дает возможность коммуникантам переструктурировать сказанное и повлиять на дальнейшее развитие коммуникации.

Приложение. Транскрипционные знаки [3. С. 88]

- (0.0) Цифрами в скобках обозначаются паузы между высказываниями (в секундах)
- () Фрагмент речи неясен и не может быть транскрибирован
- (.) Знак короткого промежутка между высказываниями (десятые доли секунды)
- (()) Комментарий автора, не является частью высказываний
- (слово) Сомнение в правильности транскрибированного отрывка
- [] Наложение высказываний
- (хх) Смех, улыбка в голосе
- .хх Вдох
- хх Выдох
- слоххво Слово произносится со смехом или улыбкой в голосе
- = Между высказываниями паузы нет вообще

слово_ Прерванное слово

. , ? ! Знаки, символизирующие интонацию: завершающую, перечисляющую, вопросительную и восклицательную

: Растягивание звука; количество значков приблизительно показывает длину растягивания

слово Подчеркнутая буква означает интонационное ударение на этом слове

СЛОВО Слово произносится очень громко, крик

слово Слово произносится подчеркнуто энергично и чуть громче обычного

°слово° Высказывание произнесено заметно тише обычного

↑↓ Повышение и понижение интонации

→ Указание на элемент транскрипта, описываемый в тексте

слово' «Проглоченное» слово или часть слова, разговорный вариант (...)

Часть текста, следующего между высказываниями, опущена

◇ >< Замедление речи, ускорение речи

Список литературы

1. Луман, Н. Введение в системную теорию. Москва : Логос, 2007. 360 с.
2. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007. 643 с.
3. Рогозин, Д. Анализ коммуникативных сбоев в экспертном интервью // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2007. № 5. URL : <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=383>.
4. Schegloff, E. A. Sequence Organization in Interaction. Cambridge ; New York ; Melbourne ; Cape Town ; Singapore ; São Paulo : Cambridge University Press, 2007. 300 p.
5. Transkription nach GAT. URL : <http://www.mediensprache.net/de/medienanalyse/transcription/gat/>.

List of literature

1. Luman, N. Vvedenie v sistemnyu teorii. Moskva : Logos, 2007. 360 s.
2. Luman, N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obschey teorii. SPb. : Nauka, 2007. 643 s.
3. Rogozin, D. Analiz kommunikativnyh sboev v ekspertnom interv'yuu // Sotsial'naya real'nost'. Zhurnal sotsiologicheskikh nablyudeniy i soobscheniy. 2007. № 5. URL : <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=383>. Schegloff,
4. E. A. Sequence Organization in Interaction. Cambridge ; New York ; Melbourne ; Cape Town ; Singapore ; São Paulo : Cambridge University Press, 2007. 300 p.
5. Transkription nach GAT. URL : <http://www.mediensprache.net/de/medienanalyse/transcription/gat/>.

**ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ЛИНГВИСТОВ И ОБЩЕСТВА
К АКТИВНОМУ ПРОЦЕССУ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК**

М. А. Кузина

В настоящей статье сделана попытка привести наиболее полное определение «языкового пуризма» и проследить, как менялись способствующие его зарождению факторы, его творцы, типы и эффективность с начала его зарождения в Германии (и других немецкоязычных странах) в XVII веке по настоящее время.

Ключевые слова: языковой пуризм; языковые кружки, группы и общества; типы пуристической деятельности; эффективность пуристической деятельности; пуристические замены; становление национального литературного языка.

Опыт изучения заимствованных единиц свидетельствуют о том, что процесс заимствования из других языков вполне естественен и обычен. Тем не менее, в отношении к заимствованным единицам нередко сталкиваются две крайности: с одной стороны, перенасыщение речи иностранными словами и оборотами, с другой – отрицание всего иноязычного и стремление употребить только исконное слово.

Языковой пуризм (используемый в отечественной лингвистике термин происходит от французского слова-прототипа «purisme», восходящего к латинскому «purus» – «чистый»; соответствующие термины в немецком («Purisme») и английском («purism») языках имеют аналогичное происхождение) – это деятельность, основанная на научном (чаще ненаучном, то есть нелингвистическом) подходе к совершенствованию языка, подверженная внутриязыковым и внеязыковым воздействиям и ставящая своей основной целью очищение, главным образом, лексической системы языка от ненужных, «вредных» (с точки зрения пуристов) элементов и замену их средствами родного языка в соответствии с литературной нормой [1. С. 11].

Понятие языкового пуризма разрабатывается в монографиях Р.А. Будагова (1965), Р.Э. Келлера (1995), В.Н. Ярцевой (2004), в учебных пособиях М.М. Гухмана, Н.Н. Семенюк и Н.С. Бабенко (1984), М.Д.

Степановой и И.И. Чернышёвой (1986), диссертационных исследованиях М.Е. Геерс (2002), Л.В. Житниковой (1998), С.С. Изюмской (2000), публикациях Б.Б. Кашру (1985), Р. Хоберга (2000). В данных работах даётся представление о конкретных факторах, способствующих зарождению языкового пуризма, о его творцах, типах и эффективности.

К факторам, которые способствуют зарождению языкового пуризма, принято относить исторические, политико-экономические, социальные и культурные события, происходящие на территории народа-носителя определённого языка, а также ситуации билингвизма, ди- или триглоссии. Необходимым условием осуществления пуристической деятельности является начало или окончание становления национального литературного языка, только в рамках которого и возможен языковой пуризм.

В научных трудах по проблеме отношений лингвистов и общества к активному процессу заимствования в родной язык приводятся следующие классификации пуризма.

С точки зрения направленности пуристической деятельности различается внутренний (социальный) пуризм, стремящийся искоренить исконные единицы, находящиеся за пределами языковой нормы, например, диалектизмы, жаргонизмы, архаизмы, и внешний (ксенофобный) пуризм, направленный против заимствований из других языков.

С точки зрения типа пуристических замен возможно выделение архаического пуризма, использующего лексический и словообразовательный материал, накопленный в языке за предшествующие годы его развития, этнического пуризма, который состоит в использовании диалектной и просторечной лексики, а также элитарного пуризма, не допускающего в язык элиты архаизмы и диалектизмы и отдающего предпочтение заимствованиям.

С точки зрения цели пуристической деятельности, различают реформаторский, защитный, традиционный, националистический виды пуризма, а также пуризм-игру.

Творцами языкового пуризма обычно являются отдельные пуристы (писатели, учёные, общественные деятели), языковые группы, кружки, общества, академии, а также всё общество.

Эффективность пуристической деятельности определяется количеством и качеством предложенных пуристических замен, прочно вошедших в лексическую систему литературного языка.

В истории языкового пуризма в Германии можно выделить пять этапов, для каждого из которых характерны особые причины возникновения, типы, цели, степени эффективности и представители пуристических движений.

Для первого этапа (XVII век) языкового пуризма в Германии характерна языковая ситуация французско-латино-немецкой триглоссии с использованием немецкого языка на уровне диалектов и в повседневном общении, а также утрата немецким языком позиций языка науки и поэзии. Основная цель внешнего архаического реформаторского пуризма – замена латинских и французских заимствований исконными словами с использованием возможностей аффиксации и словосложения. Для данного этапа характерно объединение отдельных пуристов в крупные языковые общества, наиболее значимыми из которых представляются «Плодоносное общество» («Fruchtbringende Gesellschaft») (основанное в 1617), «Орден цветов» («Blumenorden») (также известное как «Общество пегницких пастухов» («Gesellschaft der Schäfer an der Pegnitz»)) (1644), «Честное общество под елями» («Aufrichtige Gesellschaft von der Tannen») (1633) и «Общество эльбских лебедей» («Elbschwanenorden») (1658). Одним из первых было основано «Плодоносное общество» по образцу итальянской академии «Академия Круска» («Accademia della Crusca»); позже оно было переименовано в «Пальмовый орден» («Palmenorden»), основными представителями которого являлись Анхальтский Л., Беллин Й., Бёдикер Й., Бухнер А., Вайзе Хр., Гарсдёрфер Г., Гвейнц Хр., Грифус А., Морхоф Д., Опиц М., Ратке В., Цезен фон Ф., Шоттель Ю.Г., Штиллер К. Об эффективности их пуристической деятельности можно судить по введённым ими в употребление (отдельные лингвисты предлагали до 2000 исконных замен) и сохранившимся в современном немецком языке словам, например: «Jahrhundert» – «век», «übersetzen» – «переводить», «wahrscheinlich» – «возможно». Однако число нововведений, не прижившихся в немецком языке – они предлагались для замены уже ассимилировавшихся заимствований, – превышает число востребованных замен.

Пуристические настроения второго этапа (XVIII век) определялись тесной связью нормы литературного языка с языком образованного среднего класса (то есть ведущих канцелярий, известных поэтов и писателей). Внутренний элитарный традиционный пуризм ставил своей целью искоренение архаизмов, диалектизмов и профессионализмов, в то время, как внешний архаико-этнический традиционный

пуризм вёл борьбу с заимствованиями. Творцами языкового пуризма на данном этапе преимущественно являлись отдельные пуристы, такие как: Аделунг И., Рандт Э.М., Гердер Й.Г., Дорнблют А., Кампе И.-Г., Клопшток Ф.Г., Фихте И.Г., Фриш Й.Л., Штайнбах Кр.Э., Ян Ф.Л. и другие, а наиболее известным языковым кружком того времени являлось «Немецкое общество» («Deutsche Gesellschaft») (1727). Особо эффективной представляется работа И.-Г. Кампе, который не только издал «Толковый словарь с исконными заменами для иностранных выражений в нашем языке» («Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke») (1801-1803), но и предложил около 5000 замен для, по его мнению, излишних заимствований – из них около 300 (преимущественно терминов гуманитарных наук) оказались востребованными, например: «Aufgabe» – «задание», «Begriff» – «понятие», «Satz» – «предложение».

Националистические настроения в обществе определили характер пуристического движения – внешнего архаического националистического пуризма и пуризма-игры – на третьем этапе (XIX век). Члены «Общегерманского языкового союза» («Allgemeiner Deutscher Sprachverein») (1885) ставили своей целью искоренение только излишних заимствований и существенно пополнили немецкую лексику новыми словами в областях архитектуры, строительства, железнодорожного транспорта, связи, законодательства, военного дела, школьного образования, кулинарии («Abteil» – «купе», «Bahnsteig» – «перон», «Fahrschein» – «проездной билет», «Postkarte» – «почтовая открытка»). Данное языковое общество насчитывало около 11 тысяч членов, считавшихся надёжными консультантами в вопросах использования немецкого языка; оно имело 160 отделений по всей стране, издавало собственный ежемесячный журнал (с 1886 года) и руководило журналом немецких диалектов (с 1905 года).

Четвёртый этап (период до и после Первой мировой войны) также был окрашен в националистические, а с 1936 года и в антисемитские, тона. Внешний архаический националистический пуризм осуществлялся под лозунгом «Wer Deutsch führen will, muß Deutsch zu ihnen reden» («Тот, кто хочет вести за собой немцев, должен говорить с ними по-немецки») и ставил своей целью искоренение слов латино-греческого, французского и новоеврейского происхождения. Творцами языкового пуризма на данном этапе в основном являлись отдельные пуристы, в частности: Бехагель О., Гайслер Э., Гётце А.,

Клюге Ф., Краусс К., Сибс Т., Хюбнер А., Шпитцер Л., Штольтенберг Х.Л., Энгель Э. и другие. Несмотря на то, что пуризм этого времени зависел от политических настроений представителей пуристического движения и часто вызывал негативное отношение у большинства населения Германии, он всё же способствовал закреплению исконной немецкой научной терминологии в школьном образовании («Geschlecht» – «род», «Erdkunde» – «география», «Zeit» – «время»).

Пятый этап (период после Второй мировой войны) принято отождествлять с экспансией английского языка почти во все языки мира и во все языковые уровни. Основным лозунгом внешнего архаического защитного пуризма данного этапа можно считать высказывание Э.М. Арндта: «Wer seine Sprache nicht achtet und liebt, kann auch sein Volk nicht achten und lieben.» («Тот, кто не охраняет и не любит свой язык, не может почитать и любить свой народ»). Своей целью современный пуризм ставит предотвращение чрезмерного и неправильного употребления английских заимствований, призывая к более аккуратному и разумному подходу к неологизмам английского происхождения. Для настоящего пуристического движения характерно объединение отдельных пуристов в языковые кружки и общества – так, на территории всех немецкоязычных стран насчитывается около 27 подобных объединений. Наиболее значительными из них являются «Общество немецкого языка» («Verein Deutsche Sprache», <http://www.vds-ev.de/>) (1997), насчитывающее 25.000 членов (Вильс В., Глюк Х., Кноп У., Крэмер В., Сик Б., Фольмер А. и другие) с центром в Дортмунде, и «Общество для немецкого языка» («Gesellschaft für deutsche Sprache», <http://www.gfds.de/>) (1947), членами которого являются Бэр Й.А., Вайсгербер Л., Вахлер М., Кунч Л., Фёрстер У., Хенсен В., Хоберг Р., Хоттенротт А., Штаве Й. и другие с центром в Визбадене. В Австрии широко известны «Общество «Родной язык» в Вене» («Verein «Muttersprache» Wien», <http://homepage.univie.ac.at/goetz/fischer/WienerSprach/>

[blaetter.htm](#)) и «Объединение родного языка» («Interessengemeinschaft Muttersprache», <http://www.pfannhauser.at/muttersprache/>), а в Швейцарии – «Языковой кружок немецкого языка» («Sprachkreis Deutsch», <http://www.sprachkreis-deutsch.ch/>). Современная пуристическая деятельность может быть охарактеризована как наиболее эффективная за всё время существования языкового пуризма в Германии. В её рамках проводятся ежегодные конференции, лекции и семинары по проблемам немецкого языка, а также конкурсы на наиболее

неудачное использование английских заимствований в СМИ («Sprachhunzer des Monats», «Sprachhunzer des Jahres») и состязания в культуре немецкой речи («Kulturpreis Deutsche Sprache»). Кроме того, языковые общества занимаются издательством журналов, газет (например, ежеквартальная газета «Vereinszeitung Sprachnachrichten» («Новости языка газеты языкового общества») с тиражом 30.000 экземпляров) и словарей английских заимствований в современном немецком языке с возможными исконными заменами (например, «Wörterbuch überflüssiger Anglizismen» («Словарь излишних англицизмов»)) (2000) Погарелла Р. и Шрёдера М.). Что касается предлагаемых современными пуристами немецких эквивалентов для английских заимствований, то (как и на предыдущих этапах пуристического движения в Германии) среди них есть и прочно вошедшие в употребление («Gehirnwäsche» вместо «Brainwashing» – «промывание мозгов»), и пока не ставшие общеупотребительными («Vergnügungsbildung» и «Spaßunterricht» вместо «Edutainment» – «развлекательно-образовательный характер чего-либо», «E-Post» и «Emil» (в последнем используются некоторые начальные буквы из словосочетания «elektronische Mitteilung») вместо «E-Mail» – «адрес электронной почты»).

Несмотря на очевидную активную пуристическую позицию носителей немецкого языка они подвергаются жёсткой критике на страницах СМИ за свою медлительность в отстаивании интересов родного языка и за отсутствие разборчивости в вопросах языка. Им в пример ставится языковая политика французского и русского правительств. Так, «Закон об употреблении французского языка» (1975) и «Новый закон об употреблении французского языка» (1994) (он также известен по имени своего создателя, бывшего министра культуры Франции, – «Закон Тубона») провозглашают обязательность употребления французского языка во многих сферах жизни, и особенно в СМИ, где он может испытывать конкуренцию со стороны других языков. За его соблюдением следит Высший Совет по вопросам французского языка [3, http://sng.edu.ru/linguistics/Polilog_2001/pdf; 8, <http://iteslj.org/>]. В России же действует Федеральная Целевая Программа «Русский язык» на 2006-2010 годы (уже третья с 1996 года) и Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации, одной из целей которых является сохранение чистоты русского языка (<http://www.programs-gov.ru/>).

Современная ситуация в мире свидетельствует о неоднозначном отношении лингвистов и всего общества к процессу активного за-

имствования из английского языка – от призывов заменять все заимствованные слова исконными синонимами и бойкотировать учреждения, допускающие чрезмерное использование английских заимствований своими сотрудниками, до утверждений о том, что любой язык способен самоочищаться и в защите со стороны его носителей не нуждается. Некоторые справедливо выступают против непродуманного «искусственного насаждения» и дальнейшей «охраны» исконных замен для иностранных слов и ратуют за планомерную, кропотливую научно-просветительскую работу, целью которой является воспитание культуры обращения со словом и хорошего языкового вкуса [4. С.29; 2, <http://www.gramota.ru/>; 5. С.314]. Более того, есть и такие, кто придерживается мнения, что в защите нуждается сам английский язык, представленный в заимствующих языках в искажённом виде [6. С.82-86; 7. С.9].

Как видно из вышесказанного, круг проблем, связанных с изучением пуристической деятельности, чрезвычайно широк. Разнообразие и некоторый антагонизм высказываемых мнений и оценок свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки данной проблематики с целью определения сущности и роли языкового пуризма в процессе становления и развития языка.

Список литературы

1. Геерс, М. Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Москва, 2002.
2. Крысин, Л. П. Иноязычие в нашей речи – мода или необходимость? URL : http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=7
3. Нерознак, В. П. Русский язык в российском законодательстве. URL : http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/society/28_73
4. Drews, J. Aud dem Weg zum Denglitsch. Wiefiel Angloamerikanisch verträgt die deutsche Sprache? // Sprache in Not?: zur Lage des heutigen Deutsch?/ hrsg.

List of literature

1. Geers, M. E. Yazykovoy purizm v istorii Anglii i Germanii : avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Moskva, 2002.
2. Krysin, L. P. Inoyazychie v nashey rechi – moda ili neobhodimost'? URL : http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=7
3. Neroznak, V. P. Russkiy yazyk v rossiyskom zakonodatel'stve. URL : http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/society/28_73
4. Drews, J. Aud dem Weg zum Denglitsch. Wiefiel Angloamerikanisch verträgt die deutsche Sprache? // Sprache in Not?: zur Lage des heutigen Deutsch?/ hrsg.

und eingeleitet von Christian Meier. Göttingen : Wallstein. Verl., 1999. P.15–31.

5. Hoberg, R. Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germeng? // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? Herausgegeben von Karin M. Eichaff-Cyrus und Rudolf Hoberg. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2000. P.303–316.

6. Penelope, J. Users and abusers: on the death of English. // The English language today. Ed. by Sidney Greenbaum. Oxford, New York, Toronto, Sydney, Paris, Frankfurt: Pergamon Institute of English, 1985. P. 80–91.

7. Pennycook, A. The cultural politics of English as an international language. London, NY : Longman, 1994. 365 p.

8. Shepherd, J.W. Loanwords – a pitfall for all students. URL: <http://iteslj.org/Articles/Shepherd-Loanwords.html>

und eingeleitet von Christian Meier. Göttingen : Wallstein. Verl., 1999. P.15–31.

5. Hoberg, R. Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germeng? // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? Herausgegeben von Karin M. Eichaff-Cyrus und Rudolf Hoberg. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2000. P.303–316.

6. Penelope, J. Users and abusers: on the death of English. // The English language today. Ed. by Sidney Greenbaum. Oxford, New York, Toronto, Sydney, Paris, Frankfurt: Pergamon Institute of English, 1985. P. 80–91.

7. Pennycook, A. The cultural politics of English as an international language. London, NY : Longman, 1994. 365 p.

8. Shepherd, J.W. Loanwords – a pitfall for all students. URL: <http://iteslj.org/Articles/Shepherd-Loanwords.html>

**СПОСОБЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ
В ПОДЪЯЗЫКЕ МЕДИЦИНЫ КАК ФАКТОР СИСТЕМНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ
«ДИАБЕТ» И «СПИД»)**

С. И. Маджаева

В данной статье автором рассматриваются исторические характеристики и некоторые способы терминологического образования, характерные для подязыка медицины «Диабет» и СПИД. Для данных областей медицины характерна продуктивность всех трех традиционных способов терминологического образования: лексико-семантического, морфологического и синтаксического, но превалирует количество сложных и многокомпонентных терминов. Между подсистемами существует значительная разница в продуктивности указанных способов терминологического образования.

Ключевые слова: СД, СПИД, термин (медицинский термин), терминология, терминологическое образование, терминосистема, терминологическое словосочетание.

Процесс создания терминов – сложный механизм, согласующийся с закономерностями развития языка и науки.

В данной статье рассматриваются некоторые способы терминологического образования терминосистемы медицины на материале русского и английского языков тематических областей «Диабет» и «СПИД». Такой выборочный подход к исследованию вышеупомянутых областей медицинской макротерминосистемы обусловлен социальной значимостью этих заболеваний. Возникновение, распространение сахарного диабета (СД), СПИДа потребовало создание соответствующего лексического инструментария, позволяющего врачам, среднему медицинскому персоналу, пациентам обеспечивать адекватную коммуникацию, а также устанавливать контакты. Анализ терминологии подязыка медицины «Диабет» и «СПИД» обусловлен необходимостью номинации новых методов лечения (объектов, субъектов, явлений, процессов). Нами было проанализировано 1260 терминов области СД и около 500 терминов области медицины СПИД. Анализ проводился внутри каждой выборки, затем полученные данные были

зафиксированы в таблицах, которые позволили провести сравнение рассматриваемых терминологических подсистем медицины.

Рассмотрим исторические характеристики терминологии СД и СПИДа. Становление терминологии заболевания «Диабет» можно разделить на три периода. Название «диабет» и первое клиническое описание этого недуга принадлежит римскому врачу Аретеусу, жившему во II веке нашей эры; в переводе с греческого *diabet* означает «истечение», с латинского языка *diabetes mellitus* означает «сладкий как мед». Второй период ознаменован изобретением животного инсулина в начале XX века. Кроме этого, Полем Лангергансом были открыты островки – скопления специфических клеток поджелудочной железы; появились такие термины как *инсулин*, «островки Лангерганса». И, наконец, в середине XX века были созданы сахароснижающие таблетки, были выявлены осложнения (*ретинопатия*, *нейропатия*, *кетоцидоз*), предложены новые методы лечения (*инсулинотерапия*, *хумалог*).

С появлением в начале 80-х годов XX века синдрома приобретенного иммунного дефицита (СПИДа) уверенность, что инфекционные болезни больше не представляют опасности для цивилизованного мира, существенно поколебалась. Ведущие специалисты определяют в настоящее время СПИД как “глобальный кризис здоровья”, как первую действительно мировую и беспрецедентную эпидемию инфекционного заболевания, которая до сих пор по прошествии первой декады эпидемии не контролируется медициной и от него умирает каждый заразившийся человек. Исследования медицинских текстов на русском и английском языках показали такую картину термина СПИД: *приобретенный иммунодефицит – иммунный дефицит – новый иммунодефицит – СПИД*.

СПИД вызывается вирусом, который был открыт французской исследовательской группой в Париже и обозначен *LAV (связанный с лимфоаденопатией вирус)*. Вскоре после этого, в 1983 году был выделен вирус, который избирательно поражал лимфоциты человека. Со времени выделения вируса начался современный этап научного изучения болезни. На основании родства вируса с субгруппами I и II «человеческих Т-клеточных лейкозиев» (*HTLV*) ему было дано обозначение *HTLV-III*. На втором международном конгрессе по проблеме СПИДа было принято решение о том, чтобы употребляющееся ранее слишком громоздкое обозначение *LAV/HTLV-III* заменить на *HIV* (в русском языке – *ВИЧ – вирус иммунодефицита человека*).

Исходя из того, что заражение ВИЧ не обязательно ведет к СПИДу (то есть к развитию болезни), следует не путать часто встречающиеся в популярной литературе обозначения «вирус СПИДа» и «заболевание СПИД» [3. С. 5].

Анализ возникновения терминов областей СПИД и СД показал, что каждый период развития заболевания характеризуется своей терминологией. Для первого периода характерны общеупотребительные слова. На втором этапе появляются общемедицинские и собственно термины, характерные для данного подъязыка. Третий этап характеризуется функционированием собственно и общемедицинских терминов, появляются неологизмы и заимствования. Количество собственно терминов увеличивается.

Основными факторами, влияющими на формирование тематических областей медицины «Диабет» и СПИД являются:

1. Новые достижения науки и техники, воплощающиеся в появлении новых методов лечения, приборов, что влечет за собой образование новых названий и, следовательно, терминов; *помпа, шприц-ручка, иммунитет.*

2. Новые достижения в развитии медицины, появление новых направлений в медицине, например, *телемедицина, помповая инсулинотерапия.*

3. Новые социальные явления, имеющие как положительное, так и негативное значение для общества; *переедание, ожирение, малоактивный (сидячий) образ жизни, гомосексуализм.*

Для данных областей медицины характерна продуктивность всех трех традиционных способов терминообразования: лексико-семантического, морфологического и синтаксического. Наибольший процент в обеих подсистемах имеет синтаксический способ создания терминологических наименований с его лексико-синтаксической и морфолого-синтаксической разновидностями (78% в подсистеме СД и 56% в подсистеме СПИД).

Что касается структуры терминов подъязыка медицины «Диабет», то исследования показали, что превалирует количество сложных и многокомпонентных терминов (*глюкокиназа, стадия субкомпенсации, миссенс-мутация, нонсенс-мутация*, а также сокращения (*HNF – hepatocyte nuclear factor, IPF – insulin promoter factor*). В основном функционируют термины существительные (*инсулин, помпа, анидра*).

Для области медицины СД характерны терминосочетания А+N. Образование многокомпонентных терминов типа (А+N) происходит

на основе: признака (*вирусная нагрузка крови – viral blood load, дробная инсулинотерапия – fractional insulinization, лазерная фотокоагуляция- laser photocoagulation, диабетическая кома- diabetic coma*), свойства (*секреторная функция – secretory function, гипокалорийная диета, гликемический индекс, генетический синдром – genetic syndrom*), формы (*внутриклубочковая гипертензия- intracustered hypertension, клубочковая гиперфльтрация – glomerular filtration*).

Приведенные выше примеры иллюстрируют тенденцию в современном языке медицины отражать новые понятия с помощью терминологических словосочетаний чаще, чем с помощью простых терминов. Преобладание многокомпонентных терминологических словосочетаний показывает стремление быть понятным наиболее точно и адекватно, так как терминологические словосочетания обладают важным свойством для термина – однозначностью.

Для многокомпонентных терминов данных областей характерно преимущественно раздельное написание слов, а иногда через дефис; *шприц - ручка, high - fat diet, risk – free behavior, client - centered therapy*.

Анализ подязыка медицины свидетельствует о том, что наблюдается тенденция образовывать термины путем употребляющегося в медицине слова плюс термин научно-технического характера, или путем переосмысления уже существующего термина, что во взаимосвязи дает новое понятие. Например, *the internal picture of disease – внутренняя картина болезни, psychophysiological features – психофизические черты, diabetes teaching and treatment program – программа обучения больных диабетом, diabetes management – управление диабетом*.

Актуален для данных областей медицинской терминологии слой интернациональных терминов, образованных из интернациональных терминоэлементов, как правило, греко-латинских, в рамках английского языка с ориентацией на его основные морфологические свойства.

При выборке интернациональных терминов и греко-латинских терминоэлементов в подязыке медицины «Диабет» и «СПИД» обнаружено 8% интернациональных однословных терминов, имеющих высокую активность при образовании терминологических словосочетаний. К ним относятся: *therapy, insulin, test, blood analysis*, терминыэлементы *-logy, -gluco, -pathy, micro-, micro-, hyper-, hypo- и др.* Эти термины можно разделить на группы:

1. Термины, один из элементов которых указывает на принадлежность к определенной области медицины: *endocrinology, deontology, immunology*;

2. Термины, один из элементов которых указывает на название медицинских препаратов: *tonometer, thermometer, glucometer*;

3. Термины, элементы которых указывают на специфические свойства данного понятия: *immunotherapy, hyperthermia*.

4. Термины, указывающие на методы и способы лечения: *immunotherapy, insulin therapy*.

В заключении отметим, что термины, являясь единицами языка медицины, обладающими специальным терминологическим значением, выраженные в словесной форме, достаточно точно и полно отражают основные, существенные на данном уровне развития медицины признаки соответствующего понятия, представляют собой по структуре различные типы: многокомпонентные термины-словосочетания, выражающие единые целостные понятия, обладающие разной степенью смысловой разложимости. Термин - сложное слово представляет собой чаще всего сочетание двух или больше основ имен существительных. Однословные термины неоднородны по количеству словообразовательных компонентов. В соответствии с этим основанием однословные термины составляют следующие группы:

1) в структуру термина входит одна основа (*diabetes* - диабет);

2) структуру термина составляет основа и один и более аффиксов (*destruction* - деструкция);

3) термин образуется путем сложения основ (*immunodeficiency* - иммунодефицит);

4) термин образуется путем сложения частей слов (гипогликемия);

5) образование термина происходит при помощи сложения основ и аффиксации (*diabetogenic*, эндокринопатия).

Терминосистема СД полная, сформированная, пополняющаяся новыми терминами, вследствие прогресса науки. Термины подъязыка медицины СД мотивированы, систематизированы, употребительны. В терминологическом поле СД заимствованы термины из других областей медицины, и не только. Например, из хирургии – ланцет, психологии – самопомощь, стратегия совладания – *coping behavior, stress coping style* – стиль совладания, из компьютерной лексики – икончатая пиктограмма, болюсный калькулятор.

Между подсистемами существует значительная разница в продуктивности указанных способов терминообразования. Для терминологии заболевания СПИД характерны общепотребительная лексика и общемедицинские термины (*иммунитет, иммунодефицит, саркома Капоши, «чума двадцатого века», client, needle-exchange programs, contact*). В подсистеме СПИД удельный вес терминов, образованных семантическим способом, выше. Это, вероятно, связано с тем, что терминология СПИДа только формируется, заболевание в процессе изучения.

Список литературы

1. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. 1939. Т. 5. С.3–54.
2. Новодранова, В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum*. М. : Языки славянских культур. 2008. 328 с.
3. Хепфнер, К. СПИД – медико-биологические и социальные аспекты болезни. М. 1992. С. 15–16.

List of literature

1. Vinokur, G. O. O nekotoryh yavleniyah slovoobrazovaniya v russkoy tehnicheskoj terminologii // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. 1939. T. 5. S.3–54.
2. Novodranova, V. F. Imennoe slovoobrazovanie v latinskom yazyke i ego otrazhenie v terminologii. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum*. M. : Yazyki slavyanskih kul'tur. 2008. 328 s.
3. Hepfner, K. SPID – mediko-biologicheskie i sotsial'nye aspekty bolezni. M. 1992. S. 15–16.

**ОБРАЗ ГОРОДА В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА
(К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЧЕЛЯБИНСКОГО ТЕКСТА)**

Л. Р. Мусина

Статья написана в рамках работы над проектом «Образ региона в сознании жителей Челябинска и Челябинской области», проводимым лабораторией межкультурных коммуникаций ЧелГУ. Исследуются некоторые аспекты формирования модели городского текста, представленные в художественных текстах о Челябинске.

Ключевые слова: образ города, городской текст, челябинский городской текст.

В последнее время все больше возрастает интерес к городу как определенной культурной идее [9]. В русле такого подхода взгляд на город сквозь призму культуры высвечивает те уникальные его особенности, которые позволяют идентифицировать город как текст. К. Линч, автор книги «Образ города», говорит в связи с этим о возможности читать город как текст [7]. При этом обращение исследователей к художественной литературе при анализе образа города не случайно, так как она является одной из форм закрепления представлений о городе [6;4]. Традиция исследования городского текста в литературных произведениях вырастает из работ Н.П. Анциферова [2] и В.Н. Топорова [10], посвященных анализу художественных текстов о Петербурге с целью постичь изменчивый лик, душу города.

Современные исследователи обращаются изучению образа города, прежде всего, как фактору формирования имиджа и бренда. Имидж города представляет собой совокупность убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу его особенностей [3]. Это субъективное представление о городе. Бренд города рассматривается как совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики данного города и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей [3]. Благодаря этому расширился круг исследуемых объектов: теперь в центре внимания ученых не только столичные города, но и крупные

регионообразующие центры. На пути к самоидентификации города как уникального культурного пространства с неповторимой судьбой, исследуются особенности таких городов, как Пермь [1], Екатеринбург [6,8], Нижний Новгород [5] и др.

В контексте исследования историко-культурной специфики города становится актуальным и вопрос о челябинском городском тексте, то есть комплексе художественных текстов о Челябинске, при этом специалистами активно ведется краеведческая работа, издаются сборники произведений о городе. «Лицо души» (1980) – сборник произведений авторов литературного объединения при Челябинском Тракторном Заводе, «Городской романс» - романтическая биография Челябинска (1996), «Дореволюционный Челябинск в слове современников» (1997), «На озерном Урале» - песни уральских авторов (2002), «Старица» - сборник произведений писателей Урала начала XX века. (2006) и др. Также издаются книги отдельных авторов, пишущих о Челябинске: Ю. Либединский, М. Львов, А. Горская, К. Шишов и др. Сегодня важно учитывать и комплекс текстов, представленный интернет-публикациями на сайтах стихи.ру, проза.ру. Редкие материалы хранятся в подборках газетных публикаций краеведческого отдела библиотеки им. Горького (библиотека № 32 г. Челябинска).

Анализ челябинского городского текста направлен на выявление уникальных историко-культурных черт нашего города, изучение Челябинска как цельного образа. Оглядываясь на историю развития и роста Челябинска, нельзя не согласиться с Ю. Виленским, который справедливо отметил, что когда-то Челябинск вытянул из лотерейного барабана счастливый билет. Маленький, захоластный, провинциальный городок, каких в России тысячи, получил право на вход в элитный клуб мегаполисов, городов, определяющих судьбы мира[4].

Как и в жизни отдельного человека удачи сменяются потерями, так и в судьбах городов, больших и маленьких, бывают свои взлеты и падения. Челябинск появляется в художественной литературе как пограничный город. В 1891 году был написан рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка «Ночевка», в котором описывается небольшой степной городок. К середине XX века облик города изменился. А. Куницын пишет: «Он был еще почти деревней // На берегу Миасс-реки...// ...И в годы первых пятилеток// Не по годам - // По дням он рос. // И ставший городом металла // ... Затмил своей //Всемирной славой // Десятки древних городов». Многое в понимании образа Челябинска

40х-50х годов идет от мысли честном, смелом городе-труженике с мощным производственным потенциалом, не случайно в военные годы усиливается роль Челябинска – опорного края державы. Так, Л. Чернышев подчеркивает «стальной характер» Челябинска, Я. Кернер говорит о «городе-богатыре», С. Шевцов в обращении к Челябинску называет его «трудолюбивым и гордым». Образ города сегодня сложен и полемичен. Продолжая традицию века XX, Зенцов пишет о «трудолюбивом Челябине», А. Горская обращается к Челябинску - «городу металлургов и строителей». Наравне с этим как никогда остро ставится авторами вопрос об отчужденности городского пространства, его непривлекательности, мрачности и однообразности: Д. Хабиров: «Челябинск проснулся рано, // Закурил полосатые трубы», А. Горская: «мой усталый, простуженный город», Растафара: «В этом городе нет цветов.// В этом городе нет любви.// В этом городе ВСЕ НЕ ТО», «В этом городе только грязь. // В этом городе нет весны». Таким образом, анализ художественных текстов показал, что один из крупнейших мегаполисов России, Челябинск, известен благодаря хорошо развитой промышленной отрасли, которая, с одной стороны, акцентирует внимание на трудолюбии города, а с другой стороны, является причиной его задымленности, серости и невыразительности.

Задача филолога, изучающего городской текст сегодня не только в том, чтобы пристально всмотреться в лицо города, постичь его душу, но и выделить систему универсальных категорий, которые в будущем позволят создать модель формирования позитивного образа современного города.

Список литературы

1. Абашев, В. Символы и мифы Перми. К изучению семиотических аспектов территориальной идентичности. URL: http://prometa.ru/projects/ecognito/1/copy_of_2
2. Анциферов, Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. Спб. : Лениздат, 1991.
3. Важенина, И. Имидж, бренд и репутация города. URL : <http://>

List of literature

1. Abashev, V. Simvoly i mify Permi. K izucheniyu semioticheskikh aspektov territorial'noy identichnosti. URL : http://prometa.ru/projects/ecognito/1/copy_of_2
2. Antsiferov, N. P. «Nepostizhimyj gorod...» Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina. Spb. : Lenizdat, 1991.
3. Vazhenina, I. Imidzh, brend i reputatsiya goroda. URL : <http://>

- www.advertology.ru/article47690.htm
4. Виленский, Ю. Челябинск – счастливый билет? URL : <http://world.lib.ru/o/optimizm/chelyabinsk.shtml>
5. Загородская, П. Город в поиске нового имиджа. Нижегородский коммерсант. Выпуск 8 (9). URL : <http://www.nkom-nn.ru/?id=37598>
6. Клочкова, Ю. В. Образ Екатеринбурга/Свердловска в русской литературе (XVII-середина XXвв.): автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
7. Линч, К. Образ города. URL : http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm
8. Прудникова, А. «Инициатива наказуема?» Центр современного искусства в Екатеринбурге // Журнал «60 параллель». № 3, сентябрь 2005. URL : <http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2005/13/105>
9. Смирнов, С. А. Антропология города, или о судьбах философии урбанизма в России: URL : http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal/ancity_1.html
10. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Прогресс, 1995.
- www.advertology.ru/article47690.htm
4. Vilenskiy, Yu. Chelyabinsk – schastliviy bilet? URL : <http://world.lib.ru/o/optimizm/chelyabinsk.shtml>
5. Zagorodskaya, P. Gorod v poiske novogo imidzha. Nizhegorodskiy kommersant. Vypusk 8 (9). URL : <http://www.nkom-nn.ru/?id=37598>
6. Klochkova, Yu. V. Obraz Ekaterinburga/Sverdlovskaya v russkoy literature (XVII-seredina XXvv.): avtoref. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2006.
7. Linch, K. Obraz goroda. URL : http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm
8. Prudnikova, A. «Initsiativa nakazuema?» Tsentr sovremenogo iskusstva v Ekaterinburge // Zhurnal «60 parallel'». № 3, sentyabr' 2005. URL : <http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2005/13/105>
9. Smirnov, S. A. Antropologiya goroda, ili o sud'bah filosofii urbanizma v Rossii: URL : http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal/ancity_1.html
10. Toporov, V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. M. : Progress, 1995.

**К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИИ ГЕНДЕРНОСТИ
В МУЖСКОМ И ЖЕНСКОМ РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ**

Ю. В. Надобко

Понятие картины мира, в том числе языковой картины мира, строится на изучении представлений человека о мире. Анализ языковой картины мира требует обращения к менталитету представителей исследуемой культуры. В рамках изучения менталитета мы неизбежно сталкиваемся с понятием гендера в качестве институционализованного и ритуализованного социокультурного конструкта – одного из параметров социальной идентичности индивида. В данной статье предпринята попытка рассмотрения основных поведенческих социальных характеристик гендеров и их проявления в повседневном бытовом общении, в языке и речи.

Ключевые слова: гендер, социокультурный конструкт, гендерная асимметрия, гендерная роль, стереотип, гендерлект, гендерология, дискурс, мужчина, женщина.

Гендер - понятие, рассматриваемое современной социологией как противоположное понятию биологического пола человека. Гендер – это весь поведенческий комплекс, присущий мужчинам и женщинам, который может меняться в ходе исторического развития общества. Само понятие «гендер» возникло, когда ученые обнаружили, что биологический пол мало влияет на социальные роли мужчин и женщин. В итоге появилось определение гендера как совокупности социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. И мужчины, и женщины, будучи членами общества, должны выполнять приписанные им гендерные роли.

Сегодня можно говорить о существовании собственно гендерных исследований, изучающих оба пола, а точнее — процесс социального конструирования различий между полами. Гендер считается институционализированным и ритуализованным социокультурным конструктом — одним из параметров социальной идентичности индивида. Общественные институты (армия, школа, церковь и т. д.) поддерживают различия, придают им статус нормы и интерпрети-

руют как природно обусловленные. Общественные ритуалы также создают гендерную асимметрию – в одежде, повседневном обиходе и символике. Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола[1. С. 23-35].

В самом общем плане исследование гендера в языкознании касается двух групп проблем:

1. Язык и отражение в нем пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как представлено в языке наличие людей разного пола (исследуются в первую очередь номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода и т. п.), какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее отчетливо выражены.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, в котором выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно – специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций и т. д. – т. е. специфика мужского и женского говорения.

При изучении речевого и в целом коммуникативного поведения также учитывается гендерный фактор. Однако в последние годы его роль не считается столь радикальной, как это было на начальном этапе. Гендер рассматривается как один из параметров, при помощи которого социальная идентичность говорящего конструируется в общении. Как правило, он взаимодействует с другими параметрами – статусом, возрастом, социальной группой и т. п.

В науке пока не сложилось единой концепции исследования гендера в коммуникации. Одной из наиболее известных работ в этой области стал труд Деборы Таннен «Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге»[2. С. 45-53]. Автор анализирует коммуникативные неудачи в общении лиц разного пола и объясняет их разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и женщинам, а также спецификой социализации в детском и подростковом возрасте, когда общение происходит преимущественно в однополых группах. Под воздействием этих факторов у мужчин и женщин вырабатываются разные мотивы поведения, разные стра-

тегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение и сохранение независимости и высокого статуса. От женщин общество ожидает неконфликтности, уступчивости, эмоциональности. Эти различия ведут, согласно концепции Д. Таннен, к различиям в целях общения и в интерпретации высказываний. Одни и те же высказывания могут интерпретироваться с позиции статуса или с позиции поддержания взаимосвязи, солидарности и помощи. Произнося одни и те же фразы, мужчины и женщины могут руководствоваться разными мотивами и по-разному интерпретировать слова собеседника. Например, оказание помощи можно истолковать как проявление солидарности и укрепление взаимосвязи. Но можно увидеть в помощи и намек на то, что помогающий (-щая) демонстрирует свое превосходство и пытается доминировать в отношениях. Кроме того, в каждой культуре существуют традиции и ритуалы общения, различающиеся именно в зависимости от пола. Так, во время застолья слово чаще предоставляется мужчинам. В этой связи Д. Таннен говорит о гендерлекте – социально и культурно обусловленных особенностях общения мужчин и женщин.

В работе Е. А. Земской, М. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой «Особенности мужской и женской речи» [3. С. 24-25], на основе изучения общения в семьях московской интеллигенции, были сделаны следующие выводы:

1) типичная черта построения текста, свойственная женщинам, – включение в ход разговора тематики, которую порождает обстановка речи, действия, которые производят говорящие, и т. п. На взгляд авторов, переключение тематики связано не с полом, а скорее с социальными, семейными и т. п. ролями женщины, например, с ролью хозяйки дома.

2) мужчины переключаются тяжелее, проявляя некоторую «психологическую глухоту» — увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики, с ней не связанные.

3) женщины чаще ссылаются на личный опыт и приводят примеры конкретных случаев из опыта ближайшего окружения.

В мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора «профессия» (считается, что мужчины больше говорят о работе), большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию стилистически сниженных средств, бранной лексики и инвектив, намеренное огрубление речи.

4) к типичным чертам женской речи авторы относят гиперболизированную экспрессивность (жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов) и более частое использование междометий.

5) ассоциативные поля в мужской и женской речи соотносены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин).

6) у женщин заметна тенденция к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более выражено используют отрицательную оценку.

В качестве главного вывода авторы указывают на отсутствие резких «непроходимых» границ между мужской и женской речью в русском языке. Отмеченные ими особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления. «Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу»[4. С. 60–67].

Исследования особенностей мужского и женского речевого поведения у Е. И. Горошко и Т. В. Гомон позволили выделить:

Характеристики мужской письменной речи:

- использование армейского и тюремного жаргона;
- частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации;
- употребление большого количества абстрактных существительных;
- употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций;
- сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям;
- использование газетно-публицистических клише;
- употребление нецензурных слов как вводных, однообразие используемых нецензурных слов, преобладание нецензурных инвектив и конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных;
- несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи.

Женская письменная речь отличается:

— наличием множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности;

— склонностью к употреблению «престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики (испытывал чувство гадливости и брезгливости; резкий разговор; силуэты подростков);

— использованием коннотативно нейтральных слов и выражений, эвфемизмов (нецензурно выражался вместо матерился; в нетрезвом виде вместо пьяный);

— употребление оценочных высказываний (слов и словосочетаний) с дейктическими лексемами вместо названия лица по имени (эта сволочь; эти подонки);

— большая образность речи при описании чувств, многообразие инвектив и их акцентуация при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных. Эти особенности употребления обцененной лексики говорят, по мнению авторов, о том, что каждой из них придается буквальный смысл, отсутствует стертость значения, свойственная мужской речи. Инвективы, как правило, задевают биофизиологические характеристики женщины: внешность, возраст, сексуальность;

— в инвективах высокую частотность обнаруживают зоонимы (тетеря глухая, баран малахольный); преобладают ругательства-существительные и глаголы в пассивном залоге (его напоят самогоном; забирают ее с работы каждый день на тачке);

— высокочастотным является также использование конструкций «наречие + наречие» (слишком безжалостно; очень хорошо), простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом.

Сегодня можно утверждать, что в языкознании сложилось научное направление по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации — лингвистическая гендерология, или гендерная лингвистика. Свидетельством тому может служить появление значительного количества публикаций по гендерной проблематике на материале не только западных, но и русского и других языков, ранее не подвергавшихся анализу с гендерной точки зрения.

Множественность и изменчивость концептов мужественности и женственности делает возможным манипуляцию этими понятиями

в дискурсах массовой коммуникации, например в рекламном, политическом.

Список литературы

1. Кирилина, А. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. №2.
2. Tannen, D. You just don't understand. Women and men in conversation. N. Y., 1990.
3. Гусейнова, И. А. Технологии элиминирования гендерного фактора в дескриптивных рекламных текстах // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 446. М., 1999.

List of literature

1. Kirilina, A. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya // Otechestvennyye zapiski. 2005. №2.
2. Tannen, D. You just don't understand. Women and men in conversation. N. Y., 1990.
3. Guseynova, I. A. Tehnologii eliminirovaniya gendernogo faktora v deskriptivnyh reklamnyh tekstah // Gendernyj faktor v yazyke i kommunikatsii: sb. nauch. tr. MGLU. Vyp. 446. M., 1999.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА КАЧЕСТВО УСВОЕНИЯ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

О. В. Прядильникова

Статья посвящена проблемам исследования двух форм фонетической интерференции: внутренней языковой (интеграция различных типов русского литературного языка) и межъязыковое вмешательство.

Ключевые слова: русский литературный язык, фонетическая интерференция, лингводидактика, лингвистика.

Исследование признаков фонетической интерференции и влияния интерференции на качество усвоения русского литературного языка неизменно представляет теоретический и практический интерес в лингвистике и лингводидактике.

Теоретическим основанием нашего исследования **внутриязыковой и межъязыковой** фонетической интерференции явилась точка зрения В.А.Виноградова, высказанная им в его определении интерференции: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы в системе второго языка под влиянием первого» [12. С. 197.]. Мы также принимаем его дефиниции **дисглоссии** как «одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах» [12. С. 136] и **конвергенции** как «сближение или совпадение двух и более лингвистических сущностей» [12. С. 234]. На наш взгляд, очень важно, что В.А.Виноградов, вслед за У. Вайнрайхом интерференцией считает результаты как внутриязыковых, так и межъязыковых контактов, причем «несущественно, являются ли две взаимодействующие системы «языками», «диалектами одного языка» или «разновидностями одного диалекта» [10. С. 23]. Таким образом, мы находим, возможным рассматривать проблему фонетической интерференции в двух ее разновидностях: внутриязыковой (взаимодействие кодифицированной литературной речи и террито-

риальных диалектов) и межъязыковой (порождение и восприятие речи на неродном языке). Исходя из сказанного, уточняем наше определение билингвизма. Понятия «билингвизм» и «двуязычие» (как это часто употребляется в современной лингвистической литературе), мы используем как эквивалентные, хотя возможно дифференцировать эти термины, предпочитая термин «двуязычие» [15. С. 28] или «билингвизм» [13; 37 и др.]. Часто понятие «билингвизма» рассматривается в широком смысле как «особый случай языкового контакта» [12. С. 97], причем ряд ученых понимают под билингвизмом или двуязычием, не явление, а некий процесс (механизм владения двумя языками и регулярное переключение с одного языка на другой) [11. С. 134; 37. С. 9–10; 10. С. 22; 32. С. 368] или «явление социального плана, характеризующее языковую ситуацию. С учетом изложенного мы признаем принципиально важным для исследования регионально обусловленного произношения наблюдение Р.Якобсона о том, что «билингвизм или многоязычие, обеспечивающие возможность полного или частичного перехода от одного языка к другому, нельзя строго ограничить от междиалектных колебаний» [47. С. 313].

Башкирско-русский, так как и татарско-русский билингвизм в республике Башкортостан относятся к типу **асимметричных** с преобладанием русской составляющей. Наши наблюдения позволили выявить **несколько типов билингвизма**. Использование русского языка без потери компетенции родного языка (дополнительный билингвизм), потеря компетенции в родном языке по мере овладения русским языком (замещающий билингвизм) [39. С. 36]. К этому следует добавить и большое количество **монолингвов**, с рождения говорящих, только на русском языке. Экспериментальные наблюдения позволили отметить некоторые особенности билингвизма наших респондентов – аудиторов.

По степени распространенности русско-башкирский и русско-татарский билингвизм **массовый, односторонний**, так как единичны случаи русско-башкирского и русско-татарского билингвизма (заявления многих русских информаторов о знании башкирского или татарского языка не всегда соответствуют действительности). Усвоение башкирского языка русскими учащимися не оценивается последними в качестве «владения башкирским языком», так как умение переводить и пересказывать заученные тексты, понимать написанное со словарем и без словаря, недостаточны для понимания чужой речи и выражения своих мыслей так, чтобы их тоже поняли.

Среди компонентов прагматической языковой компетенции мы называем расширение социальной функции русского языка в связи с учебой в новом учебном заведении: потребность общения, взаимодействия в новом речевом окружении; необходимость понимания социально-значимых текстов; подготовка к тестам ЕГЭ. Мотивация к совершенствованию владения русским языком у билингвов высокая; тем не менее, современные исследования свидетельствуют о некотором снижении качества письменной и устной речи. Несмотря на наметившуюся еще в советские годы тенденцию «обрусение» в семье билингва, распространяется речевое общение на родном языке среди сверстников в учебных группах, где преобладает башкирско-русский или татарско-русский билингвизм. Высказали мнение, что лучше знают родной язык, чем русский – 35% башкир, в равной степени – 42 % оба языка, русский язык знают лучше, чем башкирский – 23%. Татары: 25% - 30% - 45%. Башкиры - 36 %, отметили, что владеют татарским языком, у татар этот показатель в два раза ниже. Среди наших реципиентов билингвов несколько больше, чем монолингвов (первых более 54% и вторых – 46%), представлено трехязычие (башкирско-татарско-русский) и четырехязычие (башкирско-татарско – чувашско – русский)(4% и 2%).

Башкирско-русский и татарско-русский билингвизмы **по условиям возникновения** можно отнести к естественным; по степени владения мы чаще имеем дело с **субординированным**, нежели **координированным** типом. Согласно терминологии Л. И. Щербы, существующее чистое (в отличие от смешанного) двуязычие постигается «непосредственно из жизни», «беспереводным путем», является «натуральным» методом [45. С. 39, 40.]

В нашей республике проблемами исследования типологических аспектов современного билингвизма занимаются многие авторитетные ученые, в работах которых нет принципиальных расхождений в методах и приёмах билингвистических исследований, достигнут высокий уровень консолидации в понимании лингвистических аспектов двуязычия [6; 16; 24; 25; 27; 29; 31 и др.]. В методической литературе (методическая литература представлена гораздо меньшим количеством работ, чем научно-исследовательская и теоретическая), посвященной обучению русскому языку в ситуации активного билингвизма нет общностей взглядов ни на понятие интерференции, ни на выбор методики в практике обучения русскому языку. В методической литературе явление интерференции в некоторых случаях

понимается как отрицательное явление, не способствующее усвоению второго языка и приводящее к бесчисленным ошибкам. При изучении второго языка изменениям подвергается структура изучаемого языка, т.к. более сильным оказывается влияние родного языка на неродной. По мнению К.З. Закирьянова, «влияние, ввиду имеющихся расхождений в системе сталкивающихся языков, в ряде случаев оказывается отрицательным, интерферирующим и мешающим усвоению второго языка» [16. С. 11]. Поэтому в работах методистов указывается на необходимость сознательного управления процессом влияния родного языка при изучении второго [18; 14; 26 и др.]. Сущность этого процесса заключается в опоре на стимулирующие моменты и в устранении всех препятствий для усвоения второго языка (интерференции). Среди лингвистов нет единого мнения и в оценке данного явления. Одни считают, что термин «интерференция» необходимо закрепить только за речевой интерференцией и характеризовать ее как психолингвистический процесс отрицательного переноса умений и навыков из одного языка в другой [41; 8; 18]. Другие ученые [46] рассматривают интерференцию в рамках проблемы расширения национально - русского и русско-национального двуязычия как положительное явление, способствующее «взаимообогащению контрастирующих языков и выработке общих мнений и конкретного развития, проникновению структурных элементов одного языка в другой», создающее «предпосылки для дальнейших качественных сдвигов в развитии их системы» [3. С. 134].

Э.М. Ахунзянов для обозначения переноса навыков родного языка на изучаемый язык вводит термин «трансференция» и рассматривает это явление как негативное. Такое введение термина считается оправданным лишь «из чисто методических соображений - для удобства разграничения положительных интерферентных явлений от негативных, отрицательных, связанных с неосознанным переносом навыков родного языка на другой» [4. С. 22]. Современные исследования, посвященные проблемам изучения функциональной стороны языка, рассматривают типологию различных аспектов билингвизма, в том числе источники интерференции в процессе межъязыкового взаимодействия.

Среди факторов, порождающих интерференцию, в основном выделяют структурные расхождения между языками, а также сложившуюся в сознании билингва определенную картину пользования языком, недостаточное знание лексического и грамматического мате-

риала изучаемого языка, отсутствие навыков применения усвоенного материала, «психологический барьер». Назовем некоторые социальные факторы: одноязычная и многоязычная среда, язык воспитания и обучения, возраст, сфера деятельности, социальная среда, уровень образования и место его получения (город или село), характер производственной деятельности (экстенсивный или интенсивный). В прямой зависимости от этих факторов находится и степень интерференции - сильная, умеренная, слабая, едва заметная, нулевая. Согласно схеме определения степени интерференции, предложенной Л.Л. Аюповой, **сильная интерференция**, как правило, проявляется в речи билингвов комплексно - на фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом, синтаксическом уровнях. Данная интерференция проявляется в основном в фонетических явлениях, связанных с произношением согласных, а также местом ударения. По определению М.Б. Зыкова «Умеренная интерференция предполагает при хорошем владении вторым языком наличие в речи билингвов лишь некоторых фонетических отклонений, в основном связанных с заменой неэквивалентных звуков, отдельных лексико-семантических, грамматических, а также синтаксических интерферентных явлений» [22]. Едва заметная интерференция выражается в наложении интонации, мелодики родной речи на правильную речь билингвов на втором языке. «Трудность преодоления интерференции не означает невозможности её преодоления» [33. С. 201]. Вопрос о том, до какой степени необходимо преодоление интерференции, в методической практике решается в зависимости от коммуникативных целей билингва, его способности добиваться взаимопонимания на двух языках. При небольшой степени акцента некоторое своеобразие речи говорящего может способствовать улучшению коммуникации. Особенности звучания голоса собеседника являются богатым источником информации для коммуникантов и иногда играют решающую роль в обеспечении успешности межкультурного общения.

Межъязыковая фонетическая интерференция. В области фонетики интерферентные явления в русской речи татар и башкир билингвов обусловлены, прежде всего, отличиями в артикуляционной базе, своеобразием фонемного инвентаря, спецификой звуковых законов тюркских и русском языках, различным характером их просодических систем. Вся совокупность отклонений от произносительных норм русского языка во второязычной речи билингвов составляет основу, так называемого, тюркского национального акцента.

Вокализм. Фонематическая противопоставленность гласных башкирского и татарского языков в известной степени отражается в русской речи билингвов. Следует отметить, что гласные в русском языке тоже могут произноситься кратко и долго, но долгота и краткость гласных не составляют их категориальный признак минимальной смысловозначительной единицы языка и не обусловленный их позиции в слове. Интерферирующее влияние родного языка на русскую речь билингвов в области вокализма поддерживается и спецификой словесного ударения в русском и тюркских языках. Как известно, тюркское **ударение** фиксированное, оно обычно падает на последний слог слова. Будучи по фонетической сущности силовым, ударение здесь не предполагает долгого произношения ударного гласного, а в русском языке гласные ударного слога, как отмечалось выше, всегда произносятся дольше, чем безударные, труднее всего усваивается такой специфический для их родного языка признак русского ударения, как разноместность [35. С. 201-208]. Экспериментально установлено, что долгие гласные в тюркских языках с фонематической оппозицией гласных по долготе / краткости, по сонорной длительности превосходят краткие гласные в полтора – два раза, а ударные гласные в русском языке при прочих равных условиях в среднем в полтора раза сильнее безударных. Отчасти этим вызван тот факт, что билингвы в русской речи идентифицируют русские ударные гласные с долгими гласными родного языка и произносят их более длительно, чем в речи самих русских.

Консонантизм. Наши наблюдения позволяют сделать выводы относительно специфических особенностей в области консонантизма в речи учащихся обучавшихся в школе на родном языке и изучавших отдельным предметом русский язык. Обращаем внимание на полногласие: *перспектива, жизен', «Недоросыл'»*. Об этом явлении, свойственном русским говорам замечает Закиев. «Одним из свойств татарского языка является «полногласие», которое означает, что в словах в одном слоге не допускается стечение двух согласных (кроме *pt* и *lt*) или двух гласных», поэтому, при усвоении слов русского языка стечение двух согласных устраняется протезой, эпентезой, апокопой.

Устранение стечения двух согласных **протезой**: *эфтаро'и, эсмотрит, эпентезой*: *цыветы, жызин, кыруна; шыту'к; канкире: тний; апокопой*: *je's' «есть», жы's' «жизнь», болес', «болезнь», шес', «шесть»*.

Позиционно не обусловленные варианты звонких и глухих согласных в русской речи билингвов встречаются при сильной интерференции, нами были отмечены только примеры позиционной мягкости шипящих, такое произношение объясняется влиянием родного языка, в котором звонкие согласные употребляются только в определенных условиях или в заимствованных словах. Стихийное стремление к максимальному приспособлению позиционных черт согласных родного языка в плане твердости/мягкости звуков часто предопределяет фонетические ошибки в русской речи. Источником ошибок можно назвать различие в тюркских языках палатального и лабиального сингармонизма. Причем влияние лабиальной гармонии гласных на русскую речь менее заметно, нежели влияние палатального (небного) сингармонизма предполагающего наличие в пределах фонетического слова однотипных по месту образования гласных. Под влиянием этого закона в русской речи носителей тюркского двуязычия возникают трудноискоренимые фонетические ошибки.

В настоящее время мы смогли отметить не более 5-6% носителей двуязычия с ярко выраженным отступлением от орфоэпических норм. Замечено, что фонетическая интерференция чаще всего свойственна учащимся, которые усваивали русский язык в искусственной коммуникации в более позднем, чем его сверстники возрасте, влияет и отсутствие специальных фонетических способностей, устойчивые навыки слушания и говорения на родном языке.

Сравнение с русским литературным языком показало, что русская речь тюркоязычного населения в некоторых случаях немного отличается от нормированного языка (менее 40%), в большинстве случаев не отмечено или почти не замечено признаков фонетической интерференции (более 50%), и только 10% наших респондентов показали системную интерференцию на фонетическом уровне. Татары и башкиры многих населенных пунктов Башкирии [Здобнова, 2004], осваивая русский язык в его местной диалектной разновидности, приобрели многие черты, свойственные среднерусским говорам. Например, в области согласных: 1) произношение долгого твердого [ш], [ш] и [ж]: *ишиш о', шыта'л'и, шот; жаныр*; 2) отдельные случаи утраты интервокального /j/ с последующим стяжением гласных : *вынат, знат*; 3) упрощение конечных сочетаний [ст], [с'т']: *хвос, мос*; 4) явление регрессивной ассимиляции в сочетаниях [вн]: *д'ир'емн'а*; диссимиляции: *ка'жныи и др.*

Дидактические материалы для обучения русскому произношению тюрскоязычных учащихся должны включать упражнения для отработки произношения, как русских мягких согласных, так и русских твердых согласных. Практика показывает, что мягкие согласные, существующие в родном языке учащихся, не способствуют усвоению противопоставления коррелятивных твердых - мягких согласных русского языка, так как в башкирском и (в большей степени) в татарском языке иная акустико-артикуляционная природа. Метод, непосредственно-имитационный, хорошо зарекомендовавший себя при усвоении русской просодики и ударения в данном случае бесперспективен. Упражнения (выполняемые сначала под наблюдением преподавателя, а затем самостоятельно) должны включать как изолированные твердые и мягкие согласные, так и отдельные всевозможные слоги, чтобы в процессе усвоения отрабатывались автоматизированные навыки произношения согласных в зависимости от звукового окружения и отшлифовывались навыки произношения сочетаний твердых согласных с гласными переднего ряда и мягких согласных с гласными переднего ряда.

Второй тип интерференции «КЛЯ – территориальные диалекты».

На основании экспериментальных данных мы выделили всего один тип внутриязыковой фонетической интерференции в рамках русского национального языка, не включив в наши исследования контакты типов языка как с КЛЯ, так и за его пределами. Выбор типа интерференции «КЛЯ – территориальные диалекты» обусловлен не столько наличием данных типов интерференции в речи наших информантов (более широко представлен в ней тип «КЛЯ - просторечие»), сколько задачами исследования.

Фонетико-грамматическая структура отдельных русских говоров Башкирии была исследована Д.К.Зелениным, И.А.Каншиным, А.М.Иорданским, М.В.Кривовой, Р.А.Юналеевой, О.М.Трахтенберг, З.П.Здобновой. В области вокализма: о модификации гласных в зависимости от ударения и соседства с мягкими согласными в русских оканчивающих говорах Башкирии: З.П.Здобнова [20]; в области консонантизма: о типах употребления аффрикат в русских говорах северо-восточной Башкирии [46] и в русских говорах Южного и Среднего Урала [42].

На материале исследований мы выделили некоторые сохранившиеся в речи диалектные черты как северновеликорусского, так и южновеликорусского наречия [36. С. 100-112].

Естественно, что наиболее последовательно в диалектах выражены те явления, которые поддерживаются нормами литературной орфоэпии, а иногда - орфографии. Кроме того, явление яканья со всеми его разновидностями довольно стойко держится в речи, хотя и противоречит орфоэпическим и орфографическим нормам. Сохранение диалектных черт наблюдается в речи информаторов, проживавших до поступления в училище в цельных больших массивах северной части республики (полное оканье), или в селах, удалённых от крупных культурных центров (таково яканье, идущее полосой с северо-запада на юго-восток – от Шарана до Акъяра). Неизменно в течение нескольких лет мы отмечаем системное оканье учащихся из деревни Ирныкши, а также своеобразие говора д. Красный Кушак Зилаирского с его аканьем, яканьем, утратой смыка при произношении аффрикат и др. чертами. В исследованиях последних лет в наших наблюдениях над спонтанной речью учащихся были представлены единичные примеры яканья(2%) в речи учащихся из деревень Кононикольское и Красный Кушак Зилаирского района, № 140, №142 [19].

Однако под влиянием литературного языка, тем более в условиях междиалектного общения, неизбежно происходит стирание наиболее ярких диалектных черт, особенно в последние тысячелетия: разрушается полное оканье даже в северной части Башкирии; мягкость одиночных шипящих sporadически отмечена в говоре лишь одного села; неповсеместны: ассимиляция согласных в сочетании - *бм* -, упрощение конечного твёрдого сочетания – *ст* – совпадение форм дат. и тв. пп. мн.ч. имен. В наших исследованиях не было выявлено примеров цоканья, утраты смыка при различении аффрикат. В южнорусских говорах Башкирии *j* фрикативное нередко заменяется взрывным, – *m'* – мягкое в 3л. Глаголов – твёрдым – *m*. Тесные и постоянные языковые контакты представителей разных наречий приводят к тому, что намечается ослабление противопоставленности соответственных явлений, поскольку происходит проникновение некоторых северных диалектных черт в говоры южного типа и, наоборот, южных – в северные, то есть, в одной частной диалектной системе начинают сосуществовать противоположные члены соответственного явления, взаимно исключаящие друг друга.

В южнорусские говоры Башкирии проникают северные по природе черты: элементы оканья (особенно на стыке с окающими структурами), стяженные формы прилагательных и глаголов (*мешат, синя, вынам, терям*). С другой стороны, структура северно-русских гово-

ров Башкирии наполняется южными по происхождению элементами. Во многих окающих говорах северного и особенно среднерусского образца (например, у учащихся из с. Губаревка Миякинского района Башкирии, №81) появляются элементы аканья и яканья: с *нимя* (без заметных закономерностей выражения); встречаются остаточные диалектные формы типа «у жене», «у мене», «по грязе», «однех»; словоформы «пятны», «окны», «ребяты».

В заударном открытом слоге особенно много случаев перехода *и* в *е*, причем, не, только после мягких, но и после твердых согласных: *рвале, посадиле, п̄теряле, изучиле* и т.п. О фонетической природе рассматриваемого явления говорит факт употребления *е* (из *и*) в различных грамматических формах: *в госте ход`ут, у двере, што за люде*. В письменную речь учащихся проникают ошибки, обусловленные особенностями диалектного произношения: *инцеатива, правельно, поевилось, посеели* и др. Влияние языков тюркской группы частично касается грамматического строя русских говоров, проявляясь, прежде всего в трансформации категории рода: оформление существительных мужского рода по типу слов женского рода и наоборот. Это явление поддерживается системой русского языка, допускающей родовые дуплеты даже в пределах одного диалекта. Среди явлений, способствующих изменению категории рода, мы называем отмеченные в эксперименте явления разрушения категории среднего рода, связанные с закономерностями фонетической системы окающих говоров и говоров с неполным аканьем с их нечетким произношением заударных гласных в существительных среднего рода (*вс`а тела бол`ит*), нечеткость произношения заударных гласных в согласующихся с существительными среднего рода прилагательных и неличных местоимений, приводит к усечению конечного заударного гласного и переходу слов среднего рода в мужской (*мелкий блюди́чка, такой а́ошкa, кошкa мышкa пы́малъ*). Отмечаемые десять лет тому назад диалектные формы деепричастия прошедшего времени на – *миш* даже в письменных работах учащихся, в настоящее время очень редко встречаются в спонтанной речи: *обеда́миш, зна́миш, спа́миш (обеда́виш, зна́виш, спа́виш)*.

Некоторые диалектные особенности наречий, свойственные центральным районам Европейской части России, «в условиях междиалектного контактирования теряют характер черт одного из наречий и становятся, чуть ли не общими для русских говоров Башкирии любой системы» [19. С. 17]. «Быстрее всего, - по справедливому

замечанию Ф.П.Филина, - отмирают диалектные особенности, которые самими говорящими осознаются как противоречащие норме литературной речи» [43. С. 308 - 309].

Черты диалектного произношения встречаются в потоке спонтанной несравненно реже, чем примеры просторечного произношения, которое встречается даже в речи носителей строгого литературного языка. Тем не менее, сравнение количества ошибок учащихся двадцатилетней давности с современными данными дают основания считать, что до сих пор диалектные произносительные ошибки остаются в числе «наиболее устойчивых, маркированных и широко распространенных» [30. С. 346] явлений региональной фонетики. Несмотря на то, что современный языковой стандарт допускает большие, чем прежде нормативные колебания, не преодоленные учащимися диалектные фонетические явления, воспринимаются как нарушение произносительной нормы. Общая же тенденция изменения всей фонетической системы проявляется в ее сближении с литературным языком.

Наши исследования позволили нам выявить **различия между межъязыковой и внутриязыковой интерференцией.**

Для межъязыковой интерференции свойственна неверная реализация гласных в связи с ошибками в артикуляции согласных; причем большая часть ошибок представляет собой нарушение орфофонических норм: недостаточно твердые, недостаточно мягкие, недостаточно аффрицированные согласные, более закрытые или более открытые, чем в норме гласные, излишне дифтонгоидные гласные после мягких согласных, замена аффрикат щелевыми согласными и др.

При внутриязыковой интерференции ошибки в произношении гласных более независимы, они и не связаны с реализацией мягкости. Таким образом, при внутриязыковой интерференции системные нарушения были более значительны. На результат интерференции влияют не только различия во взаимодействующих звуковых системах (различия в количестве и составе фонем, их дистрибуция и т.д.), но и то, каким путем происходит само взаимодействие. Так, например, при внутриязыковой интерференции, приводящей к появлению не только диалектных, но и просторечных черт, влияние литературного языка осуществляется через устную его форму. Для межъязыковой, как и для внутриязыковой интерференции, наиболее устойчивыми и распространенными являются орфофонические черты, не затрагивающие фонемного облика, не осознаваемые речевым носителем как отступление от нормы. К сказанному остается прибавить

вить, что при правильной постановке преподавания русского языка на групповых и индивидуальных занятиях, наиболее продуктивным (для преодоления названных видов интерференции в речи учащихся) является фонетический метод.

Список литературы

1. Vogt, H. Actes du VIe Congres International des linguistes. Paris, 1948.
2. Хауген, Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
3. Ахунзянов, Э. М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция. Казань, 1978.
4. Аюпова, Л. Л. Вопросы социолингвистики: типы двужычия в Башкирии. Свердловск, 1988.
5. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1998.
6. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000.
7. Баранникова, Л. И. Сущность интерференции и специфика её проявления // Проблемы двужычия и многоязычия. М., 1972.
8. Блягоз, З. У. Типы ошибок в русской речи учащихся - адыгейцев и их источники. Майкоп, 1973.
9. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972.
10. Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.

List of literature

1. Vogt, H. Actes du VIe Congres International des linguistes. Paris, 1948.
2. Xayren, E. Yazykovoy kontakt // Novoe v lingvistike. Vyp. 6. M., 1972.
3. Ahunzyanov, E. M. Dvuyazychie i leksiko-semanticheskaya interferentsiya. Kazan', 1978.
4. Ayupova, L. L. Voprosy sotsiolingvistiki: tipy dvuyazychiya v Bashkirii. Sverdlovsk, 1988.
5. Ayupova, L. L. Yazykovaya situatsiya v Respublike Bashkortostan: sotsiolingvisticheskiy aspekt: dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 1998.
6. Ayupova, L. L. Yazykovaya situatsiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt. Ufa, 2000.
7. Barannikova, L. I. Suschnost' interferentsii i spetsifika ee proyavleniya // Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya. M., 1972.
8. Blyagoz, Z. U. Tipy oshibok v russkoy rechi uchaschihsya - adygeytssev i ih istochniki. Maykop, 1973.
9. Vaynrayh, U. Odnoyazychie i mnogoyazychie // Novoe v lingvistike. M., 1972.
10. Vaynrayh, U. Yazykovye kontakty: Sostoyanie i problemy issledovaniya. Kiev, 1979.

11. Верещагин, Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия / билингвизма. М., 1969.
12. Виноградов, В. А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
13. Гавранек, Б. К. К проблеме смешивания языков // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
14. Дьячков, М. В. Проблемы двуязычия (многоязычия) и образование. М., 1992.
15. Жлуктенко, Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
16. Закирьянов, К. З. Башкирско-русские языковые контакты // Обучение языкам в условиях активного билингвизма // Акъяр. 2001б. № 3. С. 110–118.
17. Закирьянов, К. З. Проблемы расширения национально-русского и русско-национального двуязычия // Учитель Башкортостана. 1992. № 5. С. 25–28.
18. Закирьянов, К. З. В условиях активного билингвизма // Народное образование. 1998. №5. С. 74–76.
19. Здобнова, З. П. Атлас русских говоров. Уфа, 2004.
20. Здобнова, З. П. О явлении расширения узких гласных в русских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Воронеж, 1974.
11. Vereschagin, E. M. Psihologicheskaya i metodologicheskaya charakteristika dvuyazychiya / bilingvizma. M., 1969.
12. Vinogradov, V. A. Yazykovaya situatsiya // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990.
13. Gavranek, B. K. K probleme smeshivaniya yazykov // Novoe v lingvistike. Vyp. 6. Yazykovye kontakty. M., 1972.
14. D'yachkov, M. V. Problemy dvuyazychiya (mnogoyazychiya) i obrazovanie. M., 1992.
15. Zhluktenko, Yu. A. Lingvisticheskie aspekty dvuyazychiya. Kiev, 1974.
16. Zakir'yanov, K. Z. Bashkirsko-russkie yazykovye kontakty // Obuchenie yazykam v usloviyah aktivnogo bilingvizma // Akyar. 2001b. № 3. S. 110–118.
17. Zakir'yanov, K. Z. Problemy rasshireniya natsional'no-russkogo i russko-natsional'nogo dvuyazychiya // Uchitel' Bashkortostana. 1992. № 5. S. 25–28.
18. Zakir'yanov, K. Z. V usloviyah aktivnogo bilingvizma // Narodnoe obrazovanie. 1998. №5. S. 74–76.
19. Zdobnova, Z. P. Atlas russkih govorov. Ufa, 2004.
20. Zdobnova, Z. P. O yavlenii rasshireniya uzkih glasnyh v russkih govorah // Soveschanie po obsch-slavyanskomu lingvisticheskomu atlasu. Voronezh, 1974.

21. Здобнова, З. П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа, 2001.
22. Зыков, М. Б. Языковая ситуация. Нефтекамск, 2007.
23. Илишев, И. Г. Этноязыковая ситуация в республике Башкортостан // Ватандаш. 1989. № 22. С 63–68.
24. Илишев, И. Г. Язык и политика в многонациональном государстве: политологические очерки. Уфа, 2000.
25. Ишембитова, З. Б. Оптимизация социокультурной функции образования // Творчество и развитие образовательных систем. Уфа, 1997.
26. Кашкуревич, Л. Г. Формирование универсальных умений билингва. М., 1988.
27. Кiekбаев, М. Башкирский язык в условиях города // Ватандаш. 2000. №4. С. 158–165.
28. Климов, В. В. Языковые контакты // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М. : Наука, 1970. 604 с.
29. Кузеев, Р. Г. Межнациональные отношения: история, теория, пути демократического обновления. Уфа, 1990.
30. Лаптева, О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте // Вопросы культуры речи. М., 2000.
31. Майоров, А. П. Взаимодействие языков в двуязычном ком-
21. Zdobnova, Z. P. Sud'ba russkikh pereselencheskikh govorov v Bashkirii. Ufa, 2001.
22. Zykov, M. B. Yazykovaya situatsiya. Neftekamsk, 2007.
23. Ilishev, I. G. Etnoyazykovaya situatsiya v respublike Bashkortostan // Vatandash. 1989. № 22. S 63–68.
24. Ilishev, I. G. Yazyk i politika v mnogonatsional'nom gosudarstve: politologicheskie ocherki. Ufa, 2000.
25. Ishembitova, Z. B. Optimizatsiya sotsiokul'turnoy funktsii obrazovaniya // Tvorchestvo i razvitie obrazovatel'nykh sistem. Ufa, 1997.
26. Kashkurevich, L. G. Formirovanie universal'nykh umeniy bilingva. M., 1988.
27. Kiekbaev, M. Bashkirskiy yazyk v usloviyah goroda // Vatandash. 2000. №4. S. 158–165.
28. Klimov, V. V. Yazykovye kontakty // Obschee yazykoznanie: Formy suschestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. M. : Nauka, 1970. 604 s.
29. Kuzeev, R. G. Mezhnatsional'nye otnosheniya: istoriya, teoriya, puti demokraticeskogo obnoveniya. Ufa, 1990.
30. Lapteva, O. A. Zhivaya russkaya rech' s teleekrana. Razgovornyy plast televizionnoy rechi v normativnom aspekte // Voprosy kul'tury rechi. M., 2000.
31. Mayorov, A. P. Vzaimodeystvie yazykov v dvuyazychnom

- муникативном пространстве: социальные аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1998.
32. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М., 2000.
33. Михайлов, М. М. Дваязычие: принципы и проблемы. Чебоксары, 1969.
34. Прядильникова, О. В. О некоторых источниках отступлений в реализации произносительной нормы // *Lingua mobilis*. 2009. № 15. С. 99–115.
35. Прядильникова, О. В. Роль акцентологических норм в лингвориторической коммуникации // *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Вып. Сочи, 2008. С. 201-208.*
36. Прядильникова, О. В. Судьба отдельных диалектных явлений в устной речи современных учащихся // *Lingua mobilis*. 2008. № 14. С. 100–111.
37. Розенцвейг, В. Б. Языковые контакты. Л., 1972.
38. Сафин, Ф. Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000.
39. Сулейменова, Э. Д. Языковая ситуация в Казахстане // *Язык, культура и образование: статус русского языка в странах мира*. М., 2002. С. 113–121.
- kommunikativnom prostranstve: sotsial'nye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 1998.
32. Mechkovskaya, N. B. Sotsial'naya lingvistika: Posobie dlya studentov gumanitarnykh vuzov i uchashihsya litseev. M., 2000.
33. Mihaylov, M. M. Dvuyazychie: printsipy i problemy. Cheboksary, 1969.
34. Pryadil'nikova, O. V. O nekotorykh istochnikah otstupleniy v realizatsii proiznositel'noy normy // *Lingua mobilis*. 2009. № 15. S. 99–115.
35. Pryadil'nikova, O. V. Rol' aktsentologicheskikh norm v lingvoritoricheskoy kommunikatsii // *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. Sochi, 2008. S. 201-208.*
36. Pryadil'nikova, O. V. Sud'ba otdel'nykh dialektnykh yavleniy v ustnoy rechi sovremennykh uchashihsya // *Lingua mobilis*. 2008. № 14. S. 100–111.
37. Rozentsveyg, V. B. Yazykovye kontakty. L., 1972.
38. Safin, F. G. Etnoyazykovye protsessy v Bashkortostane v HH stoletii: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2000.
39. Suleymenova, E. D. Yazykovaya situatsiya v Kazahstane // *Yazyk, kul'tura i obrazovanie: status russkogo yazyka v stranah mira*. M., 2002. S. 113–121.

40. Султанова, Н. М. Лексическое взаимодействие русского и башкирского языков в условиях национально-русского двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
41. Супрун, А. Е. Две модели порождения текста при двуязычии, переносе и интерференции // Психология и методика обучения второму языку. М., 1971. С. 94–96.
42. Турбин, Г. А. Типы и употребление аффрикат в старожильческих говорах Южного и Среднего Урала. // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Челябинск, 1965.
43. Филин, Ф. П. Говор д. Селино Дубенского района Тульской области // Материалы по русской диалектологии. Т.1. М. ; Л., 1949. С. 308–309.
44. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.
45. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1974.
46. Юналеева, Р. А. Опыт исследования заимствований: Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками. Казань, 1982 .
47. Якобсон, Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Избранные работы. М., 1985.
40. Sultanova, N. M. Leksicheskoe vzaimodeystvie russkogo i bashkirskogo yazykov v usloviyah natsional'no-russkogo dvuyazychiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1985.
41. Suprun, A. E. Dve modeli porozhdeniya teksta pri dvuyazychii, perenose i interferentsii // Psihologiya i metodika obucheniya vtoromu yazyku. M., 1971. S. 94–96.
42. Turbin, G. A. Tipy i upotreblenie affrikat v starozhil'cheskih govorah Yuzhnogo i Srednego Urala. // Voprosy istorii i dialektologii russkogo yazyka. Chelyabinsk, 1965.
43. Filin, F. P. Govor d. Selino Dubenskogo rayona Tul'skoy oblasti // Materialy po russkoy dialektologii. T.1. M. ; L., 1949. S. 308–309.
44. Scherba, L. V. Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike. L., 1958.
45. Scherba, L. V. Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike. L., 1974.
46. Yunaleeva, R. A. Opyt issledovaniya zaimstvovaniy: Tyurkizmy v russkom yazyke sravnitel'no s drugimi slavyanskimi yazykami. Kazan', 1982 .
47. Jakobson, R. Lingvistika v ee otnoshenii k drugim naukam // Izbrannye raboty. M., 1985.

ТИПЫ ОБРАЗНОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Е. А. Салтыкова

Статья описывает толкование образа и фигуративность. Фразеологизмы рассматриваются как один из способов подобного выражения. Определяется лингвистический образ как семантическая структура, которая может выразить определенное содержание в нетривиальной форме посредством ассоциативного сопоставления различных концептов. Фигуративность определяется как семантический путь лингвистического знака, его способность отображать экстралингвистическое содержание через образ.

Ключевые слова: фразеологические единицы, образ, художественный образ.

В философском смысле образ трактуется как «форма отражения объекта в сознании человека. На чувственной ступени познания образами являются ощущения, восприятия и представления, на уровне мышления – понятия, суждения, концепции, теории. Образ объективен по своему источнику – отражаемому объекту и идеален по способу (форме) своего существования. Формой воплощения образа являются практические действия, язык, различные знаковые модели. Специфической формой образа является художественный образ» [15. С. 398]. По определению А.Н. Леонтьева, образ – это «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [7. С. 268]. Образ – это субъективное восприятие объекта субъектом, антропоцентрическая интерпретация воспринимаемого объекта, позволяющая представить его в конкретно-чувственной форме. Одним из основных способов воплощения образа являются языковые формы.

Термин «языковой образ» трактуется в лингвистике неоднозначно. Обычно говорят о первичном чувственном образе и вторичном ассоциативном образе. Первичный чувственный образ является результатом познавательной деятельности субъекта, который воспринимает объект органами чувств и фиксирует воспринятые характере-

ристики объекта. Языковой образ определяется как «эмпирическая форма существования денотата» [5. С. 83], «предметно-чувственные корни слова», «чувственный первообраз понятия и значения» [3. С. 34–49]; как вербализованное зрительное, тактильное, температурное, вкусовое, обонятельное и любое другое чувственное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем, положение в пространстве и другие перцептивные характеристики поименованного предмета [13. С.47].

Первичные чувственные образы связаны с логико-понятийным содержанием языковой единицы и адекватно отражают обозначенный ею объект. Подобные первичные чувственно-рациональные образы рассматриваются в когнитивистике как одна из форм хранения знания, а именно как прототип, типовой образ, прототипический образ. На базе первичных перцептивных образов складываются более сложные комбинированные структуры – «образы воображения» [13. С. 49]. Они формируются «путем комбинирования образов памяти и путем переосмысления этих элементов, наполнения их новым содержанием, благодаря чему они не копируют, не повторяют существующие предметы природы и уже готовые продукты человеческой деятельности, а являются идеальными прототипами того, что, возможно, будет создано» [11. С. 27]. Комбинирование первичных образов ведет к созданию сложных целостных образов, которые складываются из линейных (синтагматических) последовательностей соположенных первичных образов, отражающих явления и объекты, взаимосвязанные и взаимодействующие в реальной действительности в рамках единой ситуации восприятия [13. С. 68]. Такие структуры знания соответствуют понятиям фреймов и сценариев.

Развитие идей фреймового описания привело к тому, что в настоящее время это понятие применяется не только для стандартных ситуаций. Фреймы рассматриваются в отношении к концептуальной системе человека, где они представляют собой более или менее обобщенные концепты. «Фрейм являет собой общее основание образа, который может быть представлен любым из отдельных слов и образует особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов» [14. С. 61]. «Фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками» знания. Во-первых, они являются единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций, эти

единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [2. С. 16–17]. Другими словами, фреймы есть концептуальные структуры с декларативно-процедурно-ориентированными знаниями [1. С. 3–13]. **Подход к фреймам как к концептуальным структурам** с декларативно-процедурно-ориентированными знаниями лег в основу теории концептуального моделирования актуального значения идиом А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [17. С. 402–429]. Согласно этой теории, за любой ФЕ стоит своя абстрактная концептуальная структура – фрейм, в которой аккумулируются знания человека о мире и образование значения ФЕ связано не с переносом характеристик от одного денотата к другому и не с производностью одних значений от других, а с целым комплексом преобразований в концептуальных структурах. Составляющие фрейма представлены в виде слотов, которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными. В результате концептуальных преобразований во фреймах и слотах происходит формирование нового значения идиомы.

Путь переосмысления чувственно-наглядных образов основан на нелинейных ассоциативных связях и комбинациях первичных чувственных элементарных образов, возникающих в процессе творческого мышления, в основе которого лежат симилиативные процессы – поиск аналогии между познаваемыми явлениями и их уподобление. В результате такого рода трансформаций и взаимодействий первичных (элементарных и сложных) образов происходят сдвиги и переносы по сходству или смежности, формируются вторичные чувственно-ментальные образы, имеющие двуплановую содержательную структуру. Содержание первичного чувственно-рационального образа здесь не прямо, а опосредованно ассоциативно отражает логико-понятийное содержание обозначаемого феномена [13]. Именно представление о вторичном двуплановом образе связано с пониманием языкового образа как особого типа содержательной структуры, позволяющей выразить определенное содержание в нетождественной этому содержанию форме посредством ассоциативного сближения разнородных представлений и выражения одного концепта сквозь призму другого [13].

Образной основой ФЕ является созданное в языковой форме представление (наглядно-чувственный образ предмета), которое выражается данным языковым знаком в его прямом, буквальном значе-

нии. Это представление служит базой переносных значений слова и ФЕ, создает семантическую двуплановость (или многоплановость)» [13. С. 19–20].

Образная лексика языка – это лексика, основной функцией которой является образная предикация денотата, так как эмоционально-оценочно-образное значение словарного знака является результатом вторично-предикатной номинации: денотатом предикативных значений является один (или несколько) признаков предмета 1, пропущенных через призму эмоциональной оценки, при совмещении двух образов – предмете 1 и предмета 2. Предикация не столько называет денотат, сколько характеризует его. Одновременно она информирует об отношении говорящего к предмету и объекту речи, а также о ситуации, в которой возможны употребления того или иного образного слова.

Эмоционально-оценочный образ понимается В.И. Шаховским как двойная актуализация, основанная не на эмпирических признаках, воспринимаемых зрительно, не на материальном сходстве предметов, а на опосредованном, интеллектуально-эмоциональном восприятии каких-то определенных признаков предмета 1, положенных в основу и предиката предмета 2, и формирующих эмоционально-оценочную образность предикатного значения словарного знака. Признаки, вызывающие оценочную образность как семантический компонент словарной единицы, входят в ее сигнификат, так как характеризуют денотат, хотя и не прямо, а опосредованно. Эти сигнификативные признаки вызывают у говорящих (слушающих) соответствующие эмоции и оценки тех образов, которые ассоциируются с пучком признаков, характеризующих данные денотаты. При эмоционально-оценочно-образной номинации характерологическое значение является не дополнительным, а семантически релевантным: двуплановость кореференции сосуществует в сознании говорящего коллектива на равных правах и ожидает своих условий для реализации эмоционально-оценочно-образной валентности, понимаемой как семантическая потенция импликационала этой лексики к эмоционально-оценочной образности. В эмоционально-оценочно-образном значении отражены не только существенные признаки данного предмета, но и его имплицитные признаки [16. С. 142–147].

Смысловую двуплановость компонента, возникающую при его семантической переориентации, при одновременном совмещении в одном языковом знаке его старых и новых гносеологических связей,

Ю.П. Солодуб считает одним из основных лингвистических средств создания образности [12. С. 4]. Образность, в свою очередь, определяется как семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определенное внеязыковое содержание посредством целостного, наглядного представления-образа для характеристики обозначаемого им объекта и выражения эмоциональной оценки со стороны говорящего лица [8. С. 268]; как «способность слова вызывать мысленный образ предмета или явления, обозначаемого словом» [6. С. 73; 4. С. 74].

В семантике образной ФЕ реализовано сопоставление двух или нескольких фактов действительности. Их совмещение представляет не только сам называемый объект, но и его характерный признак, воплощенный в слове ассоциативно. На акцентировании одних признаков и подавлении других построена концепция А.Д. Райхштейна. Он определяет образное переосмысление как подавление (дезактуализацию) конкретно-предметной семы в семантической микроструктуре слова или словесного комплекса, сочетающееся с акцентированием какой-либо более абстрактной семы и индуцированием дополнительной семы [10. С. 236]. Основным дистинктивным признаком образно переосмысленной единицы является наличие дезактуализованной (т.е. денотативно не значимой) конкретно-предметной семы. При этом дезактуализация конкретно-предметных сем при цельнообразном переосмыслении может иметь две качественно различные формы:

1. Полная дезактуализация, т.е. выведение конкретно-предметных сем из денотативного значения переосмысленной единицы.

2. Частичная дезактуализация, т.е. отеснение конкретно-предметных сем в денотативном значении переосмысленной единицы на задний план.

Две эти формы дезактуализации приравняются двум типам образного переосмысления слов и словесных комплексов – метафорическому и метонимическому. При метафорическом переосмыслении они приобретают чисто коннотативные функции, придавая семантике образно-метафорических единиц эмоционально-экспрессивный характер; при метонимическом переосмыслении их коннотативные функции сочетаются с остаточными денотативными [10. С. 239].

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Концептуальная модель значения идиом // Когни-

List of literature

1. Baranov, A. N. Kontseptual'naya model' znacheniya idiom // Kogni-

- тивны́е аспекты лексики. Тверь, 1991. С. 3–13.
2. Дейк Ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
3. Залевская, А. А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях. Калинин, 1987. 87 с.
4. Загоровская, О. В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 16–21.
5. Илюхина, Н. А. Образ как объект и модель семасиологического анализа: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999. 417 с.
6. Колодкина, Е. Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987. 17 с.
7. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1999. 287 с.
8. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 230 с.
9. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. М. : Русские словари, 1997. 863 с.
10. Райхштейн, А. Д. Немецкие устойчивые фразы. Л. : Просвещение, 1971. 182 с.
- tivnyye aspekty leksiki. Tver', 1991. S. 3–13.
2. Deyk Van, T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. M. : Progress, 1989. 312 s.
3. Zalevskaya, A. A. Voprosy organizatsii leksikona cheloveka v lingvisticheskikh i psiholingvisticheskikh issledovaniyah. Kalinin, 1987. 87 s.
4. Zagorovskaya, O. V. Obraznyj komponent v znachenii slova // Leksicheskie i grammaticheskie komponenty v semantike yazykovogo znaka. Voronezh, 1983. S. 16–21.
5. Ilyuhina, N. A. Obraz kak obekt i model' semasiologicheskogo analiza: dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 1999. 417 s.
6. Kolodkina, E. N. Spetsifika psiholingvisticheskoy traktovki parametrov konkretnosti, obraznosti i emotsional'nosti znacheniya su-schestvitel'nyh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1987. 17 s.
7. Leont'ev, A. A. Osnovy psiholingvistiki. M. : Smysl, 1999. 287 s.
8. Luk'yanova, N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: Problemy semantiki. Novosibirsk : Nauka, 1986. 230 s.
9. Melerovich, A. M. Frazеologizmy v russkoy rechi. M. : Russkie slovary, 1997. 863 s.
10. Rayshshteyn, A. D. Nemetskie ustoychivye frazy. L. : Prosveschenie, 1971. 182 s.

11. Славин, А. В. Наглядный образ в структуре познания. М. : Политиздат, 1971. 271 с.
12. Солодуб, Ю. П. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация // Фразеологическая номинация. Р-н/Д., 1989. С. 4–12.
13. Юрина, Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 436 с.
14. Филмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1988. Вып.23. С.52–92.
15. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. 815 с.
16. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
17. Baranov, A. Cognitive Modeling of Actual Meaning in the Field of Phraseology // Journal of Pragmatics. 1996. № 25. P.409–429.
11. Slavin, A. V. Naglyadnyj obraz v strukture poznaniya. M. : Politizdat, 1971. 271 s.
12. Solodub, Yu. P. Obraznost' frazeologizmov i frazeologicheskaya nominatsiya // Frazeologicheskaya nominatsiya. R-n/D., 1989. S. 4–12.
13. Yurina, E.A. Kompleksnoe issledovanie obraznoy leksiki russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2005. 436 s.
14. Filmor, Ch. Freymy i semantika ponimaniya // Novoe zarubezhnoy lingvistike. M. : Progress, 1988. Vyp.23. S.52–92.
15. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1986. 815 s.
16. Shahovskiy, V. I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy. M. : Gnozis, 2008. 416 s.
17. Baranov, A. Cognitive Modeling of Actual Meaning in the Field of Phraseology // Journal of Pragmatics. 1996. № 25. P.409–429.

**ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И «TOLERANZ»
В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Е. С. Сумина

Статья посвящена описанию понятия “толерантность” в научной картине мира. Его исследование основано на определениях различных дискурсов.

Ключевые слова: толерантность, научная картина мира.

Актуальность феномена толерантности для мирового сообщества на рубеже второго и третьего тысячелетий и многогранный интерес ученых разных стран к его исследованию представляют собой неоспоримый факт. После того как Организация объединенных наций по инициативе ЮНЕСКО объявила 1992 год «международным годом толерантности» и 16 ноября 1995 года в Париже 185-ю членами ЮНЕСКО, в том числе Россией и Германией, была подписана «Декларация принципов толерантности», вопросы толерантности, разнообразия культур, различий между людьми стали предметом обсуждения многочисленных региональных и международных конференций в разных странах. Проблематика этих конференций отражает самые различные интерпретации и вскрывает многоплановость и этноспецифику феномена толерантности.

На рубеже тысячелетий идея толерантности присутствует в обсуждении расовых, этнических, сексуальных проблем, культурных и социальных отличий. Ключевую позицию идея толерантности занимает в политической теории, где она осмысливается как неотъемлемый элемент свободного общества, основная демократическая ценность, как обратная сторона нравственного и культурного плюрализма и релятивизма. Практика школьного и вузовского образования на Западе и (хотя в значительно меньшей степени) в России включает в себя элементы сравнения культур для достижения основ культурного релятивизма. Учащиеся и студенты сталкиваются со сложными вопросами толерантности в ходе размышлений об отношении к другим людям, отличным от них самих, а также к тем людям, которые сами являются нетерпимыми [1. С. 57-58].

В то же время в понимании феномена толерантности зачастую возникает немало сложностей и противоречий. С одной стороны, во всех культурах признается самоочевидным, что толерантность является добродетелью, ценность которой отрицается крайне редко. С другой стороны, разные культуры не всегда солидарны друг с другом в вопросах о границах, лимитах толерантности, формах ее проявления и т.п. Таким образом, понятие «толерантность», с помощью которого феномен толерантности представлен в современной науке, являет собой актуальный мульти- и междисциплинарный объект исследования.

К научной картине мира (далее по тексту – НКМ), на наш взгляд, следует отнести все те дискурсы, которые складываются в соответствии с разными областями научного знания. Таким образом, в НКМ мы учитывали возможность областей научного знания выступать в качестве дискурсообразующих сфер [2. С. 21] и рассматривали общенаучный, философский, теологический, социологический, политический, технический, экономический, экологический, биолого-медицинский, юридический, теологический, психолого-педагогический, математический и сельскохозяйственный дискурсы. Сравнительный анализ понятий «толерантность» и «Toleranz» возможен на основе сопоставления их дефиниций в русских и немецких справочных изданиях общего и специализированного энциклопедического характера.

В современных русскоязычных справочных изданиях общего энциклопедического характера *толерантность* определяется, прежде всего, как термин, относящийся к области *медицины* и обозначающий либо ослабление реакции организма на какой-либо неблагоприятный фактор, либо определенное иммунологическое состояние организма [3. С. 480]. Второе значение термина, которое указывается в большей части современных справочных пособий, толкуется как «*способность* организма *переносить* неблагоприятное влияние того или иного фактора среды». Так, данное значение отмечается в двухтомном «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией А.М. Прохорова [там же], в «Большом российском энциклопедическом словаре», в электронной версии «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия». В этих словарях также отмечается третье значение термина – *терпимость* к чужим мнениям, верованиям, поведением. Заметим, что если во втором значении ключевым словом в трактовке понятия «толерантность» является *способность* (как умение

или возможность производить определенное действие – переносить неблагоприятное воздействие), то третье значение характеризует (*душевное*) *качество* (как совокупность существенных признаков, свойств, отличающих человека от других людей, определяющих его достоинство). Второе значение, таким образом, можно охарактеризовать как *физиологическое*, а третье – как *личностное*.

Отметим, что в энциклопедических изданиях общей направленности более раннего издания (1970-х – 1980-х годов) понятие «толерантность» представлено не всегда одинаково. Например, в универсальном «Советском энциклопедическом словаре» отмечаются все три вышеуказанных значения слова [5. С. 1348], тогда как в тридцатитомной «Большой Советской Энциклопедии» указано лишь медицинское значение (толерантность иммунологическая) [6. С. 46]. Исходя из общепринятых лексикографических принципов построения словарных статей, можно предположить, что медицинское (физиологическое) значение существительного *толерантность* рассматривается как первичное значение этого слова в русском языке. Можно также полагать, что медицинское значение является более употребительным в русском языке и приводится в качестве первого.

Дефиниционный анализ существительного *толерантность* на материале энциклопедических словарей XIX – начала XX веков показал, что данное слово отсутствует в русской части «Новых параллельных словарей языковъ русскаго, французскаго, немецкаго и англійскаго въ 4хъ частяхъ, по словарямъ Россійской Академіи, Аделунга, Гейнзіуса, Джонсона, Спирса и по другимъ лексиконамъ», составленной Ф. Лейером, в «Полном русско-англійскомъ словаре, составленномъ А. Александровымъ», в большой 22-томной энциклопедии 1896 года [БЭ 1896], многотомном «Энциклопедическомъ словаре русскаго библіографическаго института ‘Гранат’», в «Маломъ энциклопедическомъ словаре» издательства «Брокгауз – Эфрон». В то же время понятие «толерантность» включено в «Энциклопедическій словарь Ф. Павленкова» [7. С. 2558]. В этом словаре существительное *толерантность* толкуется только как *терпимость* или *веротерпимость*. В «Объяснительномъ словаре 30000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ съ объясненіемъ ихъ корней» И.О. Бурдона и А.Д. Микельсона указанное значение приписывается слову *толерантнизм* [8. С. 516].

Что касается немецкого понятия «*Toleranz*», то можно обоснованно сказать, что оно является актуальным для общего научного дис-

курса, поскольку словарные дефиниции этого понятия содержатся во всех проанализированных нами энциклопедических словарях общенаучного характера. Так, в свободной электронной энциклопедии «Википедия» понятие «**Toleranz**» представлено **однокоренными** существительными *die Toleranz* ‘толерантность’ и *das Tolerieren* ‘толерирование, толерантное отношение’ и определяется рядом глаголов: *Toleranz* (oder das Tolerieren) kommt vom lateinischen Verb *tolerare* - (von *tolus*: Last) **und bedeutet ursprünglich: ertragen, durchstehen, aushalten oder erdulden** ‘толерантность (или толерирование) происходит от латинского глагола *tolerare* – (от *tolus*: нагрузка) и означает первоначально: выносить, переносить, выдерживать или вытерпеть’. Мы полагаем, что факт первоначального определения значения слова *Toleranz* в немецком языке рядом глаголов (а не синонимичных существительных, как в русском языке) свидетельствует в пользу значимости признака **деятельность / активность** для немецкого понятия.

В цитируемой энциклопедии указывается также и современное значение *Toleranz*: *Toleranz* beschreibt die Fähigkeit, generell jegliche Form des *Andersseins* oder *Andershandelns* (andere Ansichten, -Herkunft, -Sexualität, -Moral, -Religion, -**Maßhaltigkeit** (technisch), usw.) **amangetastet bestehen zu lassen** ‘Толерантность описывает способность с неукоснительной *выдержкой принимать* какую-либо форму другой сущности или другого поведения (другие взгляды, происхождение, сексуальную ориентацию, мораль, религию, соблюдение размеров (техн.) и т. д.)’. Важным мы считаем также замечание о *границах, пороге* толерантности: *Erst wenn ein gewisses Maß, die Toleranzschwelle, überschritten ist, kommt es zu Reaktionen; dort wo gar keine Abweichung erlaubt ist, herrscht die Intoleranz* ‘**Только когда превышает** известная мера, порог толерантности, возникают реакции; там, где не допускается вообще никакого отклонения, царит интолерантность’.

В отличие от русского слова *толерантность* немецкое слово *Toleranz* присутствует в четвертой, английской части «Новых параллельных словарей русского, французского, немецкого и английского языков» – «New parallel dictionaries of the Russian, French, German and English languages, in four parts, extracted from the dictionaries of the Russian Academy, the French Academy, Adelung, Heinsius, Johnson, Sriers and other Lexicographers, by Ch. Ph. Reiff», составленной К. Райффом [9. С. 723]. Немецкое существительное *Toleranz* здесь

определяется как *Duldung, Nachsicht* ‘терпимость, снисходительность’ (для сравнения: английская параллель, представленная существительным *toleration*, переведена на русский язык как *допущение, снисходительность*, в качестве французской параллели приведены существительные *la tolérance, indulgence* ‘терпимость, снисходительность, допущение’). Интересным представляется наличие в цитируемом слове английского существительного *tolerableness* ‘стерпимость, изрядность’, немецкая параллель которого представлена как *Erträglichkeit, Mittelmäßigkeit* ‘переносимость, посредственность’.

Очевиден факт, что в XVI – XIX веках существительное *Toleranz* употреблялось в немецком языке преимущественно в своем заимствованном из латыни значении – *Duldsamkeit* ‘терпимость’. Однако наряду с этим уже в начале XIX века имеются подтверждения употребления данного слова в значении *Abweichung von der Norm* ‘отклонение от нормы’ в области техники. Так, в работе К. Кармарша (K. Karmarsch) «Grundriß der mechanischen Technologie, als Leitfaden für den technologischen Unterricht an polytechnischen Instituten und Gewerbeschulen» ‘Чертеж механической технологии, руководство для занятий по технологии в политехнических институтах и ремесленных училищах’ (1837) описывается значение существительного *Toleranz* в области монетного дела: «*Toleranz im Münzwesen = Remedium, die kleine Abweichung vom gesetzlichen Gehalt und Gewicht*» ‘толерантность в области монетного дела = ремедиум, небольшое отклонение от установленной законом нормы содержания и веса’ [10. С. 633].

Таким образом, можно сделать вывод, что и русское слово *толерантность*, и немецкое слово *Toleranz* существуют как общенаучные термины, при этом в связи с немецким словом энциклопедические статьи представлены значительно шире: в отличие от русского языка, наряду с *общегуманитарным* значением *Duldsamkeit* ‘терпимость’ уже в XIX веке в энциклопедиях общего характера фиксируется специализированное *финансовое* значение термина «*Toleranz*» – *Abweichung von der Norm* ‘отклонение от нормы’.

В своем исследовании мы рассмотрели также репрезентацию понятий «толерантность» и «*Toleranz*» в отдельных научных дискурсах (в специализированных справочных пособиях) и выделили на основе проведенного исследования их характерные признаки в русской и немецкой НКМ. Полученные исследования систематизированы в нижеследующей таблице:

Языкознание

Дискурс	«толерантность»	«Toleranz»
философский	уважение, терпимость, устойчивость, воздержание от употребления силы	уважение, способность противостоять, принятие во внимание
технический	–	отклонение от нормы, допуск, наличие границ, безопасность, поле допуска (диапазон)
экономический	–	допуск, ремедиум, отклонение от нормы, поле допуска (диапазон), условие, наличие границ
биолого-медицинский	воздействие, перенесение, отсутствие вреда, привыкание, утрата способности дифференцировать, приспособление, внешнее воздействие	ограничение, противостояние, внешнее воздействие, привыкание, развитие
социологический	мировоззрение, духовная основа (нравственность), социологическая установка, принятие	мировоззрение, духовная основа (нравственность), социологическая установка, принятие
юридический	см. медицинский дискурс	терпимость + см. экономический дискурс
политический	терпимость, позиция, допуск	Решительность (активная позиция), допуск, серьезное восприятие
теологический	–	отклонение от нормы, мировоззрение, безопасность (отсутствие вреда), сохранение за собой права, сохранение противоположностей в единстве

психолого-педагогический	терпимость, вынесение	терпимость, отсутствие предрассудков, путь навстречу, вынесение
математический	рефлексивность, симметричность, бинарность	рефлексивность, симметричность, бинарность, порог
сельскохозяйственный	—	безопасность (отсутствие вреда), вынесение, способность
общенаучный	ослабление реакции, устойчивость, способность переносить, терпимость, духовное качество	терпение, снисхождение, терпимость, допуск

Данные, представленные в таблице, наглядно иллюстрируют соотношение и взаимодействие различных дискурсов в отношении исследуемых понятий, позволяют определить общие и специфические признаки каждого из них. Так, понятия «толерантность» и «Toleranz» обладают схожим набором признаков в философском и социологическом дискурсах. Общими, наиболее яркими признаками исследуемых понятий в разных дискурсах являются такие признаки, как *уважение, терпимость, духовное качество, способность переносить, основа духовности (нравственность)*. В то же время, данные понятия имеют и специфические признаки. Для понятия «толерантность» таким ярким признаком является признак *утрата способности дифференцировать*, а для понятия «Toleranz» – признаки *допуск, отклонение от нормы и наличие границ*.

Заметим, что признак, отмеченный как специфичный для русского понятия, характерен для медицинского дискурса, при этом физиологический аспект, лежащий в основе этого признака, проникает и в другие дискурсы (в значительной степени в психолого-педагогический, в незначительной – в философский). Психолого-педагогический дискурс в отношении русского понятия является, скорее, психофизиологическим, поскольку все психологические аспекты толерантности оказываются в большей степени связаны с физиологией, а не с процессом воспитания. Признаки, специфичные

для немецкого понятия, характеризуют его преимущественно в техническом дискурсе и также проникают в другие дискурсы (например, признак **допуск** проникает в экономический и в политический дискурсы).

Следует подчеркнуть, что отсутствие признаков исследуемых понятий в некоторых случаях (например, в теологическом дискурсе в отношении русского понятия) означает лишь то, что специализированные словари и энциклопедии не содержат соответствующих дефиниций. В таких случаях для установления релевантности понятия для того или иного дискурса необходимо обращаться к специализированным текстам, к истории феномена, который эти понятия представляют. То же самое можно сказать о релевантности понятий «толерантность» и «Toleranz» для дискурсов, которые нами не рассматриваются. Так, например, мы полагаем, что исследуемые понятия, особенно русское понятие «толерантность», является в значительной степени релевантным для журналистского дискурса (дискурса средств массовой информации), который сыграл и продолжает играть важную роль в его формировании и сегодняшнем восприятии.

Список литературы

1. Трубина, Е. Г. Повествование и наука: от вражды к толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная монография. Екатеринбург, 2003. С. 57–82.
2. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста : учебное пособие. М. : КомКнига, 2006. –28 с.
3. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2. М. : Советская энциклопедия, 1991. 768 с.
4. Большой российский энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2003. 1888 с.
5. Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1980. 1600 с.

List of literature

1. Trubina, E. G. Povestvovanie i nauka: ot vrazhdy k tolerantnosti // Filosofskie i lingvo-kulturologicheskie problemy tolerantnosti : kollektivnaya monografiya. Ekaterinburg, 2003. S. 57–82.
2. Chernyavskaya, V. E. Interpretatsiya nauchnogo teksta : uchebnoe posobie. M. : KomKniga, 2006. –28 s.
3. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' : v 2 t. T. 2. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 768 s.
4. Bol'shoy rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M. : Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2003. 1888 s.
5. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1600 s.

6. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. Т. 26. М. : Советская энциклопедия, 1977. 624 с.
7. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб., 1910. 3103 с.
8. Бурдонъ, И. О. Объяснительный словарь 30000 иностранных слов, вошедших въ употребление в русский языкъ съ объясненіем их корней. М. : Типографія Бахметева, 1871. 606 с.
9. New parallel dictionaries of the Russian, French, German and English languages, in four parts, extracted from the dictionaries of the Russian Academy, the French Academy, Adelung, Heinsius, Johnson, Sriers and other Lexicographers, by Ch. Ph. Reiff. 4th part. English Dictionary. Carlsruhe : Author ; St-Petersburg: Velten ; Leipzig : K. F. Koehler ; Paris : Maisonnewe and Co, 1862. 818 p.
10. Grimm, J. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm : in 33 Bänden. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991.
6. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya : v 30 t. T. 26. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1977. 624 s.
7. Entsiklopedicheskiy slovar' F. Pavlenkova. SPb., 1910. 3103 s.
8. Burdon, I. O. Obyasnitel'nyj slovar' 30000 inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkiy yazyk s obyasneniem ih korney. M. : Tipografiya Bahmeteva, 1871. 606 s.
9. New parallel dictionaries of the Russian, French, German and English languages, in four parts, extracted from the dictionaries of the Russian Academy, the French Academy, Adelung, Heinsius, Johnson, Sriers and other Lexicographers, by Ch. Ph. Reiff. 4th part. English Dictionary. Carlsruhe : Author ; St-Petersburg: Velten ; Leipzig : K. F. Koehler ; Paris : Maisonnewe and Co, 1862. 818 p.
10. Grimm, J. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm : in 33 Bänden. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991.

**ОППОЗИТИВНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ
МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ¹**

О. Ю. Улогова

В статье рассматривается проблема отражения оппозитивности межличностных отношений в семантике глаголов; характеризуются понятия «бинарность» и «контрарность» применительно к категории отношения; приводятся различные трактовки термина «оппозиция». Автором предложены возможные оппозиции глаголов в рамках контрарности выражения отношений. Результаты и материалы исследования могут быть использованы в вузовских курсах лексикологии, стилистики.

Ключевые слова: оппозиция, межличностные отношения, семантика, бинарность, контрарность.

На современном этапе лингвистических исследований, где представлены различные аспекты отражения действительности в языке, закономерным видится определение отношений субъекта с окружающим миром на основе разного рода противопоставлений, закрепленных в определенных понятиях. Данные понятия могут быть сравнимыми и несравнимыми. В логических отношениях находятся прежде всего сравнимые понятия, которые делятся на совместимые и несовместимые. Для совместимых понятий существует три вида отношений: равнообъемность, пересечение и подчинение. Для несовместимых понятий также есть три вида отношений: координация, контрарность и контрадикторность. Следовательно, любые два сравнимых понятия обязательно находятся друг с другом в каком-нибудь (одном из шести обозначенных видов) отношении.

В контексте нашей темы для нас наиболее актуальным является принцип несовместимости противопоставлений, выраженных глагольными единицами, в связи с чем релевантными становятся термины «бинарность» и «контрарность». Далее оговорим наше понимание данных

¹ Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013» (Госконтркт № 02.740.11.0367)

терминов. Бинарность, как правило, определяется как нечто, составленное из двух частей [1. С. 67]. Полагаем, что бинарность в семантике глаголов межличностных отношений может быть охарактеризована через контрастность данных отношений. Согласно статье, представленной в Философском словаре, контрастность – это 1) логическое отношение между понятиями, одно из которых исключает или отрицает другое, но между которыми всегда есть третий, средний вариант; 2) логическое отношение между двумя простыми сравнимыми суждениями, которые не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными, потому что между ними всегда есть третий, промежуточный вариант [10. С. 215]. Так, понятие различия предполагает понятие противопоставления, или оппозиции. Два понятия могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг другу. Следовательно, признак, заключенный в семантической структуре исследуемой нами глагольной лексемы, может приобрести смыслозначительную функцию, если он противопоставлен другому признаку, иными словами, если он является членом оппозиции.

В современной лингвистической парадигме представлены разные подходы к оппозиции, существенные для ее определения как полифункционального номинативного механизма. Ограничимся определением главенствующих в лингвистике подходов для выстраивания анализируемых лексем в оппозиции.

Прежде всего следует привести структурно-семантический подход (Т.В. Булыгина, Е. Курилович, Х. Пос, А.А. Уфимцева и др.) [6], [8]. Ведущим при таком подходе является анализ антонимических номинаций, нацеленный на выявление компонента – основы сравнения. «Факты языка, – отмечает В.Г. Гак, – формируют некоторый континуум – цепь постепенных переходов; крайние звенья этой цепи четко различаются между собой, но они связаны зоной постепенных переходов, где невозможно раз и навсегда провести разграничительные линии» [3. С. 16]. Оппозитивные отношения – яркая демонстрация этого положения, поскольку между крайними членами оппозиции всегда существует переходное, нейтральное звено по отношению к смыслам исходной информации.

Второй, не менее важный подход, называемый функционально-семантическим, стал основой выделения типов языковой оппозиции: привативной, один член которой характеризуется наличием, а другой – отсутствием признака; градуальной (ступенчатой), члены которой характеризуются различной степенью одного и того же признака; экви-

полентной (равнозначной), оба члена которой логически равнозначны [7. С. 82]. Этот подход к трактовке оппозиции можно рассматривать как комплексный, включающий достижения системно-структурной и функциональной лингвистики.

Противопоставления, которые могут дифференцировать значения двух слов данного языка, возможно назвать смысловозначительными оппозициями. Каждый член такой оппозиции выступает как смысловозначительная единица. Кроме того, степень различия между понятиями можно определить по тому, насколько они противоположны и есть ли между ними еще элементы, которые могут быть частично противопоставленными с основными понятиями или могут частично с ними совпадать, а потому влиять в целом на смысловой состав оппозиции. Исходя из этого положения, мы выделяем два вида оппозиций: устойчивые и неустойчивые. Устойчивые оппозиции представляют собой противопоставленные между собой по определенному выделенному в шкале оценок признаку глагольные лексемы, когда данное противопоставление заключено имплицитно в семантической структуре исследуемых лексем и не подвергается изменениям под действием как экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов. Неустойчивые оппозиции, являясь оппозициями по определению, под действием некоторых факторов могут смещаться, или полностью видоизменяться.

Оппозиции, их совокупность как специфического вида системных отношений, в которые вступает лексическая единица, играют решающую роль для идентификации, определения этой единицы. Идентификация единицы состоит в установлении тех признаков, которыми отличаются эти единицы одна от другой. Таким образом, оппозиция предполагает разложимость противопоставленных единиц на часть общие (основание для сравнения), часть различные элементы.

В отношении *противоположности* (*контрарности*) находятся объемы таких двух понятий, которые являются видами одного и того же рода, и притом одно из них содержит какие-то признаки, а другое эти признаки не только отрицает, но и заменяет их другими, исключаящими (т. е. противоположными признаками). Итак, контрарными мы будем считать понятия, содержащие предельно противоположные признаки, выделенные в определенной шкале оценок и образующие оппозицию.

Важно также уточнить, что представляет собой применяемая нами при анализе глагольных лексем шкала оценок. Шкала оценок в нашем исследовании – это набор признаков, на основании которых будут со-

поставляться анализируемые лексемы. В качестве смысловой базы при определении шкалы оценок мы используем семы, выделенные нами при анализе семантической структуры входящих в поле 'отношение' лексем на примере глаголов межличностных отношений с положительной и отрицательной окраской этих отношений: *любить, нравиться, уважать, верить; ненавидеть, оскорбить, презирать, недолюбливать*. Остановимся подробнее на характеристике выделенных нами семантических признаков (сем).

В семантической структуре глаголов отношения с положительной и отрицательной окраской, функционирующих в прямом значении, нами выделяется общая категориально-лексическая сема (КС) 'отношение к кому-, чему-либо', которая на лексическом уровне реализуется в таких интегральных семмах (ИС), как 1) 'характер отношений', 2) 'интенсивность отношений', 3) 'направленность отношений', 4) 'сфера выражения отношений', 5) 'качественно-количественная характеристика проявления признака'. Данные интегральные семмы, в свою очередь, могут быть представлены в ряде дифференциальных сем (ДС): 1) 'положительный / отрицательный характер отношений', 2) 'высокая / нейтральная / низкая интенсивность отношений', 3) 'однонаправленность / двунаправленность отношений', 4) 'преимущественно в сфере чувств / преимущественно в сфере действий', 5) 'продолжительная / непродолжительная реализация действия-отношения'; 'постоянная / непостоянная реализация действия-отношения', 'предельная / непредельная реализация действия-отношения'.

Анализ, проведенный в настоящей статье, будет представлять собой исследование глаголов с точки зрения реализации в их семантической структуре обозначенных сем, что в результате позволяет установить наличие отношений контрарности. Различение глагольных единиц нами осуществляется с помощью таких признаков, актуализация которых способствует определению смысловозначительной (дистинктивной) функции и помогает зафиксировать наличие или отсутствие у предмета исследования (в нашем случае – это категория «отношение») каких-либо значимых свойств.

Прежде всего анализ семантической структуры исследуемых глаголов позволяет выявить, опираясь на тексты словарных статей, то первичное, основополагающее различие, которое заложено в семантике данных лексем. Речь идет о реализации ИС 'характер отношений'. Безусловно, очевиден тот факт, что в структуре глаголов *любить, нравиться, уважать* и *верить* эта ИС реализуется ДС 'положительный

характер отношений' и не реализуется ДС 'отрицательный характер отношений'. Напротив, в семантической структуре глаголов *ненавидеть*, *недолюбливать*, *невзлюбить*, *презирать* и *оскорблять* отчетливо реализуется именно ДС 'отрицательный характер отношений'.

Так, если представить шкалу оценок, по которой мы будем определять реализацию контрастности как признака, то первым и самым базовым основанием для сопоставления будет именно реализация данной ИС. Оппозиция в этом случае является устойчивой и выглядит следующим образом:

<i>нравиться</i>	::	<i>недолюбливать</i>
<i>любить</i>		<i>невзлюбить</i>
<i>уважать</i>		<i>ненавидеть</i>
<i>верить</i>		<i>презирать</i>
		<i>оскорблять</i>

Следующей ИС, выделенной нами и позволяющей продемонстрировать направление и методы исследования, является сема 'сфера выражения отношений', реализуемая ДС 'преимущественно в сфере чувств / преимущественно в сфере действий'. Под сферой мы понимаем область, в которой бытует и проявляется отношение: так, отношение как чувство, зародившись под влиянием какого-либо события, факта, может остаться только в душе человека, его переживающего (здесь будет реализоваться ДС 'преимущественно в сфере чувств'), а может каким-либо образом проявляться внешне, будь то поступок, слова, то есть некоторое конкретное материально выраженное действие; и это действие является следствием чувства, в котором заключается отношение, оно несет в себе окраску, положительную либо отрицательную (актуализируется уже ДС 'преимущественно в сфере действий'). Отметим, что выделение данных ДС во многом условно, поскольку чувства всегда могут предполагать и действия, но уже в качестве последствия, или просто сопровождения чувства (может даже содержать окраску чувства: либо положительную, либо отрицательную), это связано со спецификой собственно межличностных отношений, выражаемых рассматриваемыми глагольными лексемами. Но вместе с тем это не является условием обязательным для бытования чувства, только лишь потенция.

Результаты проведенного исследования позволяют распределить глаголы в следующие группы. Сфера чувств характерна преимущественно для глаголов *любить*, *нравиться*, *уважать*, *верить*, *недолюбливать*, *невзлюбить*, *ненавидеть*. Например, «*Любите вы уличное пение?* – об-

ратился вдруг Раскольников к одному, уже немолодому, прохожему, стоявшему рядом с ним у шарманки и имевшему вид фланёра» [Дост. «Прест. и наказ.»]; «А я верю в Константина Гаврилыча. Что-то есть! Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его красочны, ярки» [Чех. «Чайка»]; «Я доброго и честного человека, будь он и лакей, уважаю» [Дост. «Двойник»]; «Ольга Ивановна ревновала Рябовского к картине и ненавидела ее, но из вежливости простаивала перед картиной молча минут пять «...»» [Чех. «Попрыгунья»]; «Никогда Чечулин не переступал порог этого дома и не собирался переступить. Невзлюбил он своего земляка смолоду за удачливость» [В. Попов. «Закипела сталь»]; «Сестры в госпитале часто менялись. Главврач недолюбливал женский персонал» [А. Лебеденко. «Тяжелый дивизион»] – в каждом из приведенных примеров очевидно отсутствие действия, говорится только о наличии чувства.

Сфера действий в свою очередь характерна для глагола *оскорбить*, например, «Очевидно было, что Савельич передо мною прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением» [Пушк. «Капитанская дочка»]. В подавляющем большинстве случаев употребления данного глагола отмечено прямое указание на конкретное материальное действие, посредством которого выражено чувство.

В ряду анализируемых нами глаголов только глагол *презирать* реализует обе выделенные семы: ДС '*преимущественно в сфере действий*' и ДС '*преимущественно в сфере чувств*'. Данная мысль может быть подтверждена конкретным фактическим материалом. Отметим, что в семантической структуре глагола *презирать* наличие обеих этих сем представлено имплицитно, в процессе функционирования глаголов в контексте может актуализироваться только одна из них. На наш взгляд, данная лексема будет являть собой третий, промежуточный вариант оппозиции. В ССРЛЯ находим следующие значения данной словоформы: 1) относиться к кому–, чему–либо с презрением (сфера чувств), например, «Бедняков же презирал всею силою своей лакейски–чистоплотной души» [Чех. «Бабье царство»] – в данном случае говорится лишь о наличии определенного отрицательного чувства в душе человека, что совершенно не обозначает какой–то выраженности в действиях; 2) пренебрегать кем–, чем–либо (сфера действий), например, «Он всех простых людей почему–то называл Пантелеями, а таких как я и Чепраков, презирал и за глаза обзывал пьяницами, скотами, сволочью» [Чех. «Моя жизнь»] – в данном случае мы говорим о реализации ДС '*преимущественно в сфере действий*', поскольку отрицательное отношение до-

полнительно сопровождается действиями (речевая деятельность) «*обзывал пьяницами, скотами, сволочью*», что отражается в контексте.

Базовая оппозиция будет выглядеть следующим образом:

Оппозиция, представленная с учетом промежуточного члена:

недолюбливать :: оскорбить
ненавидеть
верить
нравиться
любить
уважать
невзлюбить

недолюбливать :: оскорбить
ненавидеть
верить
нравиться
любить
уважать
невзлюбить

презирать // презирать

В настоящей статье мы не останавливаемся на рассмотрении остальных возможных оппозиций, поскольку ввиду большого объема материала это должно стать предметом отдельного исследования. Однако отметим, что предпринятая попытка исследования семантической структуры глаголов в аспекте контрарности позволяет представить единицы языка в более упорядоченной системе, объединив их в оппозиции, тем самым ярче проявляются сходства и различия в семантике глагольных единиц. Несмотря на то, что большая зависимость от контекста делает оппозиции в какой-то степени неустойчивыми, подобные сопоставления и противопоставления дают возможность более четко представить семантическую структуру анализируемых глаголов в целом, а также проследить актуализацию выделенных сем.

В основу выстроенных нами оппозиций был положен характер интегральных и дифференциальных семантических признаков, реконструированных в структуре глагольных единиц, а также установленная нами шкала оценок, что позволило определить смысловоразличительную (дистинктивную) функцию анализируемых глаголов.

Совокупность оппозиций, являясь специфического вида системными отношениями, в которые вступает лексическая единица, играет решающую роль для идентификации, определения этой единицы. Идентификация единицы состоит в установлении тех признаков, которыми отличаются эти единицы одна от другой.

Анализ лексем по тем признакам, по которым они могут быть противоположны, позволяет более глубоко и полно рассмотреть данный участок лексической системы языка, а также достаточно четко определить место каждой лексемы, которое она занимает в общей системе. Подобный подход к систематизации лексики дает в целом более широкое и более объективное представление об отдельно взятом фрагменте и о всей языковой системе в целом.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская Энциклопедия, 1966. С. 67.
2. Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. М., 2006.
3. Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М. : Наука, 1998. С. 16.
4. Кузнецова, Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989.
5. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. ; Л., 1948–60.
6. Сусов, И. П. История языкознания. М., 2000.
7. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 82
8. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.
9. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
10. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1983. С. 215.

List of literature

1. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvистических terminov. M. : Sovetskaya Entsiklopediya, 1966. S. 67.
2. Bol'shoy tolkovyj slovar' russkih glagolov. Ideograficheskoe opisanie. M., 2006.
3. Gak, V. G. Yazyk kak forma samovyrasheniya naroda // Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury. M. : Nauka, 1998. S. 16.
4. Kuznetsova, E. V. Leksiko-semanticheckie gruppy russkih glagolov. Irkutsk, 1989.
5. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. M. ; L., 1948–60.
6. Susov, I. P. Istoriya yazykoznaniiya. M., 2000.
7. Trubetskoy, N. S. Osnovy fonologii. M., 1960. S. 82
8. Ufimtseva, A. A. Opyt izucheniya leksiki kak sistemy. M., 1962.
9. Ufimtseva, A. A. Slovo v leksiko-semanticheckoy sisteme yazyka. M., 1968.
10. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M. : Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. S. 215.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «TERRORISM/ТЕРРОРИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

О. В. Атьман, Д. С. Поляков

Целью статьи является описание лингвокультурного концепта «терроризм», который встречается в американском политическом дискурсе. Авторы считают, что ассоциативная составляющая рассматриваемого концепта включает образно-перцептивные и образно-метафорические компоненты, каждый из которых имеет свою собственную вербализацию в дискурсе.

Ключевые слова: концепт «терроризм», лингвокультурология, лексема.

Лингвокультурный концепт представляет собой ментальное многомерное образование, обладает трёхкомпонентной структурой, которая включает понятийную, образную и ценностную составляющие¹, в нашей интерпретации, называемые понятийно-содержательными, ассоциативно-образными и культурно-ценностными составляющими концепта. В статье предпринята попытка описать вербализацию ассоциативно-образной составляющей лингвокультурного концепта “terrorism” в политическом дискурсе США.

Ассоциативно-образные характеристики лингвокультурных концептов наиболее полно раскрываются через их образно-перцептивное и образно-метафорическое осмысление. Образно-перцептивные особенности лингвокультурных концептов проявляются через восприятие субъекта, совершающего какое-либо действие. Номинация субъектов терроризма осуществляется лексемой “terrorist” в сочетании с другими лексемами. Анализ такого рода сочетаний позволил нам выделить ряд дополнительных признаков, которые приписываются носителями американской лингвокультуры субъектам терроризма. Таким образом, нами были выделены следующие признаки: 1) характеристика субъекта терроризма; 2) количество субъектов терроризма; 3) акцентуация степени организованности действий субъек-

тов терроризма; 4) место дислокации субъектов терроризма; 5) характеристика образа действий субъектов терроризма; 6) намерения субъектов терроризма; 7) масштаб действий субъектов терроризма; 8) пособничество субъектам терроризма; 9) инструмент действий субъектов терроризма. Проиллюстрируем выделенные нами признаки на примерах.

Характеристика субъектов терроризма:

Cold-blooded terrorists turned civilian airliners into flying bombs and used them to kill 5,000 innocent people². (Хладнокровные террористы превратили гражданские авиалайнеры в летящие бомбы и с их помощью уничтожили пять тысяч ни в чём неповинных людей).

Указание на количество субъектов терроризма:

Hundreds of terrorists have been arrested, but yet tens of thousands of them are still at large². (Сотни террористов были арестованы, но десятки тысяч из них до сих пор находятся на свободе).

Место дислокации субъектов терроризма:

The enemy is clever, more resourceful, broken down across the world in many, many countries in small cells, doing everything to remain hidden, with a long-time horizon². (Мы имеем дело с «умным» и хорошо оснащённым врагом, который нашел себе укрытия во многих странах мира и делает всё возможное, чтобы оставаться незамеченным как можно дольше).

Масштаб действий субъектов терроризма:

Hezbollah is a threat to the region, just as al-Qaida is a threat to the world². (Хезболла – это угроза всему региону, а Аль-Каида – всему миру).

Деятельность субъектов терроризма направлена на объекты, репрезентируемые различными лексемами. Мы установили, что объекты терроризма обладают следующими дополнительными характеристиками: 1) многочисленность; 2) одушевлённость/неодушевлённость; 3) причинённый моральный и физический вред одушевлённым объектам; 4) причинённый материальный вред неодушевлённым объектам.

Многочисленность объектов террористических действий:

More than five thousand innocent men, women, and children of every race, religion, and ethnicity are lost². (Более 5 тысяч невинных мужчин, женщин и детей разной этнической, расовой принадлежности и вероисповедания были убиты).

Одушевлённость / неодушевлённость объектов террористов.

The murderers of September 11 killed great number of people of all

faiths². (11 сентября террористы-убийцы уничтожили огромное количество людей разного вероисповедания). Our soldiers, working with the Bosnian government, seized terrorists who were plotting to bomb our embassy². (Нашим солдатам, оказывавшим помощь правительству Боснии, удалось схватить террористов, которые планировали бомбить наше посольство).

Итак, мы кратко рассмотрели образно-перцептивные характеристики лингвокультурного концепта “terrorism” и выявили ряд дополнительных признаков, которыми обладают субъекты террористических действий и их объекты. В свою очередь, образно-метафорические характеристики изучаемого нами концепта были установлены на основе анализа метафорического переосмысления исследуемого феномена терроризма и его действующих субъектов. Мы пришли к заключению, что в текстах политических выступлений субъекты терроризма номинируются посредством лексем “enemy” – враг, “killers” – убийцы, “evil men” – злодеи, “murderers” – убийцы. Самой частотной среди этих лексем является лексема “enemy”:

Your enemy is not surrounding your country, your enemy is ruling your country². (Ваш враг не просто окружил вашу страну, ваш враг уже управляет вашей страной).

Нередко субъекты террористических действий метафорически номинируются лексемой “killers”:

Thousands of very skilled and determined military personnel are on the manhunt, going after the remaining killers². (Тысячи опытных и решительных военных вышли на охоту на террористов-убийц). These killers are a serious, continuing danger². (Эти убийцы уже долгое время представляют собой серьёзную опасность).

Американские политики часто номинируют субъектов терроризма сочетанием лексем “evil men”:

Evil men who despise freedom, despise America, and aim to subject millions to their violent rule². (Злодеи, презирающие свободу, презирающие Америку, стремятся подчинить своему насильственному правлению миллионы людей).

Сам феномен терроризма также метафорически переосмысливается в сознании носителей американской лингвокультуры. Мы приведём примеры метафор, объективирующих исследуемое явление терроризма.

Наиболее часто феномен терроризма метафорически эксплицируется в образе «зла» – “evil”:

This is exactly the evil that we are confronting with these terrorists². (Именно с этим злом в образе террористов нам приходится сейчас бороться).

Терроризм может метафорически репрезентироваться лексемой «тирания» – “tyranny”, что подчеркивает его разрушительную и губительную силу:

On one side is democracy, the rule of law, and respect for human life; on the other is tyranny². (На одном полюсе находится демократия, правление закона, уважение к человеческой жизни, на другом – тирания).

Терроризм часто ассоциируется с опасностью. Поэтому одна из наиболее часто встречающихся лексем, метафорически номинирующая терроризм, является лексема «опасность» – “danger”:

We should act together to remove the clear and present danger posed by terrorism and terrorists². (Нам нужно действовать сообща, чтобы избавиться от угрозы, которую представляют собой терроризм и его пособники).

Дальнейшее исследование культурного концепта “terrorism” мы связываем с изучением ряда контрастивных и смежных терроризму концептов (например, «демократия», «свобода», «безопасность», «война», «угроза»).

Примечания

¹ Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

² US political speeches on terrorism. URL: <http://www.historicaldocuments.com/HistoricSpeeches.htm>.

Notes

¹ Karasik, V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.

² US political speeches on terrorism. URL: <http://www.historicaldocuments.com/HistoricSpeeches.htm>.

ЯЗЫК СМИ

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА 'POLITICAL LEADER' В ЖУРНАЛЕ "NEWSWEEK"

Г. Ф. Коваленко

На материале текстов журнала "Newsweek" анализируется концепт 'POLITICAL LEADER', представленный в текстах различными номинантами, включающими концептуальную метафору. В результате анализа выявлено номинативное поле данного концепта и смодулировано его содержание.

Ключевые слова: Концепт, фрейм, слоты, номинативное поле концепта.

В ходе проведенного анализа материала журнала "Newsweek" было выявлено, что концепт 'POLITICAL LEADER' является одним из основных и широко представленных концептов политического дискурса. Концепт является частью определенного ментального пространства, определенной понятийной сферы. «Выделение концептов и их связей позволяет по-новому взглянуть на процесс политической коммуникации, который можно рассматривать как взаимодействие концептуальных систем адресанта и реципиента» [5. С. 72].

Языковые средства, репрезентирующие концепт, мы рассматриваем как номинанты, которые образуют номинативное поле концепта и моделируют содержание исследуемого концепта как ментальной единицы в ее национальном своеобразии [4.].

Целью нашего исследования было построить модель номинативного поля концепта 'POLITICAL LEADER' в интервью с политическими лидерами, напечатанными в журнале "Newsweek". Номинации концепта отражают восприятие того или иного общественно-политического явления в национальном сознании. Функционирование языковых единиц, представляющих концепт в политическом дискурсе, неразрывно связано с реализацией прагматической установки, определяющей эффективность воздействия.

«Содержательный минимум концепта как ментальной репрезентации культурно-значимого феномена в массовом сознании фикси-

руется в первую очередь в словарных толкованиях лексем – имен соответствующих концептов» [1. С. 13]. Так, в подгруппу слов, представляющих концепт *'POLITICAL LEADER'*, входят следующие лексемы: *lead, leader, leadership, political, politics*. Приядерную зону исследуемого концепта формируют наиболее типичные лексико-семантические репрезентации концепта, которые отражают денотативную структуру ситуации, представленной концептом *'POLITICAL LEADER'*: *take part in politics; to be interested in politics; party politicians; political views / affairs / questions; party politics; local / national politics; lead the way*. Языковые номинанты данного концепта также включают поговорку *Is honesty the best policy?* наряду с высказыванием Эйнштейна: *"Politics is much more difficult than physics"*.

Анализ приведенных толкований слов *politics, leader, politician, lead* в купе с поговорками позволяет выявить следующие характерные признаки концепта *'POLITICAL LEADER'*: *activity; interest in national or local affairs; leadership; having political views or plans*. Эмоционально-оценочные коннотации, установленные на основе анализа паремиологического фонда: *to be a political leader – difficult affairs; honesty is not always the best policy*.

Для описания концепта *'POLITICAL LEADER'* мы используем фрейм, который понимается нами как «когнитивная структура в виде пучка категорий для упаковки информации», представленной при помощи словосочетания, как «структура инференций (выводных знаний), которые связаны со значением лексических единиц» [1. С. 15]. Фрейм предназначен для описания стереотипной ситуации и «обладает набором иерархически организованных обязательных и необязательных гнезд» [3. С. 11].

В результате дефиниционного анализа лексических единиц, представляющих исследуемый концепт, было выявлено, что источниками номинаций концепта *'POLITICAL LEADER'* выступают слоты: ДЕЙСТВИЕ (семы *'lead', 'guide', 'encourage', 'rule', 'go', 'show', 'act', 'direct', 'have'*); СУБЪЕКТ – носитель предметно-практической деятельности, источник активности, направленной на объект [6. С. 1286] (*'person'*); ОБЪЕКТ – то, что противостоит субъекту в его предметно-практической деятельности [6. С. 914] (*'state', 'government', 'public affairs', 'politics', 'people'*); СПОСОБ (*'wise, 'sensible conduct', 'honesty', 'cunning', 'trickery', 'knowledge'*).

Разделяя точку зрения В.А. Масловой о том, что «словари – лишь надводная часть айсберга значений», «под водой» остались представ-

ления и ассоциации, связанные со словами, свойственные носителям языка в обыденной жизни [2] мы предприняли попытку выявить, как в современном политическом дискурсе представлены слоты фрейма 'POLITICAL LEADER'.

Статья "The Politics of Blackmail", опубликованная в журнале "Newsweek" в 2007 году, представляет собой текст интервью с Сайфом Кадафи, сыном ливийского правителя, однажды названного «самым опасным человеком мира». Сайф, которому на время интервью исполнилось 35 лет, не занимает официального поста в правительстве, однако уже успел сыграть ключевую роль в укреплении связи Ливии с Западом. В интервью с журналистом речь идет о его роли в переговорах по освобождению палестинцев, обвиняемых в заражении детей ВИЧ инфекцией. Взамен их свободы в результате переговоров Ливия получила миллионы долларов и соглашение о приобретении ядерного реактора. В интервью обсуждается шантаж как возможное средство в деятельности политика, а также перспективы Сайфа возглавить Ливию.

Сам Сайф называет себя "the main negotiator", оценивая свою роль в переговорах с палестинцами: "I was the main negotiator. I laid down the roadmap in order to find an exit from this issue". В данном контексте слот ДЕЙСТВИЕ представлен выражениями *to lay down the roadmap*, *to find the exit* и *seмой negotiator*. Следует отметить, что слот ДЕЙСТВИЕ тесно взаимосвязан со слотом СУБЪЕКТ, который номинирован словосочетанием *main negotiator*. Говоря о своей деятельности, Сайф называет стремление поддержать здравоохранение в стране: "You know, we are talking about hundreds of millions of euros to support the health sector of Libya. And it's not just about the money, but about management and technical support <...> to run hospital with French staff and to link it to the French hospitals". Слот ДЕЙСТВИЕ представлен лексемой *support*, а слот ОБЪЕКТ – словосочетанием *health sector*. Следующим номинантом слота ДЕЙСТВИЕ является "fighting groups similar to Al Qaeda", причем *Al Qaeda* в данном контексте номинирует слот ОБЪЕКТ. Говоря о работе в области внешней политики, политический лидер говорит: "I do business with the rest of the world", где репрезентированы слоты ДЕЙСТВИЕ (*do business*) и ОБЪЕКТ (*the rest of the world*). Среди номинантов слота ОБЪЕКТ выявлены лексические единицы *constitution* и *every Libyan*: "We need a constitution. Because now we don't have a constitution and nothing is well defined. And because nothing is well defined, you open the door for

rumors, speculation, expectations... My new target is to have a constitution ratified by every Libyan".

Анализ слота СУБЪЕКТ показывает, что его содержание представляет личные качества политического лидера. Среди них – *flexibility* (гибкость), о которой сам Сайф говорит, что она должна присутствовать, и ею легче пользоваться тем, кто не входит в правительство: “*Sometimes you work with the government, sometimes not. And this gives you this margin of flexibility, because I’m not an official*”. Себя Сайф называет метафорично *the voice of the nation*, а также *the son of the leader*. Неотъемлемой чертой политического лидера Сайф считает необходимость иметь четкий механизм управления: “*I think the most important thing is to have a transparent and clear political mechanism which shows how to govern, how to cooperate, how to succeed*”. В данном контексте также выявлены номинанты слота ДЕЙСТВИЕ: *to govern, to cooperate, to succeed*.

Следующий компонент фрейма СПОСОБ актуализирован в следующих лексико-синтаксических репрезентациях: *the politics of blackmail; the immoral game; to play this card (blackmail) to advance one’s own interest; to change the rules of the game*, которые употреблены в следующих контекстах: “*What do you say to people who say this was blackmail and it worked? Blackmail? Maybe. It is blackmail, but the Europeans also blackmailed us. Yeah, it’s an immoral game ...Everyone tries to play with this card to advance his own interest back home*”. “*The rules of the game have changed. People whom you fight in the past, now you are signing a military accord with them*”. В контексте имеет место метафоризация (*immoral game, play this card, change the rules of the game*), посредством которой вербализуется понятие *the politics of blackmail*, отражающее слот СПОСОБ. Политика шантажа метафорически представлена как игра в карты. В сознании адресата возникает концептуальная метафора: “*The politics of blackmail is the game of playing cards*”.

Таким образом, статья, посвященная политическому лидеру Ливии, представляет концепт ‘POLITICAL LEADER’. Анализ контекстов позволяет дополнить выделенные на основе словарей характеристики данного концепта следующими чертами: ведение переговоров, способствующих решению важных проблем; борьба с теми, кто мешает нормальной жизни в стране; забота о нации; необходимость успешной деятельности; политический лидер – голос народа; гибкость – главное качество лидера; для достижения целей все средства хороши, включая политику шантажа. При анализе данного

концепта выявлены метафорические ассоциации, политический лидер ассоциирует себя с голосом народа (*voice of the people*), прокладывающим путь к решению проблем (*I laid down the roadmap...*), а политика шантажа – а game, playing cards.

Номинативное поле концепта 'POLITICAL LEADER', представленное в проанализированной статье, составляют языковые единицы, представляющие слоты фрейма: ДЕЙСТВИЕ (*negotiator, lay down the roadmap, find an exit, fighting*), ОБЪЕКТ (*country, health care, every Libyan,*), СУБЪЕКТ (*voice of the nation*), СПОСОБ (*flexibility, blackmail, the game*).

Статья "Back to the Future" – интервью со специальным представителем Генерального секретаря ООН в Ираке, Стефаном Де Мистура [*Newsweek, 2007*]. Расставляя приоритеты своей деятельности, Де Мистура в первую очередь называет обеспечение безопасности народа: "< ...> security is an issue which in Iraq is a priority. If the security situation will allow it, you will see a substantial increase in the country". В данном контексте номинантами слота ДЕЙСТВИЕ являются: *security; a substantial increase*. Следует отметить метафоричную репрезентацию понятия, отражающего слот ДЕЙСТВИЕ: *security – a priority*.

Данный слот взаимосвязан со слотом ОБЪЕКТ, представленным лексической единицей *country*. В следующем контексте слот ОБЪЕКТ номинирован словом *the Iraqis*, а слот ДЕЙСТВИЕ – *progress*. "If we don't see any progress among the Iraqis... - we will have missed a big opportunity". Рассмотрим еще один контекст, в котором представлены слоты ДЕЙСТВИЕ и ОБЪЕКТ: "The third area is the priority of the month, and that is certainly the internally displaced people; if they are returning, we can help in a positive way". Номинантом слота ДЕЙСТВИЕ выступает лексическая единица *to help*, а слот ОБЪЕКТ представлен фразами *displaced people; returning people*. Сам Стефан называет свою деятельность "resulted – oriented".

Слот СУБЪЕКТ представлен в следующих контекстах: "Staffan De Mistura <...> has been a troubleshooter in 19 conflicts worldwide"; "You describe yourself as an "operational diplomat" and say that's what the secretary – general wants here now"; "My first concern was my family: I've been over 36 years covering 19 war zones. My family was hoping I'd keep my promise that this time I would stay home with them for a while". Номинантами слота СУБЪЕКТ являются: *a troubleshooter; an operational diplomat..* Забота о семье представлена метафорически:

family – my first concern. Как видим, в данном интервью появляются такие признаки политического деятеля, как оперативность, умение улаживать конфликты, забота о близких, о своей семье.

Остановимся на номинациях слота СПОСОБ. Стефан сравнивает свою миссию с деятельностью честных брокеров: “*We can contribute as honest brokers*”. Образное сравнение подчеркивает главную черту, необходимую политику в улаживании конфликтов. Политик считает, что его задача – позитивно решать все вопросы: “*We can help in a positive way*”. Отсюда следует, что конструктивность – одно из главных средств деятельности политика, которое должно подкрепляться стремлением реально смотреть на положение дел: “*We have to be realistic*”. Таким образом, номинантами слота СПОСОБ являются: образное сравнение “*honest brokers*”; *positive way*; *be realistic*.

Анализ номинантов концепта ‘POLITICAL LEADER’ в данном тексте интервью показывает, что представитель ООН в Ираке считает основной целью своей деятельности – оказание позитивной помощи народу Ирака, обеспечение их безопасности, помощь возвращающимся беженцам. Важными качествами, которыми должен обладать политик в данной ситуации – честность, оперативность, умение улаживать конфликты и реально смотреть на положение вещей, быть заботливым семьянином.

Итак, мы пришли к выводу, что данный текст интервью с политиком также дает широкое представление о концепте ‘POLITICAL LEADER’, позволяя выявлять дополнительные характеристики исследуемого концепта. Основными номинантами слотов фрейма исследуемого концепта являются: номинанты слота ДЕЙСТВИЕ: *progress*; *increase*; номинант слота ОБЪЕКТ: *people*; номинанты слота СУБЪЕКТ: *troubleshooter*; *operational diplomat*; *family – first concern*; номинанты слота СРЕДСТВА: *be realistic*; *honest brokers*; *help in a positive way*.

Статья “*Obama Plays Offense*” [Newsweek, 2007] – интервью с Бараком Обама во время его предвыборной гонки в США, где речь идет о том, что сделал Обама на посту сенатора штата, о том, какие у него преимущества перед другими кандидатами, о его отношениях с крупными политическими деятелями Соединенных Штатов.

Анализ статьи интервью выявил презентацию слота ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в контексте, где Обама говорит о том, чего он сможет добиться, находясь на посту президента. Акцент сделан на поднятие престижа страны на международной арене, на заботу о здоро-

вье нации, на решение экологических проблем: *"We will have ended the war in Iraq ... as part of a larger process of rebuilding our standing in the world. We will have passed universal health care ... And we will have a bold energy agenda that ... reduces our emission of greenhouse gases while creating a green engine"*. Номинантами слота ДЕЙСТВИЕ являются следующие единицы: *end the war; rebuilding standing in the world; reduce emission of greenhouse gases, universal health care*. В следующем контексте номинантами данного слота являются: *to mobilize the American people; to move forward: "On domestic policy, the critical issue is the ability to mobilize the American people to move forward"*.

Слот ДЕЙСТВИЕ тесно взаимосвязан со слотом ОБЪЕКТ, номинантами которого являются следующие единицы: *the American people, the world, country*. Как мы видим, накануне выборов будущий американский президент готов решимости направить все свои усилия на улучшение жизни американцев и на изменение отношения к ним во всем мире, на улучшение экологии.

Рассмотрим репрезентацию слота СУБЪЕКТ. Какими качествами должен обладать человек, политический лидер, чтобы справиться с решением поставленных задач? Среди своих достоинств Обама называет умение находить общий язык с людьми, с представителями различных партий, наличие необходимых связей и свои организаторские способности: *"But one thing I've shown is, I understand Washington and I've got good relations there". "I can understand people from different walks of life, understand their perspectives, see the best of them without the worst in them and get them to work together". "Instead of thinking ideologically, I think practically about what will get something done"*. Слот СУБЪЕКТ номинирован следующими словами и словосочетаниями: *understand Washington; to get relations; understand people; see the best and the worst in people; can get people work together; think practically*. Метонимический перенос *"understand Washington"* основан на ассоциации, которая служит основанием для репрезентации правительства и политических деятелей, работающих в Вашингтоне.

Обама подчеркивает необходимость привлекать к работе людей, имеющих положительный опыт работы: *"Dick Lugar embodies the best tradition in foreign policy. Chuck Hagel is a smart guy and has shown some courage <... > We've got a lot of disaffected Republicans, some in power, some ordinary citizens, who we can reach"*. Умение сотрудничать со всеми полезными и знающими людьми – важное усло-

вие успеха, считает Обама. Номинантами слота СУБЪЕКТ в данном контексте выступают: а *smart guy; to embody the best tradition; show some courage*. Они дополняют важные характеристики субъекта. Метафора "*Dick Lugar embodies the best tradition*" подчеркивает, что важным качеством, которым должен обладать политик, является следование сложившимся традициям.

Остановимся на слоте СПОСОБ. Как Обама собирается решать все задачи, к каким средствам, тактикам прибегать при их решении? Говоря об окончании войны в Ираке, он упоминает честность: "*We will have ended the war in Iraq in an honorable and strategic way*". Для него немаловажную роль играет и умение пойти на компромисс: "*<...> if [they] come to me with the possibility of compromising...*". Основные номинанты слота СПОСОБ - *compromising; honorable way*.

Вербальные средства описания концепта '*POLITICAL LEADER*' в интервью с Обамой, на наш взгляд, отражают ментальность американцев, а именно, их стремление к лидерству во всем мире, движение вперед, к прогрессу, к улучшению экологии, без чего невозможно дальнейшее проживание и процветание. Понимание людей, умение сплотить их вокруг себя, практичность – эти качества всегда ценились у американских лидеров, также как и умение находить компромисс и честность. Так, еще Джордж Вашингтон, первый президент Соединенных Штатов, отличался стремлением поддержать боевой дух американцев, выступал за отказ от войн, предупреждал об опасности борьбы партий внутри страны. Среди качеств, которыми обладал первый президент, выделяют объективность, честность, трезвость суждений [7.С. 544].

Номинативное поле концепта '*POLITICAL LEADER*' в интервью с Обамой составляют лексемы: *end the war; rebuilding standing in the world, reduce emission of greenhouse gases, universal health care, to mobilize, to move forward* (слот ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ); *universal health care, the American people; the world, country* (слот ОБЪЕКТ); *understand Washington; to get relations, understand people, see the best and the worst in people, can get people work together; think practically, smart guy, embody the best tradition, show some courage* (слот СУБЪЕКТ); *compromising, honorable* (слот СПОСОБ). Как показывает анализ, немаловажную роль в номинативном поле играют метафорический перенос, метонимия, образное сравнение, позволяющие выделять более экспрессивно какой-либо признак концепта.

Проанализированный нами материал позволяет выявить следующие значимые, общие для всех политических лидеров качества: стремление к прогрессу, забота о нации, гибкость, оперативность, трезвость ума. Данное содержание исследуемого концепта смоделировано на основе интерпретации основных номинантов концепта 'POLITICAL LEADER', которые образуют номинативное поле концепта. Номинации слота ДЕЙСТВИЕ: *fight, do business, advance, progress, rebuilding, end the war, health care, move forward*; номинации слота ОБЪЕКТ: *people, nation, ecology, foreign policy, domestic policy, the world*; номинации слота СУБЪЕКТ: *voice of the nation, main negotiator, flexibility, troubleshooter, operational diplomat, helpful, honest, realistic, understand people, think practically, get people work together, smart, show some courage, be realistic*; номинации слота СПОСОБ: *honesty, positive, compromising*. Как показывают результаты исследования, наиболее широко представлены слоты ДЕЙСТВИЕ, ОБЪЕКТ и СУБЪЕКТ, что свидетельствует об их значимости.

Следует отметить, что анализ контекстов политического дискурса позволил выявить тончайшие нюансы концепта 'POLITICAL LEADER'. На наш взгляд, представление концепта в текстах интервью во многом зависит от личности самого лидера, с одной стороны, а с другой стороны - от задач, решаемых автором статьи – высвечивания достоинств того или иного лидера или оценки его деятельности. Значение отмеченных качеств в содержании исследуемого концепта в современном обществе возрастает. Публичная жизнь политических лидеров находится под пристальным вниманием, их деятельности придается большое значение. Политика остается той частью жизни, в которой люди сами делают выбор, но от их выбора зависит жизнь многих людей. Желание стремиться к прогрессу побуждает человека идти за тем, кому можно довериться.

Список литературы

1. Бадеева, Е. Я. Когнитивный анализ метонимических преобразований существительных в тематической группе «Политическая власть и управление государством» / Культурно-языковые контакты : сб. науч. тр. Вып.9. Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 2006. 448 с.

List of literature

1. Badeeva, E. Ya. Kognitivnyj analiz metonimicheskikh preobrazovanij suschestvitel'nyh v tematicheskoj grupe «Politicheskaya vlast' i upravlenie gosudarstvom» / Kul'turno-yazykovye kontakty : sb. nauch. tr. Vyp.9. Vladivostok : izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2006. 448s.

2. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. 3-е изд., испр. М. : Флинта: Наука, 2007. 296 с.
3. Минский, М. Фреймы для представления знаний. М., 1979
4. Попова, З. Д., Семантико-когнитивный анализ языка : моногр. Воронеж : Истоки, 2006.
5. Рожкова, О. Е. Метафорическое представление концептов 'война' и 'терроризм' в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №1.
6. СЭС – Советский энциклопедический словарь. 1986. 1509 с.
7. Томахин, Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь. 3-е изд. М. : Рус.яз., 2001. 576 с.
2. Maslova, V. A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku : ucheb. posobie / V. A. Maslova. 3-e izd., ispr. M. : Flinta: Nauka, 2007. 296 s.
3. Minskiy, M. Freymy dlya predstavleniya znaniy. M., 1979
4. Popova, Z. D., Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka : monogr. Voronezh : Istoki, 2006.
5. Rozhkova, O. E. Metaforicheskoe predstavlenie kontseptov 'voina' i 'terrorizm' v politicheskom diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2008. №1.
6. SES – Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'. 1986. 1509 s.
7. Tomahin, G. D. SShA. Lingvostranovedcheskiy slovar'. 3-e izd. M. : Rus.yaz., 2001. 576 s.

**СМИ ЗНАЧИМЫЙ «АГЕНТ» РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ**

Л. Н. Лубожева

Данная статья представляет СМИ как самый распространенный способ транспортировки терминологической лексики в другие функциональные режимы.

Ключевые слова: СМИ, терминология, общеупотребительная лексика.

Миграция терминов в общеупотребительный язык – процесс масштабный, но не стихийный. Прежде всего, нужно отметить, что путь этой единицы из неспециального поля в общеупотребительный пласт слов ограничен определенными возможностями абсорбции инородной лексической единицы различными функциональными режимами. В данном случае речь идет, во-первых, о наличии непосредственных контактов специальных и неспециальных ситуаций письменного и устного общения; во-вторых, о существовании своеобразных коммуникационных агентов, которые бы исполняли роль проводника терминологической единицы из одной области в другую.

Естественной средой обитания профессиональных слов являются профессионально-деловой и научные стили языка, в рамках которых термину свойственно выполнение специфических функций: номинации научного понятия, концентрирования профессионально-специального знания и функции открытия нового знания [2. С. 24; 4. С. 25; 7. С. 16]. Другие функциональные режимы помогают терминологической лексики проникнуть в общеупотребительный язык.

В настоящее время, средства массовой информации, представляя собой одну из интереснейших ипостасей существования человеческого общения, является ведущим проводником специальных лексем в общеупотребительный узус. Недаром в последнее время СМИ (чаще СМК – средства массовой коммуникации) называют четвертой ветвью власти (после законодательной, судебной и исполнительной) или шестой державой (наравне с Англией, Америкой, Россией, Францией и Германией), что указывает на то, какое место СМИ (или СМК) занимает в жизни современного человека.

Определяя границы общепотребительного языка, в нашем исследовании стиль СМИ (наравне с разговорной речью и языком художественной литературы) отнесен к интересующему нас общепотребительному полю. Таким образом, этот функциональный режим уже относится к областям – реципиентам специальных лексических единиц. Но самым ценным, для нас, является тот факт, что СМИ способен быть не только донором и реципиентом терминологии, но и формировать своеобразный канал ввода специальных единиц из менее открытых для неспециалистов сфер существования терминов в разные варианты общепотребительного языка.

В связи с этим, нам представляется необходимым провести языковой анализ СМИ, которые делятся на: печатные издания; телевизионные программы; радиoproграммы; коммуникация в режиме on-line. Соответственно можно говорить о существовании языка печати, телеязыка, радиоязыка и сетеязыка [6. С. 218]. В каждом типе и подтипе данный функциональный режим обладает своими типичными чертами, однако необходимо выделять общие характеристики медиаязыка, которые сделали СМИ значимым агентом распространения профессиональных единиц из специальных полей: демократизация медиаязыка; информативная насыщенность; личностная приближенность к автору; эпатажность в целях конкурентоспособности, повышения рейтинга [5].

Перечисленные характеристики породили конкурентные языковые проявления современных СМИ: смешение соотношения «стандарт – экспрессия» в сторону «экспрессии»; интертекстуальность («мозаичность») [1. С. 54]: а) на уровне текста («цитатное письмо»); б) на уровне языкового оформления (интерстилевые вкрапления); игровая манера (использование парадоксов, шуточных максимумов, сентенций, грегений, высказываний афористического типа).

Так, С.И. Сметанина по данному поводу заявляет, что «традиционные способы номинации взрываются и вторгаются в не свое понятийно-тематическое поле, поражая свежестью и оригинальностью формы и содержания... Событие, проблема, благодаря вторжению элементов другого письма (функционального режима)... включаются в новую систему отношений».

Роль термина в медиаязыке трудно переоценить. Мигрируя в поле другого функционального режима (в данном случае стиля СМИ), терминологические единицы выполняют следующие функции:

1) Номинативная функция, где терминологемы используются в своем прямом значении для создания интеллектуальной насыщенности текста.

«Because of their frequent job changes and departures from the *workforce*, women accumulate fewer *credits for retirement income*».

(The Times 14/12/2005).

2) Оценочная функция, где оценка явления происходит за счет включения его с помощью специального слова в новую систему отношений, где полнее раскрываются качества объекта или характеристики явления. Оценка носит ярко выраженный авторский характер, так как именно автор выбирает новое тематическое поле, в которое он помещает объект.

«Курильские острова – это *территория-компенсация*, которую мы получили за жертвы войны, развязанной Японией».

(АиФ №1/01/2006).

3) Символическая функция, в которой могут употребляться терминологические единицы, достаточно хорошо популяризированные в общеупотребительном языке и которые представляют собой целостный, генерализированный образ.

«В наше время пользоваться *пластиком* (*пластиковая кредитная карточка*) удобнее и безопаснее».

(Автордио).

4) Функция повышения социальной престижности высказывания присуща профессиональным лексемам, употребленным в русскоязычных СМИ, так как основное проявление этой функции отражается в использовании англоязычного эквивалента национального термина. Это явление связано с лингвистической модой на англицизмы и американизмы, следовательно, данную функцию можно зачислить в индивидуальный арсенал средств русского языка.

«Необходима *продлонгация договора*».

(Из выступления В.В. Путина, КП №191/11/2005).

Основными способами осуществления этих функций являются:

1) использование деспециализированного термина:

«*Профицит* бюджета на следующий год будет выше»

(Парламентский час)

2) использование детерминологизированного термина:

«The high character which the corps has won is in itself *avaluable assets*. »

(Independent 23/01/2006).

3) подкрепление детерминологизированного термина средствами того же терминополья для создания законченной развернутой метафоры:

«There may be a price to pay for such relentless activity? Perhaps ill health, divorce, at least *moral bankruptcy*. »

(The Dallas Morning News 2/02/2006).

4) пародирование, имитация, игра слов:

« ... наши финансы поют романсы »;

(Звезды №12/11/2005).

Таким образом, следует отметить, что специальная терминология, относящаяся к развивающимся областям человеческой деятельности, активно переходит из относительно замкнутых терминологических систем в область общего употребления, где она формирует не только книжные слои, как это было в 19-20 веках (Граудина 1987:65), но и нейтральные и разговорные пласты общеупотребительной лексики. В наше время стремительных преобразований процесс проникновения терминов в неспецтекст происходит именно благодаря СМИ, где средства массовой информации являются полифункциональным инструментом. СМИ выступают в роли «губки», впитывающей профессиональные слова из спецполей, вбирающей их в себя и отдающей их разным функциональным регистрам общелитературного языка. Более того, мы считаем, что данный процесс не стихийен, существует определенный порядок миграции спецлексем. Поэтому нам представляется необходимым подробно рассмотреть этапы освоения терминологических единиц общеупотребительным языком.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика: современный английский язык. М. : Флинта ; Наука, 2002. 383 с.
2. Володина, М. Н. Термин как средство специальной информации. М., 1996. 80с.
3. Граудина, Л. К. Путь термина в литературный язык // Русская речь. 1987. № 5. С. 69–74.
4. Казарина, С. Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар, 1999. 247 с.
5. Колесов, В. В. Язык, стиль, норма. URL : <http://www.gramota.ru/Колесов.htm>

List of literature

1. Arnol'd, I. V. Stilistika: sovremennyy angliyskiy yazyk. M. : Flinta ; Nauka, 2002. 383 s.
2. Volodina, M. N. Termin kak sredstvo spetsial'noy informatsii. M., 1996. 80s.
3. Graudina, L. K. Put' termina v literaturnyj yazyk // Russkaya rech'. 1987. № 5. S. 69–74.
4. Kazarina, S. G. Tipologicheskie harakteristiki otraslevykh terminologiy. Krasnodar, 1999. 247 s.
5. Kolesov, V. V. Yazyk, stil', norma. URL : <http://www.gramota.ru/Kolesov.htm>

6. Костомаров, В. Г. Вкус языковой эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999. 320 с.

7. Лемов, А. В. Система, структура и функционирование научного термина. Саранск, 2000. 191 с.

6. Kostomarov, V. G. *Vkus yazykovoy epohi: Iz nablyudeniyy nad rechevoy praktikoy mass-media.* SPb. : Zlatoust, 1999. 320 s.

7. Lemov, A. V. *Sistema, struktura i funktsionirovanie nauchnogo termina.* Saransk, 2000. 191 s.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В. П. Прынк

Статья анализирует некоторые специфические черты политического дискурса с точки зрения участников коммуникации. Она освещает современные определения политического дискурса. Статья показывает, что особенность толкования политического дискурса заключается в раскрытии политических целей участников, которые определяют выбор языковых средств.

Ключевые слова: политика, дискурс, политический текст, коммуникация.

В связи с активными политическими событиями в современной России и активизацией интереса общества к политическим событиям, происходящим в стране, представляется актуальным проанализировать особенности восприятия политического дискурса. Прежде чем начать рассмотрение данного вопроса, необходимо дать четкое определение понятию дискурса вообще и политического дискурса в частности, поскольку в настоящее время существует огромное количество порой взаимоисключающих друг друга определений данных терминов.

Так, Н.А. Басенко и Т.В.Милевская вслед за французскими структуралистами дают следующее определение дискурса как социального явления, «совокупности речевых практик, присущих определённым социальным группам», а также «совокупность речемыслительных действий коммуникантов, связанную с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением языковой картины мира говорящего адресатом» [1. С. 97].

При этом дискурсные формации «определяют, что можно и что должно быть сказано <...> с определенной позиции в данной ситуации» [7. С. 107]. То есть «ограничения распространяются не только и не столько на используемые языковые средства, сколько на актуализацию определенных понятий, выражающих определенную идеологию» [1. С. 86].

П. Серио считает целесообразным учитывать «системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказы-

ваний в силу определённой социальной или идеологической позиции» при анализе политических текстов [8. С. 26]. Также в своей работе он замечает, что, с одной стороны, «политический текст, переведенный на другой язык, не может не потерять частично свою эффективность, связанную с тем языком, который служит данному тексту опорой», то есть обязательно следует учитывать лингвистические особенности политических выступлений [8. С. 31]. С другой стороны, П.Серио говорит, что «специфические текстовые моменты, внешние для данного текста, играют намного более заметную роль», то есть непременно нужно принимать во внимание политические взгляды коммуникантов [8. С. 25].

Таким образом, при интерпретации дискурса следует учитывать лингвистическую и политическую составляющую – «установления идеологической позиции субъекта высказывания через порождаемый им текст» [1. С. 86]. При этом мы получаем возможность выявить истинную позицию говорящего, а именно, «то, что он хотел сказать, и то, что не хотел (простейший случай – оговорки)...» [3. С. 86].

При трактовке политического дискурса на первое место выходит «выявление связей и взаимоотношений релевантных для отправителя сообщения концептов» [1. С. 87].

Интересным представляется то, что для Мишеля Фуко доминантой является определение отношения говорящего к другим участникам коммуникации и их идеологии, поскольку, несомненно, существует взаимосвязь между идеологическими установками и лингвистическими средствами, посредством которых они выражаются.

И политический дискурс в самом широком смысле может предстать как «область научного познания», «сфера общественной практики», «общение людей по поводу «политики»» [1. С. 86].

Участники политической коммуникации используют различные конструкты в преломлении той идеологии, которую они пытаются донести до слушающего, в то время как адресат высказывания интерпретирует полученную информацию через призму своих политических установок. И даже «при использовании тождественной лексики для вербализации тождественных концептов отправитель сообщения по-разному устанавливает связи и отношения между ними» [1. С. 87].

Особенность трактовки политического дискурса заключается именно в выявлении политических установок адресата и адресанта высказывания, без сомнения, предопределяющих выбор языковых

средств. Основная цель политического дискурса состоит не в передаче данных от коммуниканта к коммуниканту, а в насаждении своих политических взглядов и установок, потому что «политическая речь не просто фиксирует онтологию, сущее - она «представляет» эту онтологию, причем представляет ее в соответствии с целями «завоевания и удержания власти»».[6. С. 18]

Таким образом, все используемые языковые конструкты служат для политико-идеологической мобилизации, воздействия на сознание адресата политического дискурса. Вследствие этого языковые средства, используемые при создании политического дискурса, имеют свои особенности. Во-первых, «основным типом коммуникации в рамках политического дискурса является общение, построенное по схеме «вождь – толпа», то или иное издание выступает при этом в роли коллективного вождя»[2], ведущего агитацию и пропаганду. При этом на первое место выходит не информативная насыщенность текста, а его коннотативность.

Во-вторых, политический дискурс должен быть узнаваем: авторство текста должно быть очевидно. Отсюда ориентация на прецедент, на прежние высказывания, то есть некая ретроспектива и шаблонность. По мнению Д. Гудкова, «в диалоге «вождь - толпа» «вождь» должен говорить то, что хотят, чтобы он говорил, делать то, что ожидается, т.е. не создавать новую информацию, а постоянно транслировать старую, варьируя лишь риторическую модальность и экспрессивные акценты. Успешное построение каких-либо образов возможно лишь в том случае, если они укладываются в рамки национального мифа (и существующих в его границах социальных мифов)» [2], и как следствие - использование в речи «соответствующих слов-сигналов, выступающих как вербальные маркеры этого мифа».

Список литературы

- 1.Басенко Н. А. Политическая свобода: опыт дискурс-анализа // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб., 2004. С. 86–97.
- 2 Гудков, Д. Б. Образ Америки в российских «патриотических» СМИ: на примере анализа текстов газет «Завтра» и «Спецназ

List of literature

- 1.Basenko N. A. Politicheskaya svoboda: opyt diskurs-analiza // Aktual'nye problemy teorii komunikatsii: sb. nauch. tr. SPb., 2004. С. 86–97.
- 2 Gudkov, D. B. Obraz Ameriki v rossiyskih «patrioticheskikh» SMI: na primere analiza tekstov gazet «Zavtra» i «Spetsnaz Rossii». URL

- России». URL : http://www.prof.msu.ru/publ/book6/c63_05.htm
3. Левинтова Е. М. Российская интеллектуальная элита и ее дискурс (1992-2001 гг.) // Электронный журнал «Полемика». Вып. 12.
4. Милевская, Т. В. О понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода // Материалы международного науч.-практ. конф. «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация-2002». Пятигорск, 2002. С.188–190.
5. Милевская, Т. В. Грамматика дискурса. Р-н/Д., 2004.
6. Михальская, А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
7. Пешё, М. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
8. Серию, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- : http://www.prof.msu.ru/publ/book6/c63_05.htm
3. Levintova E. M. Rossiyskaya intellektual'naya elita i ee diskurs (1992-2001 gg.) // Elektronnyj zhurnal «Polemika». Vyp. 12.
4. Milevskaya, T. V. O ponyatii «diskurs» v rusle kommunikativnogo podhoda // Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnyh sotsial'nyh kontekstah «Kommunikatsiya-2002». Pyatigorsk, 2002. S.188–190.
5. Milevskaya, T. V. Grammatika diskursa. R-n/D., 2004.
6. Mihal'skaya, A. K. Russkiy Sokrat. Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike. M., 1996.
7. Peshe, M. Itogi i perspektivy. Po povodu avtomaticheskogo analiza diskursa // Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. M., 1999.
8. Serio, P. Kak chitayut teksty vo Frantsii // Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. M., 1999.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СЛОЖНЫХ И ПРОИЗВОДНО-АФФИКСАЛЬНЫХ СЛОВ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Л. Байдикова

Частотность некоторых компонентов составных слов древнеанглийского языка ставит вопрос об отнесении таких слов либо к сложным, либо к аффиксально-производным. Наличие или отсутствие в языке самостоятельной простой лексемы, совпадающей по форме с компонентом составного слова, само по себе не говорит ни о корневом, ни об аффиксальном характере данного компонента. Статус компонента составного слова определяется степенью его вхождения в понятийное поле лексемы-коррелята.

Ключевые слова: Сложное слово, производное слово, составное слово, понятийное поле.

Словосложение и аффиксация в словообразовательной системе древнеанглийского языка занимают основное место, что объясняет непрерывающийся интерес лингвистов к данной теме исследования. Однако большое количество публикаций и разнообразие подходов не означают, что на все вопросы уже даны окончательные ответы. В частности, во многих случаях граница между словосложением и аффиксацией не отличается четкостью и определенностью. Изучение этой проблемы с точки зрения когнитивных процессов может представлять перспективу нового разрешения старых вопросов.

В качестве особенности сложных слов в древнеанглийском языке можно указать широко распространенную частотность как первых, так и вторых элементов в составе других сложных слов. Например, основа слова *gýð* (война), по подсчетам В. Н. Ярцевой, встречается в качестве первого элемента более чем в тридцати сложных словах [2. С. 44], Р. Ласс приводит около десяти сложных слов с первым элементом *daeg-* (день), причем основа этого слова также часто встречается и в роли второго элемента сложных слов [6. С. 193–194].

В связи с высокой частотностью некоторых элементов сложных слов встает вопрос об их статусе: следует ли рассматривать их как сложные или производные слова, образованные путем аффиксации? Сложное слово остается таковым, если его морфема встречается не только в качестве корневой в производных словах, но и как самостоятельная основа в простых словах, сохраняя с ними общность лексического значения: «При любой частотности употребления элемент сложной основы не обнаруживает тенденции к превращению в морфему аффиксальную, если он сохраняет соотносительность с корневой морфемой, фигурирующей в простых основах других слов, особенно если это слова, имеющую богатую систему формоизменения» [2. С. 44]. Этот критерий позволил В. Н. Ярцевой отнести такие слова, как *æscwiga* («воин с копьем» – воин), *lindwiga* («воин со щитом» – воин) к сложным, так как второй элемент употреблялся в качестве самостоятельного простого слова *wiga* (воин), а *æschora* («копье-сец» – воин) и *hūs-ræden* (хозяйство) – к производно-суффиксальным словам, так как *-bora* и *-ræden* как слова самостоятельно не функционировали, хотя и соотносились с корневыми морфемами слов *beran* (носить) и *gerædan* (приводить в порядок, в определенное состояние).

Однако не следует признавать абсолютным аргумент о том, что если морфема сложного слова не встречается как самостоятельная лексема, то ее нужно считать аффиксом. В каждом случае необходим дополнительный анализ, показывающий, в какой степени компонент составного слова принадлежит понятийному полю однокорневых слов. Вышеуказанный элемент *-ræden* соотносился не только с глаголом *gerædan* (вызывать, влечь за собой, приводить в порядок, в определенное состояние), но и с существительным *ræd* (совет, обсуждение, решение, план, политика, указ, замысел, правление, власть, польза, помощь, удача, осознание, образ жизни, состояние дел), а также с производным от него глаголом *rædan* (советовать, обсуждать, обдумывать, решать, издавать указ, планировать, править, владеть, извлекать пользу, обеспечивать, догадываться, разгадывать, толковать, предвидеть, читать) [8. С. 138]. В ряду родственных слов с корнем *ræd*, в соответствии со словарем Г. Суита, имеется 13 образований с мотивирующим значением «совет, советовать», например: *rædbora* («носитель совета» – советник), *rædsnotor* («мудрый на советы» – мудрый), *rædlic* (рекомендуемый, целесообразный). В трех производных словах корень имеет значение «решение», которое

пересекается со значениями «совет», «помощь»: *rædfæst* («твердый в решениях», «твердый в советах» – разумный), *rædfæstnes* («готовность воспринять совет» – разумность), *rædleas* (беспомощный, неразумный). Три производных слова произошли от основы со значением «предвидеть, предсказывать» (*rædend* – прорицатель) и три – от основы со значением «указ, издавать указ» (*rædung* – декрет). Словарь Дж. Босворта дает для элемента *-ræden*, который выступал в качестве второго компонента составных существительных, два значения: 1) состояние, положение человека или вещи (*gefer-ræden* – «положение компаньона», положение в обществе, *mæg-ræden* – «состояние родства», родство); 2) способ, причина или норма действия (*teon-ræden* – унижение, *teon* – оскорбление, *gecwid-ræden* – согласие, соглашение, *cwide* – речь) [3. С. 282]. Примеры показывают, что морфема *ræd-* в качестве корневой в производных словах и первого компонента в сложных словах используется в одних значениях, а в составе второго компонента слов *-ræden* – в других значениях. Это значит, что в древнеанглийский период уже произошла дифференциация значений корня *ræd-* и морфемы *-ræden*, которая и семантически, и функционально отрывается от понятийного поля словообразовательного ряда с корнем *ræd*. Такое разграничение значений в зависимости от словообразовательной функции позволяет рассматривать элементы *ræd-* и *-ræden* как разностатусные, и, следовательно, образования с *-ræden* – не как сложные, а как аффиксально-производные слова.

Несколько иначе обстоит дело с морфемой *-bora*, которая соотносилась с глаголом *beran* (носить, производить, выносить). Производные от этого глагола (*barn* – «выношенный», ребенок) и сложные слова со вторым компонентом *-bora* проявляют общность значений: *æsc-bora* («копьеносец», воин), *candel-bora* (свещеносец, алтарник), *tacn-bora* (знаменосец), *wæpen-bora* (оруженосец). Поэтому вряд ли можно утверждать, что морфема *-bora* являлась суффиксом, даже несмотря на то, что отсутствовало соответствующее простое слово. Скорее всего, в древнеанглийский период наметилась тенденция к использованию морфемы *-bora* в более общем значении, причем переход на более высокий уровень абстрактности происходил при ее присоединении к абстрактным существительным: *wrōht-bora* («носитель зла», обвинитель), *ræs-bora* («носитель мнений», советник), *mund-bora* («носитель защиты», защитник), *soð-bora* («носитель правды», пророк). Слово *rædbora* («носитель совета» – советник),

которое входит в эту группу, уже упоминалось ранее в связи со статусом морфемы *-ræden*. Первый элемент *ræd-* обозначает абстрактное понятие, но полностью сохраняет семантику слова *ræd*, а второй элемент *-bora* использует переносное значение однокорневого слова *beran*, перемещаясь к периферии его понятийного поля.

В пользу корневого статуса морфемы *-bora* говорит еще один аргумент: в древнеанглийском языке существовал целый ряд композитов, вторые элементы которых не встречались в качестве самостоятельных слов, но соотносились по своей форме с отглагольными именами действующего лица, такими, как *gedrinca* (пьяница) от *drincan* (пить), *ridda* (наездник) от *ridan* (ездить верхом), *hweorfa* (путешественник) от *hweorfan* (передвигаться). Поэтому Д. Кастовски полагает, что существительные *mundbora* («носитель защиты», защитник), *ælmesgifa* («подающий милостыню»), *yrfenuma* («принимающий наследство», наследник), *nihtegale* («ночной певец» – соловей) были получены путем сложения двух субстантивных основ, первая из которых являлась самостоятельной лексемой, а вторая была образована от соответствующего глагола непосредственно в ходе словосложения [5. С. 365]. Такие сложные слова Д. Кастовски называет синтетическими.

Примеры другого рода также показывают, что компоненту сложного слова необязательно функционировать в качестве самостоятельного слова. При анализе морфемы *cyne-* в составе слов *cynegild* (королевская компенсация), *cynestol* (королевский престол, трон, столица), *cynesunn* (королевский род) Д. Кастовски отмечает, что она употребляется только в качестве первого элемента сложных слов, что сближает ее с префиксами. Однако бесспорный статус этой морфемы в качестве корневой в суффиксально-производных словах *cynelic* (королевский), *cynescipe* (королевство) доказывает принадлежность вышеуказанных слов с первым элементом *cyne-* и вторым элементом – другой корневой морфемой – к сложным словам [5. С. 363]. При этом Д. Кастовски считает, что морфема *cyne-* является вариантом морфемы *cyning* [5. С. 357].

Можно посмотреть на структуру сложных слов с первым элементом *cyne-* с другой стороны. Словарь Дж. Босворта [3. С. 85] не приводит отдельного корневого существительного, но фиксирует прилагательное *cyne* (королевский, монарший), что позволяет причислить сложные слова с этим элементом не к словообразовательной модели N + N, как это делает Д. Кастовски, а к модели Adj + N, которая была

также широко распространена в древнеанглийском языке: *cynesettl* (королевский трон), *cynewiddde* («королевский венец» – корона), *cynebænd* (королевская корона, диадема), *cynehelm* («королевский шлем» – корона), *cynegewæd* (королевская мантия), *cynegeard* («королевская трость» – скипетр), *cynestraet* (королевская улица), *cynebot* (королевская компенсация).

Наличие в древнеанглийском прилагательного *cune* может помочь с разрешением проблемы сложных слов с этой морфемой, но не с суффиксальными образованиями. В случае со словом *cynelic* (королевский) наряду со словообразовательной моделью N + *lic* > Adj можно допустить образование его по модели Adj + *lic* > Adj, по которой создавались прилагательные-дуплеты. Дериват *cynescipe* (королевство) также вписывается в две модели N + *scipe* > N, Adj + *scipe* > N, чего нельзя сказать об образовании *cynehād* (королевское правление), которому соответствовала только одна модель N + *hād* > N. Поэтому элемент *cune* в производных и сложных словах является субстантивным корнем, несмотря на существование его в качестве самостоятельного прилагательного.

Этот вывод возвращает нас к вопросу о взаимоотношении морфем *cune* и *cuning*. Мысль о том, что они являются вариантами одной морфемы, подтверждается наличием в древнеанглийском языке синонимичных образований с этими элементами: *cynedom* и *cuningdom* (королевство), *cunerice* и *cuningric* (королевские владения, королевство), *cune sun* и *cuning-cynn* (королевский род), *cynebotl* и *cuninges botl* («королевское жилище» – дворец) [3. С. 85]. От морфемы *cuning* образовано шесть сложных слов и одно производное, а от морфемы *cune* – 18 сложных слов и шесть суффиксальных, что демонстрирует большую продуктивность морфемы *cune*. Опрощение морфемы *cuning* в древнеанглийский период идет не по линии «самостоятельное слово > самостоятельное слово» (она приведет к появлению слова *king* значительно позднее), а в направлении «самостоятельное слово > связанная морфема в составе производных и сложных слов», что говорит о комплексном характере восприятия данного сегмента окружающего мира и его отражения в языке. Все, что было связано с королем и его властью, обозначается другой морфемой, нежели сам король. Возможно, социально-экономические причины играют при этом не последнюю роль. Родоплеменные объединения древних германцев, во главе которых стоял родоначальник, вождь *cuning* (др. верх. нем. *chuning*, др. исл. *konungr*), сменяются раннефеодальными

ми королевствами-княжествами. Король, монарх продолжает именоваться словом *cyning*, однако у него появляются такие атрибуты, которых не было у вождя племени: корона, скипетр, мантия, трон и т.д. Для их обозначения не подходит уже устаревающее *cyning*, и для этой цели язык использует новую морфему *cyne*.

Приведенные примеры сложных слов, в которых первый или второй компоненты не встречаются в виде самостоятельных простых слов в древнеанглийском языке, далеко не исчерпывают всего перечня таких морфем. По подсчетам Л. А. Авдеевой, сплошная выборка сложных существительных из Англо-саксонского словаря Дж. Босворта дает 5500 образований, из которых 718 сложных существительных содержат в своем составе несвободный компонент, который не имеет самостоятельного коррелята [1. С. 120]. При этом Л. А. Авдеева проводит четкое различие между такими структурными элементами сложного слова, как его компонентами и входящими в их состав основами. Флективный характер древнеанглийского языка позволяет несвободному компоненту содержать не только связанную или изолированную, но и свободную основу. Например, первый несвободный компонент сложного слова *nēo-bedd* (ложе умершего) имеет связанную (несвободную) основу, которая встречается только в сопровождении других корневых морфем или словообразовательных аффиксов: *nēo-fugol* (птица, питающаяся падалью), *nēo-sīþ* (уход в небытие, смерть). Второй компонент сложного слова *dæg-Pern* (день целиком, весь день) содержит изолированную (уникальную) основу *-Pern-*, которая ни с чем не соотносится. Компонент *-floga* существительного *lyft-floga* («летающий в воздухе») является несвободным, так как встречается в языке только в составе сложного слова, но основа *-flog-* признается свободной, поскольку ее можно встретить в однокорневом причастии *flogen* в сопровождении словоизменятельного аффикса. [1. С. 124]. Есть такие сложные слова, в которых оба компонента – несвободные, но имеют свободные основы: *dūfe-doppa* (пеликан) от *dūfan* (нырять) и *dyppen* (нырять), *dēor* (глубокий). Наличие флексий и использование чередования гласных в корне не лишали основу ее свободного характера, а, значит, не могли свидетельствовать в пользу ее перехода в разряд аффиксов.

Данные примеры показывают, что отсутствие соотношенности основ компонентов сложного слова с самостоятельными словами само по себе не определяет морфологического статуса этих компонентов и не может автоматически относить их к аффиксам. Кроме

того, словообразовательные механизмы не сводятся к механическому комбинированию имеющихся в языке морфем. Словообразование в древнеанглийском языке задействует не только самостоятельно функционирующие морфемы, но и может подвергать их определенным изменениям в процессе создания нового слова. Такой вид словообразования можно назвать синтетическим или комплексным.

Обратный аргумент о наличии в языке самостоятельного простого слова также не может свидетельствовать о безусловном корневом характере соответствующей морфемы в составе составного слова. Например, морфемы существительных *-dom*, *-hād*, *-lac* и прилагательных *-fæst*, *-ful*, *-leas* еще употреблялись в древнеанглийском языке как самостоятельные слова, но их значение в составе композитов в качестве конечных компонентов становится более абстрактным и общим. Такие морфемы, находящиеся на пути от корневых к аффиксальным, называются полусуффиксами [7. С. 158] или суффиксоидами [5. С. 364].

Самостоятельное слово *dom* имело в древнеанглийском языке значения: «судьба, суд, приговор, суждение, власть, правосудие, декрет, закон, ритуал» [3. С. 90]. Эта морфема как первый элемент вошла в состав ряда сложных слов: *domgeorn* («желающий почета, власти» – благородный, праведный), *dom-boc* (книга, свод законов), *dom-dæg* (судный день), *dom-ern* (здание суда), *dom-fæstnes* (справедливость суда), *dom-hus* (здание суда). В качестве второго элемента сложных слов морфема *-dom* употреблялась в значении «качество, состояние, власть»: *martyrdom* («состояние мученика» – мученичество), *cynedom* («власть короля» – королевство), *freedom* («состояние свободного» – свобода), *wisedom* («состояние мудрого» – мудрость), *haligdom* («состояние святого» – святость). Как видно из примеров, в модели *dom* + N/Adj первый компонент сохраняет общность значений с корневой морфемой *dom*, а значит сама модель признается двусоставным сложным словом. В словах, образованных по модели N/Adj + *dom*, второй компонент уже теряет семантическую связь со своим историческим прототипом: его значение становится более генерализованным и абстрактным, приближаясь к значению суффикса.

По поводу статуса морфемы *-hād* нет единого мнения. Слово *hād* имело значения: человек, вид, форма, пол; привычка, внешний вид, облик; состояние, порядок, степень [3. С. 168], титул, звание, чин, положение, (священное) служение [8. С. 79]. Д. Кастовски склонен считать композиты с этой морфемой в конце слова сложными су-

ществительными, так как в некоторых словах *-hād* сохраняет значение лексемы *hād*: *bisceophad* («состояние, положение, сан епископа» – епископство), *martyrhād* («состояние, положение мученика» – мученичество) [5. С. 363]. Ч. Карр также приводит примеры, в которых рассматриваемой морфеме присуща общность значений с соответствующим словом: *cirichād* (церковный сан), *woruldhād* (светский чин), *hēahhād* (высший, религиозный порядок) [4. С. 364]. В примерах другого рода Ч. Карр признает морфему *-hād* суффиксом: *camphād* («состояние войны» – военные действия), *wīfhād* («состояние женщины»), *cnihthād* («состояние рыцаря» – рыцарство), *mægðhād* («состояние девушки» – девичество, девственность) [4. С. 364]. Такие разногласия, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что морфема *-hād* (как и другие полусуффиксы) в древнеанглийский период в разных словах проявляла разную степень семантической близости к лексеме-прототипу, и процесс ее превращения в суффикс еще только разворачивался.

Вышеизложенные рассуждения позволяют сделать следующие выводы.

1. Высокая частотность определенных морфем в составных древнеанглийских словах не является критерием для определения статуса этих морфем, так как частотность присуща как аффиксам, так и компонентам сложных слов древнеанглийского языка.

2. Отсутствие в языке самостоятельной простой лексемы, соотносящейся по форме с компонентом составного слова, не означает автоматического зачисления этого компонента в разряд аффиксов.

3. Композит, один из компонентов которого не имеет соответствия в виде самостоятельного слова, признается сложным словом при выполнении одного из следующих условий:

– наличие в языке ряда других сложных слов, образованных по той же словообразовательной модели, что и рассматриваемое сложное слово. При этом в модели задействованы смешанные способы словообразования (словосложение и аффиксация);

– существование производных слов, в которых морфема выступает как корневая;

– тождественность морфемы самостоятельному слову при условии, что их значения находятся в пределах одного понятийного поля.

4. Наличие в языке самостоятельного простого слова само по себе не может свидетельствовать о безусловном корневом характере соот-

ветствующей морфемы в составе составного слова. Семантический и функциональный отрыв морфемы от понятийного поля лексемы-коррелята говорит о переходе данной морфемы в разряд аффиксов.

Список литературы

1. Авдеева, Л. А. Опыт структурного анализа сложных существительных: на материале древнеанглийского языка // Проблемы словообразования в английском и немецком языках: межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 1982. С. 119–126.
2. Ярцева, В. Н. Историческая морфология английского языка. М. ; Л., 1960. 196 с.
3. Bosworth, J. A Dictionary of the Anglo-Saxon Language. London : Longman, 1838. 721 p.
4. Carr, C. T. Nominal Compounds in Germanic. London : Oxford University Press, 1939. 497 p.
5. Kastovsky, D. Semantics and Vocabulary // The Cambridge History of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. Vol. I. P. 290–408.
6. Lass, R. Old English: A Historical Linguistic Companion. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 300 p.
7. Marchand, H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation: A Synchronic-diachronic Approach. Alabama : University of Alabama Press, 1966. 379 p.
8. Sweet, H. The Student's Dictionary of Anglo-Saxon. Oxford : Clarendon Press, 1928. 217 p.

List of literature

1. Avdeeva, L. A. Opyt strukturnogo analiza slozhnyh suschestvitel'nyh: na materiale drevneangliyskogo yazyka // Problemy slovoobrazovaniya v angliyskom i nemetskom yazykah: mezhvuz. sb. науч. tr. Smolensk, 1982. S. 119–126.
2. Yartseva, V. N. Istoricheskaya morfologiya angliyskogo yazyka. M. ; L., 1960. 196 s.3. Bosworth, J. A Dictionary of the Anglo-Saxon Language. London : Longman, 1838. 721 p.
4. Carr, C. T. Nominal Compounds in Germanic. London : Oxford University Press, 1939. 497 p.
5. Kastovsky, D. Semantics and Vocabulary // The Cambridge History of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. Vol. I. P. 290–408.
6. Lass, R. Old English: A Historical Linguistic Companion. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 300 p.
7. Marchand, H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation: A Synchronic-diachronic Approach. Alabama : University of Alabama Press, 1966. 379 p.
8. Sweet, H. The Student's Dictionary of Anglo-Saxon. Oxford : Clarendon Press, 1928. 217 p.

**ОМОНИМИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ
И ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

И. С. Губанова

Статья посвящена анализу этимологического состава английской омонимии, а также выявлению основных причин появления омонимов в английском языке. С этимологической точки зрения состав английских омонимов представляется весьма разнородным. Среди главных источников омонимии можно выделить заимствования, фонетические изменения, распад полисемии, конверсия, контракция и словообразовательные процессы.

Ключевые слова: омонимия, этимологический состав, источники омонимии.

Анализ омонимии современного английского языка показывает, что состав английских омонимов с этимологической точки зрения является весьма разнородным. Из 4780 слов-омонимов, полученных методом сплошной выборки, 2167 ед. (45,3%) имеет германское происхождение, 1825 ед. (38,2%) – латино-романское, 287 ед. (6%) – греческое, 88 ед. (1,84%) – кельтское, 26 ед. (0,54%) заимствованы из древних и современных языков п-ова Индостан, 49 ед. (1%) приходится на заимствования из иных языков-источников. Происхождение прочих 338 ед. (7,1%) не известно, поскольку источники лексического материала, использовавшиеся в ходе исследования, не содержат исчерпывающей этимологической информации. Внутри выявленных в ходе этимологического анализа различных по своему происхождению групп лексики омонимы распределяются следующим образом.

Германские языки. Собственно английские омонимы насчитывают 865 ед. (18,1%) от всего состава отобранных для анализа омонимов или 39,9% всех омонимов германского происхождения. Омонимы голландского происхождения составляют, соответственно, 495 ед. (10,4%) или 22,8% всех омонимов германского происхождения. Омонимы, образовавшиеся в результате процессов заимствования из немецкого языка, формируют массив из 492 ед. (10,3%) всех

омонимов или 22,7% от числа омонимов германского происхождения. Древнесеверный (древнескандинавский) язык послужил основой для возникновения 201 ед. (4,2%) от общего количества омонимов или 9,3% омонимов германского происхождения. Доля прочих германских языков в образовании омонимичной лексики составляет 114 ед. (2,4%) от всего состава отобранных омонимов или 5,3% омонимов германского происхождения.

Романские языки. Непосредственно из французского языка в английский язык вошло 479 ед. (10%) от общего количества анализируемых омонимов или 26,24% всех омонимов романского происхождения. При подсчете омонимичной лексики, образованной благодаря заимствованиям из латыни, аналогичные показатели составляют, соответственно, 449 ед. (9,4%) и 24,6%, из итальянского языка 24 ед. (0,5%) и 1,3%, из испанского языка 48 ед. (1 %) и 2,6 %.

Греческий язык. Из греческого языка в английский вокабуляр было заимствовано 287 (6%) омонимов, причем доля прямых заимствований составила 96 ед. (2%).

Непрямые заимствования. Отдельные расчеты были произведены относительно количества заимствованной в английский язык омонимичной лексики, которая вошла в язык-реципиент не напрямую, а через язык-посредник. Из *латыни* при посредничестве французского языка в лексический состав английского языка вошли 801 ед. (16,8%) и 43,9%, соответственно, при посредничестве итальянского языка 11 ед. (1,2%) и 0,6%, из прочих романских языков 13 ед. (0,3%) и 0,7%, соответственно. Из *греческого* языка опосредованно через латынь в английский лексический состав вошло 96 ед. (2%) омонимичной лексики, через латинский и французский языки 18 ед. (0,4%), через французский 16 ед. (0,3%).

Маргинальные группы заимствований. Незначительную группу омонимов составили слова, пришедшие в английский язык из древних и современных языков Индостана (хинди, непали, санскрит и др.) – 26 ед. (0,54%), из кельтских языков – 88 ед. (1,84%).

Прочие омонимы английский язык воспринял из персидского – 2 ед. (0,04%), русского – 1 ед. (0,02%), чешского – 2 ед. (0,04%), венгерского – 5 ед. (0,1%), финского – 2 ед. (0,04%), турецкого – 1 ед. (0,2%), японского – 4 ед. (0,1%), арабского – 14 ед. (0,3%), древнееврейского – 2 ед. (0,04%), китайского – 2 ед. (0,04%), тайского – 3 ед. (0,1%), вьетнамского – 1 ед. (0,02%), малагасийского – 1 ед. (0,02%), малайского – 4 ед. (0,1%), австралийского – 5 ед. (0,1%).

Разнородный по этимологическому признаку состав омонимики современного английского языка объясняется тем обстоятельством, что большое количество слов-омонимов в английском языке возникло именно в результате процессов лексического заимствования из других языков. Так, в исследуемом корпусе примеров доля заимствований из разных языков составляет 1470 ед. (30,7%).

В развитии омонимики английского языка, как следует из полученных результатов, большую роль сыграли прямые заимствования из латыни, а также прямые и опосредованные заимствования из французского языка.

Заимствование латинской лексики в английский язык связано, главным образом, с тремя событиями в истории английского народа: римским господством (с I по V в. н.э.), введением христианства в Англии (VI – VII вв.) и дальнейшим развитием культуры в эпоху Возрождения (XV – XVI вв.). **В результате заимствований из латинского языка в английский язык появились такие омонимы, как *dual* [dʒHqɫ] ‘consisting of two parts, elements, or aspects’ – *duel* [dʒHqɫ] ‘a prearranged contest with deadly weapons between two people in order to settle a point of honour’ и др.**

Влияние французского языка на английский было особенно сильным в период французского господства в стране (XI – XV вв.), когда национальный английский язык находился на стадии своего становления. Норманнское вторжение в Англию в 1066 г. положило начало распространению французского языка, остававшегося в течение длительного периода государственным языком Англии. Некоторое количество лексики было заимствовано позднее, после реставрации династии Стюартов (XVII в.) и под влиянием французской буржуазной революции 1789 г. В ходе заимствований из французского языка в английский язык вошли, к примеру, такие омонимы, как *bisque* [blsk] ‘a rich shellfish soup, typically made from lobster’ – *bisque* [blsk] ‘an extra turn or stroke allowed to a weaker player in croquet’ и др.

Образование омонимов в ходе заимствования может происходить двумя путями. В первом случае исконные и заимствованные слова совпадают по звучанию в результате постепенной ассимиляции (например, *fret* (v) (OE. *fretan*) ‘be constantly or visibly anxious’ – *fret* (v) (from OF. *freter*) ‘decorate with fretwork’). **Во-вторых, два заимствованных слова могут совпасть в звучании (например, *faint* (adj) (from OF. *faint*) ‘(of a sight, smell, or sound) barely perceptible’ – *feint* (n) (from F. *feinte*) ‘a deceptive or pretended blow, or other movement, especially in boxing or fencing’).**

Фонетическая структура заимствуемого слова обычно претерпевает изменения в соответствии с произносительными нормами заимствующего языка и существующими в этом языке правилами сочетания звуков. Ассимилированная форма может и не быть тождественной ни одной из уже имеющихся форм, но может случайно совпасть по звучанию с каким-либо словом языка-реципиента, как это, к примеру, произошло с заимствованным из французского в XVII в. словом *ball* 'a formal social gathering for dancing' с имевшимся уже в языке словом *ball* 'a solid or hollow spherical or egg-shaped object that is kicked, thrown, or hit in a game' скандинавского происхождения. В этом случае в языке возникает новая омонимическая пара.

В ходе работы было установлено, что из 4780 исследуемых омонимов 1370 (28,7%) единиц возникло морфологическим способом в результате слияния форм имени и глагола и по конверсии. Например, такие пары омонимов, как *sup* (v) (OE. *sūpan*) 'take (drink or liquid food) by sips or spoonfuls' – *sup* (n) (OF. *sūpa*) 'a sip of liquid', *tap* (n) (OF. *tæppa*) 'a device by which a flow of liquid or gas from a pipe or container can be controlled' – *tap* (v) (OE. *tæppian*) 'draw liquid through the tap or spout of (a cask, barrel or other container)' и др. являются примерами слияния форм имени и глагола в результате редукции флексий. С помощью конверсии в английском языке появились, например, следующие пары омонимов: *team* (n) 'a group of players forming one side in a competitive game or sport' – *team* (v) 'come together as a team to achieve a common goal', *clap* (v) 'strike the palms of (one's hands) together repeatedly, typically in order to applaud someone or something' – *clap* (n) 'an act of striking together the palms of the hands'.

Среди факторов, способствовавших возникновению омонимов в английском языке, значительное место занимают фонетические изменения, обусловившие совпадение по звучанию огромного числа слов. Из проанализированных примеров 931 ед. (19,5%) возникли в результате фонетических изменений.

Еще в конце древнеанглийского периода началось всеобщее ослабление гласных звуков, стоявших в конце слова в безударной позиции, в результате чего *-a*, *-e*, *-u*, *-o* совпали в *-e*, которое затем ослабело и перешло в редуцированный безударный *-ə*, а в начале XV в. происходит процесс окончательного отпадения в послеударных слогах конечного *-e* [-ə].

В результате этого фонетического изменения, оказавшего большое влияние на всю фонетико-морфологическую структуру англий-

ского языка, стали созвучными многие ранее различные слова, как, например:

- ОЕ. *sunu* ‘a boy or man in relation to either or both of his parents’ – *sunne* ‘the star round which the earth orbits’ > *son* – [sAn] – *sun* (упрощение согласных в слове *sunne* также способствовало этому совпадению);

- ОЕ. *ēare* ‘the organ of hearing and balance in humans and other vertebrates, especially the external part of this’ и *ēar* ‘the seed-bearing head or spike of a cereal plant’ > *ear* – [Iq] – *ear* (древнеанглийский дифтонг [ea:] стянулся в монофтонг [e:] в раннесреднеанглийский период, а в начале ранненоанглийского периода под влиянием «Великого сдвига гласных» [e:] > [J]. В дальнейшем произошла вокализация сонанта [r] и его переход в [q] с последующим образованием дифтонга [Iq]).

В конце среднеанглийского периода (XV в.) совпали дифтонг *ai* и *ei* в едином [el] [2. С. 129], вследствие чего становятся омонимичными такие слова, как, например, *vain* ‘having or showing an excessively high opinion of one’s appearance, abilities, or worth’ – *vein* ‘any of the tubes forming part of the blood circulation system of the body, carrying mainly oxygen-depleted blood towards the heart’.

В конце XVI – первой половине XVIII в. происходит значительное изменение звуковой системы английского языка – так называемый «Великий сдвиг гласных», характерная особенность которого состоит в сужении долгих гласных звуков и дифтонгизации самых узких из них [1. С. 45].

Среднеанглийское долгое [R] переходит в ранненоанглийский период в дифтонг [el], благодаря чему появляется большое количество омонимичных слов. Например, *sale* [sell] ‘the exchange of a commodity for money; the action of selling something’ – *sail* [sell] ‘a piece of material extended on a mast to catch the wind and propel a boat or ship or other vessel’ и др.

Вследствие совпадения в долгом [J] среднеанглийских долгих гласных звуков – закрытого [F:] и открытого [e:] [2. С. 132 - 133], также появляется большое число омонимичных пар, как, например, *weak* [wJk] ‘lacking the power to perform physically demanding tasks; having little physical strength or energy’ – *week* [wJk] ‘a period of seven days’ и др.

Из ряда других фонетических изменений, последовавших после «Великого сдвига гласных», можно отметить отпадение звука [k] в начальном положении перед *-n*, что привело в середине XVII в. к

совпадению таких слов, как *knave* [nelv] ‘a dishonest or unscrupulous man’ – *nave* [nelv] ‘the central part of a church building, intended to accommodate most of the congregation’ и др.

Далее, в конце XVII в. происходит упрощение инициального сочетания *wr-* [wr] в [r], что приводит к появлению большого числа омонимических пар, например, *wrap* [rxp] ‘cover or enclose in paper or soft material’ - *rap* [rxp] ‘strike (a hard surface) with a series of rapid audible blows, especially in order to attract attention’ и др.

В начале XVII в. происходит вокализация и исчезновение звука [r] перед согласными и в конце слов [1. С. 49 - 50], вследствие чего совпали такие пары слов, как *lord* [lLd] ‘a man of noble rank or high office; a nobleman’ - *laud* [lLd] ‘praise’.

Во второй половине XVIII в. инициальное глухое *wh* [wh] озвончается в [w], что приводит к совпадению некоторого числа слов, например: *whale* [well] ‘a very large marine mammal with a streamlined hairless body, a horizontal tail fin, and a blowhole on top of the head for breathing’ – *wail* [well] ‘a prolonged high-pitched cry of pain, grief, or anger’ и др.

Во второй половине XVIII в. начальное *h-* перестает произноситься в положении перед гласными, что приводит к звуковому совпадению большого числа весьма употребительных слов, например: *heir* [eq] ‘a person legally entitled to the property or rank of another on that person’s death’ – *air* [eq] ‘the invisible gaseous substance surrounding the earth, a mixture mainly of oxygen and nitrogen’.

К середине XX в. наметилась определенная тенденция к стяжению дифтонга [Oq] в [L], в связи с чем совпали в своем звучании такие слова, как *paw* [pL] ‘an animal’s foot having claws and pads’ – *pore* [pL] ‘a minute opening in a surface, especially the skin or integument of an organism, through which gases, liquids, or microscopic particles may pass’ – *pour* [pL] ‘flow rapidly in a steady stream’ и др.

В ходе исследования было установлено, что в основе появления 136 (2,8%) омонимов лежат изменения семантического характера, поскольку эта группа омонимов возникла вследствие распада полисемии в различные периоды развития языка. Данный фактор способствовал появлению таких омонимов, как *frog* [frPg] ‘a tailless amphibian with a short squat body, moist smooth skin, and very long hind legs for leaping’ – *frog* [frPg] ‘a thing used to hold or fasten something’ - *frog* [frPg] ‘an elastic horny pad growing in the sole of a horse’s hoof, helping to absorb the shock when the hoof hits the ground’ и др.

В ряде случаев омонимы, возникшие в результате распада значений многозначного слова, дифференцировались по написанию, что свидетельствовало об окончательном расщеплении некогда однозначного слова на омонимы. Например, **заимствованное в раннесреднеанглийский период из французского слово *flower*** ‘the seed-bearing part of a plant, consisting of reproductive organs (stamens and carpels) that are typically surrounded by a brightly coloured corolla (petals) and a green calyx (sepals)’ **очень рано приобрело ряд других значений, среди которых выделялось** ‘the state or period in which a plant’s flowers have developed and opened’ **и в переносном смысле ‘the finest individuals out of a number of people or things’, а во второй половине XVII в.** ‘a powder obtained by grinding grain, typically wheat, and used to make bread, cakes, and pastry’. Для последнего значения было введено написание *flour*. Дифференциация в написании окончательно была закреплена во второй половине XVIII в.

В случае, когда членами одной омонимической пары оказываются слова с различным написанием, это способствует различению, дифференциации этих слов в сознании говорящих и слушающих.

По данным проведенного исследования 317 (6,6%) омонимов возникло в результате к о н т р а к ц и и . При этом появлению омонимов способствовали разные по своей структуре сокращения. Во-первых, сокращение слова **привело к омонимии со старым, чаще односложным, словом**, например: *fan* (abbreviation of *fanatic*) ‘a person who has a strong interest or admiration for a particular sport, art form, or famous person’ – *fan* ‘an apparatus with rotating blades that creates a current of air for cooling or ventilation’.

Во-вторых, **сокращение одного слова привело к омонимии с другим, также сокращенным словом**, например: *spec* (abbreviation of *speculation*) ‘in the hope of success but without any specific plan or instructions’ – *spec* (shortening of *specification*).

В-третьих, сокращения из начальных букв основных слов одного словосочетания **стали омонимичными с сокращениями из начальных букв основных слов другого словосочетания**, например: *RIP* (abbreviation for *rest in peace* used on graves) – *RIP* (abbreviation for *a raster image processor*).

Возникновению 209 (4,4%) омонимов способствовали различные процессы в сфере с л о в о о б р а з о в а н и я с применением тех или иных словообразовательных средств. Омонимы могут быть образованы от омонимичных основ суффиксальным способом, с помощью

одного и того же суффикса, например, прилагательное *rakish* ‘having or displaying a dashing, jaunty, or slightly disreputable quality or appearance’ образовано от основы существительного *rake*₁ + суффикс *-ish* и прилагательное *rakish* в значении ‘(especially of a boat or car) smart and fast-looking, with streamlined angles and curves’ образовано от основы *rake*₂ + суффикс *-ish*. Однако иногда слово, получившееся в результате словопроизводства, становится омонимичным другому слову с непроемной основой, как, например, в случае с существительным *rafter* ‘a person who travels on a raft’, образованным от основы *raft* + *-er*, которое стало омонимом по отношению к непроемному существительному *rafter* ‘a beam forming part of the internal framework of a roof’.

9 (0,2%) слов-омонимов возникли в результате сложения основ, например: *airhead* ‘a base close to the area of active operations where supplies and troops can be received and evacuated by air’ – *airhead* ‘a silly or foolish person’.

На основании количественных подсчетов и анализа языковых процессов в лексической сфере можно сделать вывод о том, что омонимика современного английского языка с точки зрения ее возникновения оказывается весьма разнородной по своим источникам и причинам. К последним можно отнести следующие.

1. Первой причиной появления омонимов в английском языке становится формальное совпадение различных по своему происхождению слов в силу изменений исторического характера, к примеру, в результате процессов заимствования. Анализ показывает, что омонимы могут быть представлены словами из языков германской, романской, кельтской, греческой, индийской, славянской и других языковых групп. Такие омонимы в лингвистической литературе принято называть этимологическими [3. С. 214].

2. В качестве второй причины, способствующей возникновению омонимов, но не приводящей к изменениям в морфологическом и фонетическом составе слов, можно назвать такой морфологический способ словообразования, как конверсия, начало распространения которой в английском языке традиционно относят к среднеанглийскому периоду.

3. Третьей причиной появления омонимов становятся изменения в графическом и фонетическом облике слов, фиксируемые практически на всех этапах развития английского языка.

4. Четвертая причина возникновения омонимов в английском языке обусловлена действием процессов словообразовательного харак-

тера, в ходе которых используются различные словообразовательные средства, приводящие к изменениям в морфологическом составе исследуемых слов. Данный фактор предопределил появление в английском языке в различные исторические периоды его существования целого ряда словообразовательных омонимов.

5. Пятая причина возникновения омонимов связана с изменениями в семантике слов и представляет собой распад полисемии, т.е. утрату смысловой связи между значениями прежнего многозначного слова и их обособление в английском языке в самостоятельные слова-омонимы.

Перечисленные выше причины омонимии регистрируются в ходе всей истории английского языка и способствуют появлению омонимов как по отдельности, так и в комбинаторике.

Список литературы

1. Иванов, А. В. История английского языка. Архангельск, 2007.
2. Иванова, И. П. Практикум по истории английского языка. СПб., 2005.
3. Новиков, Л.А. Омонимия // Современный русский язык. СПб., 1999.
4. Soanes, C. Oxford Dictionary of English. Oxford, 2006.
5. Skeat, W. Concise Dictionary of English Etymology. London, 2007.

List of literature

1. Ivanov, A. V. Istoriya angliyskogo yazyka. Arhangel'sk, 2007.
2. Ivanova, I. P. Praktikum po istorii angliyskogo yazyka. SPb., 2005.
3. Novikov, L.A. Omonimiya // Sovremennyj russkiy yazyk. SPb., 1999.
4. Soanes, C. Oxford Dictionary of English. Oxford, 2006.
5. Skeat, W. Concise Dictionary of English Etymology. London, 2007.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК КВАЛИТАТИВНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ОБОБЩЕННОГО СУБЪЕКТА
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹**

Ю. И. Линькова

В статье рассматривается фрейм «деятельность субъекта как выражение характера» на материале фразеологизмов русского и английского языков. Фрейм «деятельность» включает в себя субфреймы: речевая деятельность, социальная деятельность, интеллектуальная деятельность, представленные слотами, репрезентирующими различные черты характера человека.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, фрейм, субфрейм, фразеологическая единица, концептосфера, семантическая структура.

На фоне возрастающего интереса к роли субъективного (человеческого) фактора в языке начинают все отчетливее вырисовываться контуры эгоцентрической теории языка с центральным для нее понятием *я*. В основе этой теории лежат такие функциональные аспекты языковых форм, которые ориентированы на субъекта речи. Точкой отсчета является не просто какой-то абстрактный человек, а его индивидуальное *я*. Мир предстает как объект восприятия, как среда пребывания этого *я*.

В современный период развития языкознания актуальными и востребованными можно считать исследования, направленные на изучение концептосферы человека как представителя определенной лингвокультуры в разнообразных ее проявлениях. В состав языковых средств, наиболее ярко репрезентирующих концептосферу «человек», можно включить фразеологизмы, выражающие различные виды деятельности обобщенного субъекта. Деятельность – это один из процессуальных признаков мира предметов, выделяемый наряду с состоянием и отношением. Содержанием деятельности являются процессы, осознанно, целенаправленно осуществляемые активным

¹ Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013» (Госконтркт № 02.740.11.0367)

субъектом – человеком. Деятельность можно считать качественной характеристикой обобщенного субъекта, поскольку во фразеологизмах находит отражение прежде всего опыт познания субъектом окружающего мира, а, следовательно, его активность. Характеристика выражения категории деятельности в языке позволяет выявить особенности менталитета носителя языка, его характер, отношения между ним и окружающими.

Носители разных языков и культур неоднозначно видят и структурируют окружающую действительность. В связи с этим актуальным в рамках проблемы отражения национально-культурной специфики в семантике языковых единиц является сопоставительное исследование базовой категории деятельности на материале русского и английского языков.

В работе мы используем фреймовый подход. Важным для нашего исследования является то обстоятельство, что фреймовый подход позволяет глубоко вскрыть семантику категории «деятельность человека»; фреймовый анализ оказывается более экономным и дает возможность комплексно подойти к анализу языковых фактов, что не всегда удается при использовании традиционных и структурных методов. Как отмечает Н.Н. Болдырев, метод фреймового анализа «позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации» [1. С. 33].

Исходя из того, что категория «деятельность человека», репрезентирующая его характер, многоаспектно отражена в языке, мы считаем, что она имеет фреймовую структуру, представляющую собой определенную иерархию субфреймов и слотов. В процессе анализа фактического материала мы выстраиваем фрейм «деятельность субъекта как выражение характера». Фрейм *деятельность* включает в себя субфреймы: *речевая деятельность, социальная деятельность, интеллектуальная деятельность*, представленные слотами, репрезентирующими различные черты характера. Каждая из выделенных черт характера описывается с точки зрения параметров, находящихся отражение в семантике фразеологических единиц.

Как известно, в семантике фразеологизмов любого языка находят отражение национально-культурные особенности носителя этого языка. С целью их выявления фреймовый подход дополняется методом компонентного анализа. Нами реконструирована обобщенная

семантическая структура фразеологизмов, выражающих различные черты характера. В процессе анализа фактического материала мы исходим из положения о том, что значение фразеологизма представляет собой такую же структуру минимальных единиц значения – сем, что и слово. Однако семантика фразеологизма в силу его многокомпонентности в значительно большей степени, чем семантика отдельного слова, передает специфику самых различных ценностных ориентаций определенного социума.

В структуре выстроенного фрейма наиболее репрезентативным является субфрейм «речевая деятельность». В статье остановимся на его характеристике. Как известно, в контексте речепроизводства выражается характер человека. Актуальной становится не собственно речь, происходит переосмысление, в результате которого через речь характеризуется поведение и характер человека. Благодаря речевой деятельности субъекта актуализируются черты характера, свойственные человеку в той или иной ситуации. В субфрейме «речевая деятельность» нами выделены следующие слоты: *болтливость; заботливость, великодушие; честность, открытость; лень, бездеятельность; вспыльчивость, склонность к агрессии; хитрость, лукавство; молчаливость.*

Мнение, позиция, отношение человека к чему-либо, как правило, эксплицируется через речь, соответственно, именно благодаря речи проявляется человек, его характер.

Каждый из слотов репрезентирует определенную черту характера. Наиболее многочисленным по наполняемости является слот *болтливость*, в нем представлены следующие фразеологические единицы: *Язык хорошо подвешен – to have a glib tongue, перемывать косточки – to tear smb. to pieces, кричать на всех перекрестках – to shout from the house-tops, переливать из пустого в порожнее – to chew the fat, метать бисер перед свиньями – to cast pearls before swine.* В рамках фреймовой модели для более глубокого анализа особенностей русских и английских фразеологизмов нами используется компонентный анализ данных единиц. Реконструируя семантическую структуру фразеологизма, мы анализируем, каким образом в ней реализуется следующий ряд интегральных сем (ИС): ‘характер субъекта’, ‘характер объекта’, ‘характер участника коммуникации’, ‘характер речевой деятельности’, ‘цель осуществления речевой деятельности’, ‘интенсивность процесса речевой деятельности’. В качестве релевантной для русских и английских фразеологизмов вы-

ступает сема 'интенсивность процесса речевой деятельности'. Все интегральные и реализующие их дифференциальные семантические признаки образуют иерархию, отображающую и неодносторонне оценивающую вполне определенный фрагмент действительности.

Характер субъекта в семантической структуре данных фразеологизмов как в русском, так и в английском языках выражен как одушевленный, активный и конкретный. Главным отличительным признаком субъекта является его активность, так как именно он является инициатором речевого акта.

Рассмотрим реализацию интегральных сем в семантической структуре русских и английских фразеологизмов подробнее. Характер объекта у рассматриваемых фразеологических единиц, как правило, неодушевленный, абстрактный, пассивный. Данная интегральная сема может нейтрализовываться ввиду отсутствия объекта. Соответственно от того, есть ли направленность на объект или она отсутствует, по-разному реализуется ИС 'характер речевой деятельности', реализующаяся в ДП 'целенаправленность / нецеленаправленность'.

Интегральный признак 'характер речевой деятельности' в семантической структуре фразеологизмов может быть представлен разными ДП: 'сообщение' в фразеологизмах *надуть уши*, *лить воду*, *нести окопелесу*, *перемывать косточки*; 'воздействие' – *заговаривать зубы*, *распускать горло*, *кричать на всех перекрестках*.

Актуальной для фразеологизмов, репрезентирующих речевую деятельность, становится ИС 'интенсивность процесса речевой деятельности'. Так, во фразеологизмах *кричать на всех перекрестках* (ФСМ, 172) – *to shout from the house – tops* (РА, 132), *распускать горло* (ФСМ, 385) – *begin to scream* (РА, 234) данная ИС реализуется в ДП 'высокая'. Реализации данной интегральной семы именно в ДП 'высокая' во фразеологизме *кричать на всех перекрестках* способствует не только значение глагола *кричать*, но также и множественность участников, которым «во всеуслышание говорят о чем-либо». Для большинства фразеологических единиц анализируемого слота ИС 'интенсивность процесса речевой деятельности' реализуется в ДП 'нейтральная', так как в основном для речи характерна равномерность протекания действия.

В семантической структуре фразеологизма в русском и английском языках можно отметить некоторое совпадение ядерных глаголов (*кричать* и *shout*). Глаголы *кричать* и *shout* оба называют дей-

стве, осуществляемое постоянно в какой-то промежуток времени. Уточнители в данных фразеологизмах помогают понять разницу: лексема *перекрестки* обозначает «место пересечения дорог и улиц», в то время как лексема *house – top* буквально переводится *крыша*, это сужает пространственные границы, артикль *the* конкретизирует место. Следует отметить, что в основу английских фразеологизмов положены более конкретные образы и понятия, чем в основу русских, где мы наблюдаем абстрактность (данная закономерность прослеживается и в процессе анализа других фразеологизмов).

В семантической структуре английского фразеологического оборота реализуются те же семы, что и в русском варианте.

Слоту *болтливость* противопоставлен слот *молчаливость*. В нем представлены следующие фразеологизмы: *язык проглотить, набрать в рот воды, закусить губу, держать язык за зубами, молчать в тряпочку*.

В данном слоте, репрезентирующим такую черту характера, как молчаливость, ее обусловленность может быть разной. Зачастую молчаливость обусловлена либо замкнутостью самого субъекта речи, либо определенными целями, которые он преследует и реализует через молчание, что оказывает влияние на его собеседника.

В семантической структуре фразеологизмов реализуется следующий ряд интегральных сем: ‘характер субъекта’, ‘характер объекта’, ‘характер участника коммуникации’, ‘характер речевой деятельности’, ‘цель осуществления речевой деятельности’, ‘интенсивность процесса речевой деятельности’. ИС ‘интенсивность процесса речевой деятельности’ нейтрализуется в данном ряде фразеологических единиц, в связи с отсутствием самого акта коммуникации. Характер субъекта представлен как одушевленный, конкретный, активный. ИС ‘характер речевой деятельности’ может быть выражен в ДП ‘целенаправленность’ и ‘нецеленаправленность’, в зависимости от того, какие мотивы положены в основу поступка субъекта.

Актуальной является ИС ‘цель осуществления речевой деятельности’, которая реализуется в ДП ‘воздействие’ в семантической структуре следующих фразеологизмов: *язык проглотить – to hold one’s tongue, держать язык за зубами – to keep one’s tongue between one’s teeth, набрать в рот воды – to shut up like a clam, молчать в тряпочку – to keep mum*. В семантической структуре английских фразеологизмов реализуются те же семы, что и в русском варианте.

Рассмотрим фразеологизм *язык проглотить – to hold one’s tongue*.

Семантическая структура в русском и английском вариантах совпадают. Различия обнаруживаются в глаголах, положенных в основу данных фразеологизмов, глагол *проглотить* характеризует большую стремительность прекращения разговора, нежели *to hold (держатъ)*, где речь идет о заранее планируемом нежелании говорить.

Из представленных слотов наиболее малочисленными являются следующие: *заботливость, великодушие; хитрость, лукавство, лень, бездеятельность*. Это связано с тем, что перечисленные черты характера могут проявляться в речевой деятельности, но наиболее полно и ярко данные слоты представлены в субфрейме «*социальная деятельность, поведение*».

В проанализированных фразеологизмах, таким образом, в ряде случаев наблюдается относительное структурное подобие, особенно в заимствованиях. С точки зрения национально-культурных особенностей можно говорить о том, что представители лингвокультур закрепляют во фразеологической системе наиболее значимые черты характера человека.

Анализируя данные фразеологические единицы, можно отметить, что среди них преобладают единицы, называющие отрицательные стороны личности человека (*болтливость, вспыльчивость, лень, лукавство*). По мнению А.Д. Райхштейна, данное явление можно объяснить следующим образом: «Общая семантическая асимметрия фразеологической системы (сдвиг в сторону отрицательных значений) может быть объяснен более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, то есть резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденций к использованию готовых речевых форм и в том числе устойчивых словесных комплексов» [2. С. 62].

Фразеологизмы, характеризующие отрицательные стороны, являются в большей степени экспрессивными, в их состав входят более выразительные языковые средства, чем во фразеологизмы с положительной оценкой. Образная система, положенная в основу фразеологических единиц, полнее представлена в русских фразеологизмах, нежели в английских, что свидетельствует о разной степени выраженности той или иной черты характера человека, а также о разных ассоциативных моделях построения фразеологического оборота.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001. 123 с.
2. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М. : Высш. шк., 1980. 143 с.

List of literature

1. Boldyrev, N. N. Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii. Tambov, 2001. 123 s.
2. Rayhshteyn, A. D. Sopostavitel'nyj analiz nemetskoj i russkoj frazeologii. M. : Vyssh. shk., 1980. 143 s.

**СЛОЖНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ СОЦИОЛЕКТИЗМЫ
И ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Н. В. Пестерова

Медицинский социолект – это особая экзистенциальная форма языка. Для неё характерно образование сложных слов. Выделяются 35 моделей образования сложных слов в медицинском социолекте английского языка.

Ключевые слова: социолект, социолектизм, медицинский социолект, сложное слово, словообразовательная модель.

Цель статьи - доказать, что сложные слова, одно из специфических словообразовательных средств стандартного английского языка, является также способом пополнения субстандартной лексики, в частности, такого малоизученного её фрагмента, каким является вокабуляр медицинского социолекта, а также выявить основные модели образования сложных слов в данном пласте лексики. По нашим данным, данный аспект медицинского социолекта не был объектом изучения.

На основе проведённых наблюдений мы выяснили, что медицинские социолектизмы активно образуются путём сложения двух и более основ. В процессе создания нового социолектизма его компонентами могут стать слова, относящиеся к различным частям речи. Набор словообразовательных моделей также очень разнообразен. Исследовав 3560 социолектизмов, мы выделили 191 сложное слово методом сплошной выборки из словарей британского и американского сленга (см. Список словарей). Уточним теперь понятия социолекта, социолектизма, медицинского социолекта и сложного слова.

Социолект понимается как исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного этапа автономная, полуавтономная или неавтономная форма существования общенародного языка национального периода, обладающая своей системой социолингвистических норм второго уровня, функционально и понятийно закреплённая за определённым социальным профессионально-корпоративным или антиобщественным (антисоциальным и асоциальным) социумом

или социализированной субкультурой, обладающая специфичной просторечной лексической системой, элементы которой могут носить этнизированный и локализованный характер, и варьирующим по качеству и количеству инвентарем внелитературных грамматических и фонетических особенностей, обусловленных социалингвистическими характеристиками его носителей [1. С. 219].

Социолектизм, соответственно, понимается как элемент фонетической, морфологической, синтаксической, лексико-фразеологической и семантической систем социолекта, обладающий соответствующими признаками. В нашем исследовании, ограниченном рамками лексикологической контрастивной социолектологии, социолектизм рассматривается только на лексическом уровне и представляет только слово или устойчивое словосочетание – фразеологизм [1. С. 220].

Медицинский социолект – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода, системно организованная автономная или полуавтономная форма существования национально-языка, обладающая своим соотношением социалингвистических норм второго уровня, функционально и понятийно обслуживающая медицинский социум и обладающая специфической просторечной лексико-фразеологической системой, общими с литературным стандартом фонетической и грамматической системами, отдельными внелитературными фоно-грамматическими отклонениями, характерными для речевого репертуара различных этнических, национальных, демографических, профессионально-корпоративных и локально-территориальных групп населения, составляющих медицинский социум конкретной страны (данное определение составлено на основе определения военного социолекта В.П.Коровушкина, см. 1. С. 219).

Сложное слово в словообразовательном плане – это лексическая единица, образованная из двух или более основ путем их сложения и выделяемая в речи на основе своей цельнооформленности [4. С. 5].

Под цельнооформленностью понимается невозможность разделить сложное слово на части и поместить другие единицы того же уровня без потери смысла. Необходимо различать внешнюю и внутреннюю цельнооформленности. Внутренний признак цельнооформленности – это качества слова, на основе которых можно судить о цельнооформленности отдельно взятой единицы. Внешний признак цельнооформленности – это свойства, на основе которых можно судить о цельнооформленности языковой единицы в потоке речи [3. С. 172-182].

К внутренним признакам цельноформленности относятся: 1) фонетический (наличие объединяющего ударения); 2) морфологический. К внешним признакам цельноформленности относятся: 1) характер сочетаемости компонентов сложного слова в отличие от сочетаемости в словосочетании; 2) порядок следования компонентов сложного слова и словосочетания; 3) отсутствие служебных элементов в структуре сложного слова (хотя этот признак ущербен, например: *pie-in-the-sky* – это сложное слово); 4) характер синтаксических связей (компоненты сложного слова не могут вступать в синтаксические связи отдельно от всего слова) [3. С. 172-182].

Частеречные модели сложных слов зависят от валентности слагаемых основ. Валентность в данном случае – это способность основы одной части речи вступать в сочетание с основами других частей речи. Существует классификация сложных слов по второму компоненту [3. С. 182].

Покажем на примерах основные продуктивные модели образования сложных слов:

Модели со вторым компонентом – существительным

М (модель) 1: $N + N \rightarrow N$: *agroceryosis* (AmE *vet* недостаток зелени, т.е. хозяин не кормит животное); *arse-mechanic* (проктолог); *chartomegaly* (AmE *ситуация, когда пациент часто болеет и, таким образом, его больничная карта быстро увеличивается в размерах*); *meat-wagon* (AmE *машина скорой помощи, катафалк*); *parentectomy* (шутливое название несуществующей процедуры удаления родителей как эффективного средства лечения ребёнка); *physic-bottle* (BrE *хирург*); *pigeon-breast* (состояние, характеризующиеся чрезмерно выпуклой грудью); *piss-prophet* (BrE *врач, который диагностирует заболевание по анализу мочи*); *sawbones* (*хирург*); *yardstick* (*термометр*);

М 2: $A + N \rightarrow N$: *blackdog* (*белая горячка*); *blackjack* (AmE *сильное лекарственное средство*); *dirtball* (AmE *грязный и плохо пахнущий пациент*); *goggle-eye* (*пучеглазие или косоглазие; глаза, характеризующиеся пучеглазием или косоглазием*); *goggle-eyes* (*выпученные глаза*); *goldbrick* (AmE *пациент, который требует к себе больше внимания, чем на самом требует его состояние здоровья*); *grand-daddy* (AmE *большая больничная подушка*); *short-arm* (*med and milit* *медицинский осмотр*); *soft-bone* (AmE *остеопороз*); *sweetbread* (BrE *поджелудочная железа*);

М 3: $V + N \rightarrow N$: *cutthroat* (*хирург*); *blowholes* (*ноздри*); *drillmaster* (*зубной врач, особенно подготавливающий зуб для пломбирования*);

безболезненно); freezebank (AmE больничный рефрижератор для хранения крови, костных трансплантантов, органов и пр.); sweat-room (AmE палата для лечения наркоманов путём полного ограничения доступа к наркотикам; комната ожидания в родильном доме);

М 4: A + N → A: hunky-dory (здоровый); slim-jim (худой, тощий);

М 5: A + N → V: flatline (умереть, название произошло от выравнивания колеблющейся линии на экране монитора, когда сердце пациента перестаёт биться);

М 6: V + N → V: force-fluid (AmE вводить жидкость пациенту, неспособному пить самостоятельно);

М 7: Adv. + N → Adv.: amidships (в области сплетения симпатического нерва);

М 8: Num. + N → N: four-bones (кости, образующие колени); six-pence (BrE вагина);

М 9: Num. + N → A (Adv): four-plus (AmE в высшей степени, полностью, абсолютно. Название происходит от метода записи анализов: «отрицательный», «один плюс» и далее до «четыре плюс»).

М 10: Adv. + N → N: inpatient (AmE пациент стационара больницы); outpatient (AmE амбулаторный пациент).

Модели со вторым компонентом – прилагательным

М 1: N + A → A: hipshot (имеющий вывих бедра); zoo-illogical (психически ненормальный);

М 2: A + A → A: hotsy-totsy (здоровый);

М 3: A + A → N: deaf-mute (труп).

Модели со вторым компонентом – глаголом

М 1: A + V → A: dead-beat (переутомлённый);

М 2: N + V → V: bushwack (заниматься лечебной практикой без специальной лицензии);

М 3: N + N → V: candy-stripe (AmE работать санитаркой-добровольцем).

Модели со вторым компонентом – причастием вторым (Participle II)

М 1: N + P II → A: epitaph-bound (серьёзно больной; находящийся на грани смерти); stork-bound (беременная).

Модели со вторым компонентом – числительным

М 1: N + Num. → N: figure-eight (непроизвольный спазм мышц; припадок судорог, конвульсий); loke-ten (замещающий врач);

М 2: A + Num. → N: deer-six (AmE смерть).

Модели со вторым компонентом – наречием

М 1: N + Adv. → N: bender-over (сильная абдоминальная боль); bounceback (AmE (досл.: отскок к себе) пациент, повторно попадающий в больницу); bow-out (смерть); conk-out (физический или нервный срыв); crack-up (физический или нервный срыв);

М 2: N + Adv. → A: belly-up (умирающий, мёртвый); blackout (eyes) (слепые глаза);

М 3: A + Adv. → N: blackout (потеря сознания или памяти);

М 4: V + Adv. → N: bake-out (дезинфекция одежды); boilout (горячая ванна, необходимая, чтобы пациент вспотел; лечение воздержанием от приёма наркотиков);

strike-out (AmE пациент, который впал в кому или мёртв);

М 5: N + Adv. → V: crack-up (иметь физический или нервный срыв; заболеть); sundown (испытывать ночные галлюцинации из-за непривычной обстановки, обычно это характерно для пожилых пациентов, помещённых в дом престарелых или больницу);

М 6: V + Adv. → V: fizzout (# иметь физический или психический срыв);

kiss-off (# умереть).

Модели со вторым компонентом – предлогом

М 1: N + Prep. → N: cave-in (физический или нервный срыв).

Модели со вторым компонентом – частицей

М 1: Part. + V → N: no-touch (метод перевязки раны, при котором медсестра не касается раны и повязки).

Модели сложных слов, состоящих из трех компонентов

М 1: N + N + N → N: brick-dust deposit (AmE красноватый осадок солей в моче); callbellectomy (AmE небольшая операция, к несчастью, неразрешённая законом, по удалению кнопки вызова медперсонала из зоны видимости пациента); cast-iron guts (здоровые органы пищеварения, способные переварить любую пищу); coffin-lid crystals (кристаллы фосфата аммония, магния, обнаруженные в щелочной моче); purse-string suture (AmE «кисетный» шов, используемый для закрытия операционной раны); rat-tail cure (лечение наркомании постепенным ограничением приёма наркотиков); rice-water evacuation (AmE стул «рисовый отвар», характерный при холере); salt-water pi-geon (инфекция, вызываемая попаданием солёной воды на кожу со ссадинами или трещинами); strawberry-cream blood (AmE кровь с повышенным содержанием холестерина или жирных кислот); tin-can crown (AmE зубная коронка плохого качества);

M 2: N + A + N → N: acid-fast resort (туберкулёзный санаторий);

M 3: N + Adv. + N → N: flatback department (больница);

M 4: N + Prep. + A → N: feet-up general (AmE районная больница);

M 5: A + N + N → N: back-door man (AmE проктолог); backdoor trot (диарея); barbed-wire disease (AmE военный невроз); cold-meat block (стол для диссекции трупов); **cold-tea sign (AmE ситуация, когда у постели мёртвого престарелого пациента скапливается несколько чашек холодного чая, т.е. никто не заметил, что пациент умер);** hot-air ground (обход больных врачами и последующее обсуждение с использованием терминов, непонятных для больных); **shirt-stub abscess (абсцесс, соединяющийся с другим более глубоким абсцессом);** short-arm inspection (осмотр у венеролога); **short-order chef (AmE работник морга);** **straight-jacket cure (лечение наркомании резким насильственным полным ограничением доступа к наркотикам);** swiss-cheese brain (AmE образование пузырьков газа в мозге);

M 6: V + N + N → N: breakbone fever (малярия, лихорадка, тропическая лихорадка);

M 7: V + Prep. + N → N: built-in horses (мышцы); kissoff room (палата, в которую помещают умирающих больных);

M 8: Num. + N + N → N: ten-finger joint (кабинет хиропрактика); ten-finger man (хиропрактик, остеопат).

Продуктивность сложных слов по отношению к общему количеству медицинских социолектизмов английского языка показана в таблице 1. Продуктивность выявленных типов и подтипов сокращений в сфере англоязычного медицинского социолекта показана в таблице 2. Наиболее продуктивна модель двухкомпонентных сложных слов: N + N → N (44,6%); среднюю продуктивность имеют модели: A + N → N (6,81%); V + N → N (3,76%); N + Adv. → N (2,62%); N + Adv. → V (2,62%). Наименее продуктивны модели A + N → V (0,52%); V + N → V (0,52%); Adv. + N → Adv. (0,52%); Num. + N → A (Adv.) (0,52%); A + A → A (0,52%); A + A → N (0,52%); A + V → A (0,52%); N + N → V (0,52%); A + Num. → N (0,52%); A + Adv. → N (0,52%); N + Prep. → N (0,52%); Part. + V → N (0,52%). Среди трёхкомпонентных сложных слов наиболее продуктивные модели: N + N + N → N (13,1%); A + N + N → N (5,78%); наименее продуктивны модели N + A + N → N (0,52%); N + Adv. + N → N (0,52%); N + Prep. + A → N (0,52%); V + N + N → N (0,52%).

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, сложные слова занимают определённое место в общем количестве медицинских социолектизмов (5,37%); во-вторых, существует большое разнообразие моделей образования сложных слов: компонентом сложного может быть практически любая часть речи (существительное, прилагательное, наречие, глагол, причастие, числительное, частица, предлог); в-третьих, наибольшее количество сложных слов образованы с помощью одного (или всех) компонента (компонентов)-существительного (существительных); в-четвёртых, образованные в результате способа сложения сложные слова медицинского социолекта английского языка – это в основном существительные, в-пятых, в медицинском социолекте представлены двух- и трёхкомпонентные сложные слова. Следовательно, сложные слова – одно из словообразовательных средств стандартного английского языка – является также способом пополнения словарного состава субстандартной лексики и является достаточно частотным способом словообразования в медицинском социолекте английского языка.

Таблица № 1

Продуктивность сложных слов по отношению
к общему количеству медицинских социолектизмов

№ п/п	Медицинские социолектизмы:	Количество слов (%):
1	Социолектизмов ВСЕГО:	3560 (100%)
2	Из них сложных слов:	191 (5,37%)

Таблица № 2

Продуктивность отдельных моделей образования сложных слов
в медицинском социолекте английского языка

№ п/п	Словообразовательная модель	Количество слов	%
1.	$N + N \rightarrow N$	85	44,6
2.	$A + N \rightarrow N$	13	6,81
3.	$V + N \rightarrow N$	7	3,67
4.	$A + N \rightarrow A$	2	1,04
5.	$A + N \rightarrow V$	1	0,52

Lingua mobilis №2 (21), 2010

6.	V + N → V	1	0,52
7.	Adv. + N → Adv.	1	0,52
8.	Num. + N → N	2	1,04
9.	Num. + N → A (Adv.)	1	0,52
10.	Adv. + N → N	2	1,04
11.	N + A → A	2	1,04
12.	A + A → A	1	0,52
13.	A + A → N	1	0,52
14.	A + V → A	1	0,52
15.	N + V → V	2	1,04
16.	N + N → V	1	0,52
17.	N + P II → A	2	1,04
18.	N + Num. → N	2	1,04
19.	A + Num. → N	1	0,52
20.	N + Adv. → N	5	2,62
21.	N + Adv. → A	2	1,04
22.	A + Adv. → N	1	0,52
23.	V + Adv. → N	5	2,62
24.	N + Adv → V	2	1,04
25.	V + Adv. → V	2	1,04
26.	N + Prep. → N	1	0,52
27.	Part. + V → N	1	0,52
		147	76,96

28.	N + N + N → N	25	13,1
29.	N + A + N → N	1	0,52
30.	N + Adv. + N → N	1	0,52
31.	N + Prep. + A → N	1	0,52
32.	A + N + N → N	11	5,78
33.	V + N + N → N	1	0,52
34.	V + Prep. + N → N	2	1,04
35.	Num. + N + N → N	2	1,04
		44	23,04
	Всего:	191	100

Список литературы

1. Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии: монография: в 2 ч. Череповец, 2005а. Ч I. 245 с.
2. Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии: монография: в 2 ч. Череповец, 2005б. Ч II. 284 с.
3. Мешков, О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка. М. : Наука, 1986. 209 с.
4. Царёв, П. В. Сложные прилагательные типа blue-eyed в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952. 18 с.

Список словарей

1. Ayto, J. The Oxford dictionary of slang. Oxford : Oxford Univ. Press, 2003.

List of literature

1. Korovushkin, V. P. Osnovy kontrastivnoy sotsiolektologii: monografiya: v 2 ch. Cherepovets, 2005a. Ch I. 245 s.
2. Korovushkin, V. P. Osnovy kontrastivnoy sotsiolektologii: monografiya: v 2 ch. Cherepovets, 2005b. Ch II. 284 s.
3. Meshkov, O. D. Semanticheskie aspekty slovoslozheniya angliyskogo yazyka. M. : Nauka, 1986. 209 s.
4. Tsarev, P. V. Slozhnye prilagatel'nye tipa blue-eyed v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1952. 18 s.

Список словарей

1. Ayto, J. The Oxford dictionary of slang. Oxford : Oxford Univ. Press, 2003.

2. Berrey, L.V. The American Thesaurus of Slang. NY : Thomas Y. Crowell Company, 1962.
3. Decoding 28 medical slang terms. URL : <http://health.howstuffworks.com/decoding-28-medical-slang-terms.htm>.
4. Doctor's slang, medical slang and medical acronyms and veterinary acronyms and veterinary slang. URL : <http://www.messy-beast.com/dragonqueen/medical-acronyms.htm>.
5. Lighter, J.E. Random House Historical. Dictionary of American Slang. 1 vol. NY.: Random House, 1994. 1006 p.
6. Lighter, J.E. Random House Historical. Dictionary of American Slang. 2 vol. N.Y. : Random House, 1994. 736 p.
7. Medical Slang. URL : http://en.wikipedia.org/wiki/Medical_slang
8. Partridge, E. A dictionary of slang and unconventional English. NY : Macmillan Publishing Co., 1984.
9. Partridge, E. Slang to-day and yesterday: With a short historical sketch; and vocabularies of English, American, and Australian slang. London : Routledge & Kegan Paul, 1979.
10. Schmidt, J.E. Dictionary of Medical Slang and Related Esoteric Expressions. Springfield : Charles C Thomas, 1959.
2. Berrey, L.V. The American Thesaurus of Slang. NY : Thomas Y. Crowell Company, 1962.
3. Decoding 28 medical slang terms. URL : <http://health.howstuffworks.com/decoding-28-medical-slang-terms.htm>.
4. Doctor's slang, medical slang and medical acronyms and veterinary acronyms and veterinary slang. URL : <http://www.messy-beast.com/dragonqueen/medical-acronyms.htm>.
5. Lighter, J.E. Random House Historical. Dictionary of American Slang. 1 vol. NY.: Random House, 1994. 1006 p.
6. Lighter, J.E. Random House Historical. Dictionary of American Slang. 2 vol. N.Y. : Random House, 1994. 736 p.
7. Medical Slang. URL : http://en.wikipedia.org/wiki/Medical_slang
8. Partridge, E. A dictionary of slang and unconventional English. NY : Macmillan Publishing Co., 1984.
9. Partridge, E. Slang to-day and yesterday: With a short historical sketch; and vocabularies of English, American, and Australian slang. London : Routledge & Kegan Paul, 1979.
10. Schmidt, J.E. Dictionary of Medical Slang and Related Esoteric Expressions. Springfield : Charles C Thomas, 1959.

11. Spears, R.A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters. NY : Jonathan David Publishers, Inc. 1981.

12. Wentworth, H. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. NY : Thomas Y. Crowell Publishers, 1975.

11. Spears, R.A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters. NY : Jonathan David Publishers, Inc. 1981.

12. Wentworth, H. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. NY : Thomas Y. Crowell Publishers, 1975.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ОПИСАНИИ УРОВНЯ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТА НА ПЕРЕВОД

Л. Г. Федюченко

В статье делается попытка описания новой переводческой категории – уровень сложности текста. Автор выделяет лингвистические и экстралингвистические критерии оценки данной категории, при этом разделяет их на субъективные и объективные. Предлагается рассматривать уровень сложности текста в рамках когнитивного подхода, так как, по мнению автора, данный подход способен синтезировать все многоуровневые критерии оценки сложности текста и тем самым облегчить понимание и описание вышеуказанной категории, которая, несомненно, является одной из основных текстовых категорий, влияющих на качество перевода.

Ключевые слова: сложность текста, восприятие текста, понимание текста, когнитивный подход, фрейд

В большинстве работ по теории перевода говорится о том, что качество перевода напрямую зависит от того, насколько полно и точно переводчик понял текст оригинала. Понимание текста – процесс многоэтапный, требующий проведения различных процедур лингвистического и экстралингвистического характера. Однако само по себе понимание текста может быть полным или частичным. Степень полноты понимания текста предназначенного на перевод, на наш взгляд, напрямую зависит от уровня сложности данного текста. Отсюда возникает необходимость выделения и определения такой новой переводческой категории, как категория уровня сложности текста.

Ранее мы уже говорили о том, что сложность как отдельная категория текста определяется через комплексное исследование его структурных, синтаксических, семантических характеристик, которые детерминируют затруднение восприятия, понимания и воспроизведения текста. [3. С. 183]

В качестве компонентов сложности текста можно выделить четыре группы параметров: информативность текста, сложность предложений, ясность структуры текста и абстрактность изложения. Таким образом, мы можем предложить следующее определение категории

«сложность текста» - это системообразующий фактор, который описывает компоненты системы текста, от взаимодействия которых зависит качество её восприятия и интерпретации, а также характер функционирования.

Несомненно, существуют как объективные, так и субъективные критерии оценки сложности текста. При этом мы предлагаем разделить все критерии на лингвистические и экстралингвистические.

Так, к объективным лингвистическим критериям можно отнести следующие:

- сложный громоздкий синтаксис;
- большое количество абстрактных существительных и широкозначных глаголов, требующих конкретизации;
- перегруженность текста специальными терминами, которые незафиксированы в словарях;
- развернутые стилевые приёмы (метафоры, метонимии), не имеющие аналогичных образов и ассоциаций в языке перевода;
- типичные конструкции иностранного языка, требующие целостного преобразования в тексте перевода.

К объективным экстралингвистическим критериям оценки сложности текста для перевода можно отнести следующие:

- повышенная трудоемкость и большие затраты времени на данный вид перевода;
- представление оригинала только в бумажном или отсканированном виде;
- плохое качество бумажного или отсканированного оригинала (мелкий или неразборчивый шрифт, нарушенное форматирование);
- сложное форматирование многостраничного документа;
- множество рисунков, чертежей, схем и таблиц;
- особые требования заказчика к оформлению перевода;
- слишком жесткие сроки для перевода такого объема и сложности;
- коммуникативное задание текста;
- социокультурная информация текста.

К субъективным лингвистическим критериям оценки сложности текста для перевода мы предлагаем отнести следующие:

- недостаточное знание терминологии текста;
- непонимание говорящего на иностранном языке (в случае устного перевода);

- недостаточные лингвистические знания, как в языке перевода, так и в иностранном языке.

К субъективным экстралингвистическим критериям оценки сложности текста для перевода можно отнести следующие:

- сложная тема;
- незнакомая для данного переводчика тема;
- отсутствие у переводчика нужных узкоспециальных словарей;
- отсутствие у переводчика опыта перевода на неродной язык (там, где это требуется);
- загруженность переводчика другой работой, которую ему придется совмещать с выполнением данного перевода.

Мы видим, что описание категории «сложность переводимого текста» не имеет на данном этапе конкретного воплощения. Текст в рамках предпереводческого и «постпереводческого» анализа нуждается в детальном семантическом и структурном анализе, на основе которого возможно определить его уровень сложности.

Обращение к когнитивной науке при описании обозначенной выше категории объясняется несколькими причинами. Во-первых, выявление когнитивной основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его природы, которая до сих пор носит весьма неоднородный характер.

Во-вторых, использование когнитивного подхода в описании заявленной категории позволяет учесть роль различных факторов интеллектуально-психической деятельности переводчика (в том числе и субъективных) в порождении, восприятии и интерпретации (т. е. переводе) текста, и тем самым справиться с поставленной задачей.

В-третьих, поскольку перевод включает в себя три основных этапа: восприятие, декодирование, порождение нового текста, то можно говорить о его познавательной, т. е. когнитивной сущности. Учитывая эти факторы, считаем вполне возможным обратиться к постулатам когнитивной семантики в описании новой переводческой категории.

В рамках данной статьи мы ограничимся описанием одного компонента сложности текста - ясность семантической структуры текста.

Несмотря на возможное разнообразие, содержание любого текста, а значит, и уровень его сложности могут быть раскрыты через построение концептуальных когнитивных моделей. Любая модель должна основываться на ряде принципов: а) принципе иерархич-

ности знаний в ментальном мире человека и семантических компонентов в содержательной структуре текста; б) принципе учета динамической природы текста, бесконечной вариативности, неисчерпаемости интерпретаций предметного содержания текста; в) принципе соотношения содержания текста с историко-культурным контекстом его создания и прочтения.

Когнитивная ситуация выстраивается по определенной модели, и здесь уместно сослаться на фреймовую модель представления знаний, основанную на теории фреймов М. Минского. Данная модель представляет психологическую (когнитивную) модель памяти человека. В её основе лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов, каждый из которых связан с конкретным концептуальным объектом памяти, и информацией, получаемой из мира действительности. [2. С. 107]

Использование фреймов при выстраивании структуры переводимого текста позволит переводчику достаточно быстро и правильно извлекать необходимые понятия (вместе с их уже имеющимися, закрепившимися переводами) для перевода определенной ситуации. Имея в голове упорядоченную иерархию фреймов, отображающих уже накопленные и усвоенные фоновые знания, переводчик может определить переводные соответствия/несоответствия, необходимые в каждой отдельной ситуации. То есть, переводчик может выбирать необходимые лексические средства перевода, основываясь на их ограничении сочетаемости в тех или иных фреймах.

Условия использования того или иного лексического средства включают следующие параметры:

- совместимость понятия и фрейма в индивидуальной фоновой системе переводчика;
- фреймовая предопределенность сочетаемости лексических средств;
- типизация построения когнитивной модели (здесь мы подразумеваем тип текста).

Данные параметры касаются признаков фрейма и семантических условий заполнения его узлов, регламентирующих семантическую сочетаемость. Приписывание слову определенного эквивалента – варианта перевода позволит рассмотреть условия заполнения узлов фрейма при переводе.

Одновременно с этим представление текста как иерархии фреймов позволяет переводчику увидеть распределение информации в

переводимом тексте и на этом основании определить приоритетность информации, т.е. определить главную и второстепенную информацию. Данный аспект играет важную роль при проведении предпереводческого анализа текста, т.к. здесь идет уже речь о прагматической адаптации исходного текста, точнее, о степени необходимости сохранения той или иной информации в оригинальном варианте.

В связи с этим текст представляется как совокупность смысловых ядер. При этом мы различаем микротему, как неделимое смысловое ядро, и макротему, состоящую из нескольких микротем. Наличие когнитивной базы позволяет расшифровать данное смысловое ядро, более того, когнитивная база задает определенную систему координат, в которую вписываются все новые порождаемые тексты.

Указанные выше ядра могут изменяться и модифицироваться, включать различные уточнения и дополнения с помощью определенного количества периферий. Информация, которая содержится в перифериях, как правило, диктует выбор семантических средств выражения и переводческую стратегию. Для перевода информации, содержащейся в периферии, переводчик прибегает к более сложным стратегиям перевода, можно сказать, к комплексу переводческих стратегий (например, одновременное использование приема компенсации и описательного перевода).

Периферийная информация, содержащаяся в исходном тексте, должна быть соотнесена переводчиком с постоянной (ядерной) информацией текста перевода. Знание семантики периферийной информации связано с её соотнесенностью с референтами, заданными в исходном тексте.

Используя фреймы в предпереводческом анализе текста, переводчик может прогнозировать а) лексическую сочетаемость отдельных компонентов текста, б) грамматическую форму лексических компонентов, в) ролевую (т.е. смысловую) соотнесенность различных компонентов текста, г) точно определить переводческие доминанты (термин И. С. Алексеевой). [1. С. 332]

В связи с этим можно предположить, что доминирование определенных переводческих трансформаций (лексических, грамматических, комплексных) в каждом отдельном фрейме будет диктовать выбор определенной модели перевода, по характеру которой можно судить об уровне сложности переводимого текста. Доминирование сложных грамматических форм и форм лексической сочетаемости также будет указывать на степень сложности переводимого текста.

Когнитивное моделирование перевода, а также и его результата позволяет выявлять наиболее общие для переводимого объекта качества и характеристики, прогнозировать изменения, происходящие в силу определенных обстоятельств, а именно: влияния стиля самого переводчика, стилистических и эстетических требований эпохи и т. д.

При моделировании определяются как имплицитные, так и эксплицитные компоненты смысловой структуры текста, которые выражены не только собственно языковыми средствами, но и при помощи подтекста, контекста и фонового окружения самого текста с целью постижения авторских намерений. Сам же текст рассматривается как замкнутая семантико-смысловая структура.

Основным методологическим принципом когнитивного подхода к рассмотрению текста является помещение его в более широкий - коммуникативно-деятельностный - контекст, установление места текстовой деятельности в системе других видов человеческой деятельности. При такой теоретической установке содержание текста воспринимается как функционально нагруженное, что обеспечивает необходимость точного отбора и организации языковых средств реализации интенций говорящего (пишущего). Опираясь на данный подход, переводчик будет способен комплексно оценить текст на перевод и четко определить стратегию перевода, необходимую в каждом конкретном случае.

В заключении хочется отметить, что значительная часть важных вопросов осталась вне обсуждения. В частности, главнейшим из них является вопрос связи глубинных структур языка с поверхностными и вытекающая отсюда проблема искажений информации, что в свою очередь будет влиять на уровень сложности переводимого текста.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. ; М., 2008. 368 с.
2. Минский, М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. 152с.
3. Федюченко, Л. Г. Сложность текста – переводческая категория текста // *Lingua mobilis*. 2009. № 2 (16). С. 182–186.

List of literature

1. Alekseeva, I. S. Vvedenie v perevodovedenie: uchebnoe posobie dlya studentov filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy. SPb. ; M., 2008. 368 s.
2. Minskiy, M. Freymy dlya predstavleniya znaniy. M. : Energiya, 1979. 152s.
3. Fedyuchenko, L. G. Slozhnost' teksta – perevodcheskaya kategoriya teksta // *Lingua mobilis*. 2009. № 2 (16). S. 182–186.

**ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА
«ИСКРЕННОСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ
И РУССКОЙ АФОРИСТИКЕ**

Ю. А. Храмова

Рассматриваются оценочные характеристики концепта «искренность» на основе анализа английских и русских афоризмов. Установлены общие и отличительные амбивалентные характеристики оценочного отношения к искренности в сравниваемых лингвокультурах. Основные различия в оценке искренности состоят в ее более значимой этической составляющей для русских и прагматической составляющей для англичан.

Ключевые слова: афоризм, оценка, концепт, характеристики.

Данная статья посвящена рассмотрению афоризмов в русской и английской лингвокультурах в аспекте ценностной составляющей концепта «искренность».

Афоризмы раскрывают основания общепринятых норм поведения и часто формулируются как личностная оценка коллективного опыта в виде абстрактного рассуждения [1. 46]. В настоящей работе под афоризмом понимается авторское высказывание, выраженное в лаконичной форме, представляющее собой авторскую мысль, оценку, результат действия и обладающее глубинным смыслом.

Объектом нашего исследования являются ценностные характеристики концептуальной диады «лицемерие - искренность» в английской и русской лингвокультурах.

Для выявления отношения к поведению и к агенту действия, характеризующихся проявлением лицемерия/искренности было проанализировано 200 афоризмов, которые датируются XVII-XXI веками (преимущественно второй половиной XX века) и имеют своими авторами носителей английской и русской лингвокультур. Источником послужили Интернет-сайты афоризмов и высказываний выдающихся людей. Критерием отбора послужило наличие в афоризме слов-имени концепта и признаков, распределенных исследуемую концептуальную диаду.

Анализ суждений представителей русской лингвокультуры выявил следующие основные аспекты отношения к искренности:

Искренность считается искусством: *Быть искренним — это искусство (К. Ижиковский).*

Но вместе с тем признается, что искренность – это не идеальная характеристика человека, и в ней допускается наличие ошибок: *Кто говорит безошибочно, тот говорит без убеждения: искренность неразлучна с ошибками (С. Киселевский).*

Выявляется связь искренности с талантом: *Искренность и простота - дорогие свойства таланта (К. Станиславский).*

Искренность понимается как гармония в мыслях и речи субъекта, не допускающая противоречий: *От роду язык его не говорил да, когда душа его чувствовала нет (Д.И. Фонвизин).*

Искренность не требует обязательного наличия объекта, но может быть направлена на самого субъекта: *Откровенность — вовсе не доверчивость, а только дурная привычка размышлять вслух (В. Ключевский).*

Искреннее общение не всегда является гарантом успешной коммуникации: *То, что говорится прямо, понимается хуже, чем намек (А.Перлюк).*

Отмечается, что быть искренним – это трудно, так как человек не знает, какой будет результат общения: *Трудно говорить правду, если не знаешь, чего от тебя ждут (Г.Е. Малкин).*

Трудность быть искренним также заключается в том, что человек должен обладать мудростью и большим тактом: *Искренность — дело трудное и очень требует мудрости и большого душевного такта. (В.В.Вересаев).*

В «диаде искренность – правда» искренность ставится выше: *Искренность - мать правды, если отец – разум (А. Красный).*

Искренность выступает как критерий для перехода на более тесный уровень общения и возникновения доверия между людьми: *Первое условие для сближения – искренность. (М. М. Пришвин).*

Искренность понимается как сознательный отказ от обмана: *Искренность - это отказ использовать обман в своих целях. Что может быть полезнее для обмана, чем заверения в своей искренности (Е.Ермолова).*

Искренность является основой вежливого поведения: *Настоящая и лучшая вежливость та, которая основана на искренности.*

Истинная вежливость неразлучна с уважением личности другого и без нее невозможна (Н.В. Шелгунов).

Взаимосвязь концептуальной диады «лицемерие - искренность» отражена в нижеследующем афоризме, где автор определяет заблуждение как единственное искреннее явление. Коллективное заблуждение приравнивается к вере, при этом искренность переходит в лицемерие, когда вера теряет искренность, т.е. перестает заблуждаться, в результате чего происходит разложение общества: *Единственное, что человек делает всегда искренне, так это - заблуждается. Если одно заблуждение свойственно всему обществу и при этом помогает ему жить, то оно становится верой. А если вера теряет искренность, то это уже не заблуждение и соответственно не вера, а лицемерие и обман, которые могут только разлагать общество (С. Янковский).*

При этом отмечается, что искренность в вере находится в зависимости от самого верующего: *Искренность веры зависит от верующего; истинность веры от него не зависит (И. Шевелев).*

Искренность в отношениях считается залогом настоящей дружбы, где критика действий друга оценивается положительно: *Искренность в отношениях, правда в общении - вот дружба (А. Суворов); Дружба - это прежде всего искренность, это критика ошибок товарища (Н. А. Островский).*

Искренность является условием достижения счастья с противоположным полом: *Счастье с женщиной возможно только при условиях полной искренности духовного общения (М.Горький).*

В афоризмах высказывается мысль о том, что искренность присутствует детям: *Душа ребенка - чистая слеза, в ней и тепло, и свет, и откровение, а искренность, доверенность в глазах! И ожиданье доброго общения! (К. Нескоромнова).*

Утверждается, что дети всегда искреннее, чем взрослые: *Дети очень часто умнее взрослых и всегда искреннее (М. Горький).*

Искренность утрачивается, когда человек обладает высоким положением в обществе, т.е. высоким статусом: *Начинаются чины - перестает искренность (Д. И. Фонвизин).*

В афоризмах наблюдается приписывание искренности определенных качеств, как например, отсутствие наивности, если агент действия – не подлый человек: *Где нет подлых, там искренность не наивна (Е.Ермолова).*

Считается, что искренним людям больше благоволит удача: *Искренность одаривается удачей вдвойне (Е.Ермолова).*

Так же как и в пословично-поговорочном фонде, в афоризмах зафиксирована мысль о том, что трезвое состояние человека выступает как барьер для искренности: *Искренность - это то, что не услышишь от трезвого человека (Владимир Борисов).*

Искренность получает отрицательную оценку, если рассматривается как:

- недостаток человека: *А по-моему, искренность - просто недостаток самообладания (Я. Ипсхорская);*

- причина потери материального благосостояния: *Искренность в бизнесе приводит к банкротству (О. Кузнецов);*

- синоним глупости: *Не знаю: Как за границей? – но в России часто искренность становится «родственницей» глупости (В. Борисов).*

- излишество: *Искренность – излишество. Посмотришь по результатам, так вся любовь с её страданиями была лишь для того, чтобы завести пару детей. То же самое можно было сделать проще и лучше без всяких страстей (Е. Ермолова);*

- средство манипулятивного воздействия на человека с корыстной целью: *Чем больше человек кажется искренним, тем больше он притворяется, чтобы вызвать вас на откровенность и чистосердечие (А. Вигушин).*

Искренность тесно связана с любовью: *Любовь и искренность неразделимы (В. Е. Михальцев).*

Искренность может проявляться в момент потери контроля над собой, что выражается в оскорблении: *Оскорбление - момент искренности (Г. Е. Малкин).*

Совокупность доверия и искренности в семье получает высокую положительную оценку: *Лучшая семейная дипломатия - это дипломатия полного взаимного доверия и безграничной искренности (И.П.Шамякин).*

Искреннее поведение может вызывать ряд эмоций или состояний, как например:

- удивление: *Ничто так сильно не удивляет людей, как здоровый смысл и обычная прямота (Автор неизвестен);*

- сомнение: искренность ставится под сомнение, когда субъект действия ведет себя положительно по отношению к объекту действия: *В искренности можно сомневаться, только когда делают добро (Г.Е. Малкин);*

- счастье: быть счастливым можно тогда, когда человек искренен: *Искренность - залог счастья (Е. Кащеев)*.

Основные аспекты отношения к искренности, отраженные в английских афоризмах, таковы:

Отмечается, что та искренность заслуживает похвалы, которая обеспечивает высокий уровень доверия между друзьями, являясь критерием настоящей дружбы. Между тем, подобная искренность может стать угрозой для агента действия, если объект действия – это не друг, а враг: *Truth of a modest sort I can promise you, and also sincerity. That complete, praise-worthy sincerity which, while it delivers one into the hands of one's enemies, is as likely as not to embroil one with one's friends (J. Conrad)*. Я могу пообещать вам . Ту полную, достойную похвалы искренность, которая, приводя кого-нибудь в руки врага, вряд ли принесет неприятности во взаимоотношения с друзьями. (3 December 1857 – 3 August 1924) was a Polish-born English writer, regarded as o

Считается, что в основе любой добродетели есть искренность и правдивость: *Sincerity and truth form the basis of every virtue (H. Bonar)*. Искренность и правдивость составляют основу каждой добродетели.

Искренность в желании вести благочестивый образ жизни сближает человека и Бога, таким образом, искренность выступает как средство единения и гармонии духовной жизни человека и его мирской жизни: *Try how much of the word of God you can understand, and what is more, try how much you can practice. A sincere wish and purpose to do the will of God, will be your best way to know the mind of God (J. A. James)*. Старайся понять как можно больше слова Божьего, и более того, старайся им руководствоваться в жизни. Искреннее желание и цель исполнить волю Бога будет твоим лучшим способом постичь замысел Божий.

Искренность человека проявляется в его желаниях, исполнение которых приносит удовольствие, следовательно, человек ведет себя искренне, когда нечто приносит человеку моральное или физическое удовлетворение: *No man is a hypocrite in his pleasures (S. Johnson)*. Никто не лицемерит относительно вещей, которые доставляют удовольствие.

Искренность – это составляющая честности, характеризующаяся как красивая и живительная сила, противопоставленная лицемерию, двуличию, политике, пустословию: *Honesty has a beautiful and re-*

freshing simplicity about it. No ulterior motives. No hidden meanings. An absence of hypocrisy, duplicity, political games, and verbal superficiality. As honesty and real integrity characterize our lives, there will be no need to manipulate others (Ch. Swindoll). Честность обладает красивой и живительной простотой. В ней нет скрытых мотивов. Нет скрытого смысла. Отсутствуют лицемерие, двуличность, политические игры и пустословие. Когда честность и настоящая прямота будут определять нашу жизнь, тогда не будет нужды манипулировать остальными людьми.

Искренность можно исчислять – ее может быть больше или меньше, но в обоих случаях она приносит вред: *A little sincerity is a dangerous thing, and a great deal of it is absolutely fatal (O. Wilde). Искренность в небольших дозах опасна; в больших — смертоносна.*

Субъектом искреннего поведения может быть фанатик: *The worst vice of a fanatic is his sincerity (O. Wilde). Самый худший порок фанатика – это его искренность.*

Искренность выступает как достоинство оригинальности: *The merit of originality is not novelty; it is sincerity (Th. Carlyle). Достоинство оригинальности – это не новизна; это искренность.*

В афоризмах прослеживается идея о том, что искренность не имеет ничего общего с деньгами, ее нельзя купить: *To give real service you must add something which cannot be bought or measured with money, and that is sincerity and integrity (D. Adams). Чтобы по-настоящему служить, нужно добавить что-то, что нельзя купить или измерить деньгами, и это есть искренность и прямота.*

Разновидность искренности – это эмоциональная искренность, которая важна для творческого писателя: *For a creative writer possession of the "truth" is less important than emotional sincerity (G. Orwell). Для творческого писателя знание «правды» менее важно, чем эмоциональная искренность.*

Утрата искренности является первой ступенькой на пути, ведущем к презрению правды, что в итоге губительно сказывается на творчестве писателей, которые становятся жертвой собственного преувеличения: *Danger lies in the writer becoming the victim of his own exaggeration, losing the exact notion of sincerity, and in the end coming to despise truth itself as something too cold, too blunt for his purpose – as, in fact, not good enough for his insistent emotion. From laughter and tears the descent is easy to sniveling and giggles (J. Conrad). Опасность кроется в писателе, который становится жертвой своего*

собственного преувеличения, теряющего точное представление об искренности, и, в конечном счете, презиравшего саму правду как нечто слишком холодное, слишком резкое для его цели – как, на самом деле, не достаточно хорошее для его непрерывной эмоции.

Интересен тот факт, что удовлетворение эгоистичных потребностей человека может укреплять веру, не утрачивая при этом искренность: *The egoism which enters into our theories does not affect their sincerity; rather, the more our egoism is satisfied, the more robust is our belief* (G. Eliot). Эгоизм, который вмещивается в наши теории, не влияет на их искренность; скорее, чем удовлетвореннее наш эгоизм, тем крепче наша вера.

Отмечается, что искренность может обладать простотой, но она отсутствует в отношениях зависимости: *Sincerity may be humble, but she cannot be servile* (L. Byron). Искренность может быть простой, но она не может быть рабской.

Искреннее поведение может одновременно являться благом и в то же время приносить вред субъекту действия: искренность расценивается как благо во взаимоотношениях с друзьями, и как вред, если обнажает позицию человека для врагов: *Truth of a modest sort I can promise you, and also sincerity. That complete, praiseworthy sincerity which, while it delivers one into the hands of one's enemies, is as likely as not to embroil one with one's friends* (J. Conrad). Я могу пообещать вам малую толику правды, и еще искренность. Ту полную, достойную похвалы искренность, которая, пока она приводит человека в руки врагов, вряд ли навлечет неприятности на отношения с друзьями.

От друга ждут только искреннего отношения, искреннее мнение друга получает высокую положительную оценку: *A friend should be one in whose understanding and virtue we can equally confide, and whose opinion we can value at once for its justness and its sincerity* (R. Hall). Друг – это тот, на чье понимание и достоинство.

Искренность рассматривается как сильная сторона человека, даже когда человек совершает ошибки, неискренность определяется как слабость: *Insincerity is always weakness; sincerity even in error is strength* (G.H. Lewes). Неискренность всегда слаба; искренность, даже в заблуждениях, является силой.

В афоризмах подчеркивается мысль о том, что искренность и правда – это разные вещи: *Sincerity does not and cannot substitute for truth* (J. Pritchard). Искренность не заменяет и не может заменять правду.

В диаде «лицемерие – искренность» лицемерие уступает искренности в плане духовных ценностей, так как искренность обладает способностью преображать человека: *Sincerity makes the very least person to be of more value than the most talented hypocrite (C. Spurgeon)*. Искренность делает самого незначительного человека более ценным, чем самый талантливый лицемер.

Считается, что искренность заменяется хвастовством, когда человек признает свои неудачи: *The confession of our failings is a thankless office. It savors less of sincerity or modesty than of ostentation. It seems as if we thought our weaknesses as good as other people's virtues (W. Hazlitt)*. Признание наших неудач – это неблагодарное дело. Оно едва ли имеет черты искренности или скромности, чем хвастовства. Кажется, будто бы мы считаем наши слабости такими же хорошими, как достоинства других людей.

Искренность может служить средством разрешения конфликтных ситуаций, но является трудным шагом, так как требует принятия определенных усилий агентом действия: *One of the hardest things in this world is to admit you are wrong. And nothing is more helpful in resolving a situation than its frank admission (B. Disraeli)*. Одна из самых тяжелых вещей в мире – это признать свою неправоту. И нет ничего более полезного в разрешении ситуации, чем искреннее признание вины.

Искренность **сравнивается с путешествием, где человек извлекает** пользу для себя: *Sincerity is like traveling on a plain, beaten road, which commonly brings a man sooner to his journey's end than by-ways, in which men often lose themselves (J. Tillotson)*. Искренность подобна путешествию по простой разбитой дороге, которая в большинстве своем приводит человека к окончанию его путешествия, нежели чем к объездам, где люди часто теряются;

Искренность, сопряженная с нравственным началом, сравнивается с щитом, который позволяет человеку идти по жизни, сохраняя чувство собственного достоинства: *The only guide to man is his conscience; the only shield to his memory is the rectitude and sincerity of his actions. It is very imprudent to walk through life without this shield, because we are so often mocked by the failure of our hopes and the upsetting of our calculations; but with this shield, however the fates may play, we march always in the ranks of honor (W. Churchill)*. Единственный проводник человека – это его совесть; единственный щит его памяти – это нравственность и искренность его действий. Весьма

неблагоразумно идти по жизни без этого щита, потому что мы часто становимся объектом насмешек наших несбывшихся надежд и неоправдавшихся расчетов; но с этим щитом, как бы ни играла с нами судьба, мы всегда маршируем с честью.

Энтузиазм считается источником искренности, при этом искренности и правда находятся в зависимости от энтузиазма: *Enthusiasm is the genius of sincerity and truth accomplishes no victories without it* (R. Bulwer-Lytton). Энтузиазм – это гений искренности и без него правда не одерживает никаких побед.

Таким образом, в результате анализа афоризмов в русской и английской лингвокультурах мы пришли к следующим выводам: «искренность» как регулятивный концепт обладает рядом специфических черт.

В русской лингвокультуре искренность 1) осознается как характеристика талантливых людей, 2) выступает как необходимый критерий для сближения людей, позволяющий перейти на новый, более доверительный уровень отношения, 3) считается признаком особого доверия к субъекту; 4) чаще свойственна детям, чем взрослым, 5) прямо пропорциональна статусу субъекта (чем выше статус, тем меньше степень искренности), 6) может проявляться в момент потери контроля над собой или при алкогольном опьянении, 7) оценивается положительно, если является основой вежливого поведения, конструктивной критикой друга, условием счастья; 8) оценивается отрицательно, если воспринимается как проявление глупости, средство манипулятивного воздействия на человека с корыстной целью, причина потери материального благосостояния; 9) может вызывать удивление или сомнение, 10) является необходимым условием счастья; 11) взаимосвязана с концептами «удача», «любовь», «глупость», «талант», «счастье».

В английской лингвокультуре искренность 1) обусловлена энтузиазмом и верой; 2) лежит вместе с честностью в основе любой добродетели; 3) обеспечивает высокий уровень доверия между друзьями, являясь критерием настоящей дружбы; 4) является условием гармонии духовной жизни человека; 5) позволяет разрешать конфликтные ситуации; 6) проявляется в желаниях человека; 7) свидетельствует о силе и оригинальности личности, 8) противопоставлена лицемерию, двуличию, политике, пустословию; 9) при общении с врагом может принести вред агенту действия.

Список литературы

1. Карасик, В.И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2006. 520 с.
2. Афоризмы, высказывания, мысли, фразы. URL : <http://www.aforizms.ru>
3. URL : <http://www.aforizm-book.ru>
4. Афоризм-инфо: афоризмы и высказывания великих людей. URL : <http://www.aforizm.info>
5. Литературные афоризмы. URL : <http://www.aforizm.ssdn.ru>
6. Афоризмы, высказывания, мысли, фразы. URL : <http://www.aphorism.ru/>
7. Citaty.info: цитаты и афоризмы. URL : <http://www.citaty.info>
8. Афоризмы и изречения, поговорки, высказывания мудрецов, народные мудрости. URL : <http://www.mudrosti.info>
9. Famous Quotes and Quotations at BrainyQuote. URL : <http://www.brainyquote.com>
10. Great-Quotes.com Famous Quotes from Famous People. URL : <http://www.great-quotes.com/>

List of literature

1. Karasik, V.I. Yazykovye klyuchi. Volgograd : Paradigma, 2006. 520 s.
2. Aforizmy, vyskazyvaniya, mysli, frazy. URL : <http://www.aforizms.ru>
3. URL : <http://www.aforizm-book.ru>
4. Aforizm-info: aforizmy i vyskazyvaniya velikih lyudey. URL : <http://www.aforizm.info>
5. Literaturnye aforizmy. URL : <http://www.aforizm.ssdn.ru>
6. Aforizmy, vyskazyvaniya, mysli, frazy. URL : <http://www.aphorism.ru/>
7. Citaty.info: tsitaty i aforizmy. URL : <http://www.citaty.info>
8. Aforizmy i izrecheniya, pogovorki, vyskazyvaniya mudretsov, narodnye mudrosti. URL : <http://www.mudrosti.info>
9. Famous Quotes and Quotations at BrainyQuote. URL : <http://www.brainyquote.com>
10. Great-Quotes.com Famous Quotes from Famous People. URL : <http://www.great-quotes.com/>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

МУЛЬТИМЕДИА В ОБРАЗОВАНИИ: ПОРТФОЛИО КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

С. М. Минасян

Статья посвящена аспектам применения мультимедиа технологий в современном образовании, в частности, в работе со студентами неязыкового вуза.

Ключевые слова: мультимедиа технологии в образовании, неязыковой вуз, информационные и коммуникативные технологии.

Многие передовые страны мира, в том числе и Россия, стремятся перестроить систему обучения, предлагая разнообразные методы и подходы. В большинстве случаев система высшего образования стремится к модернизации процесса обучения на основе использования информационных и коммуникативных технологий (ИКТ). Это понятно, так как сегодня информационные и коммуникативные технологии открывают новые перспективы перед системой образования, предоставляя большие возможности для повышения эффективности и качества обучения: появляются новые педагогические подходы и инновационные методики преподавания, предлагаются различные направления курсов обучения. Все делается для того, чтобы способствовать развитию интеллекта и общей культуры обучаемых, формированию их творческого потенциала и применению их знаний и умений в информационном обществе. Однако применение ИКТ не может автоматически повысить качество образования, не позволит сформировать творческие и умственные способности обучающихся, а может быть, напротив, приведет к снижению уровня интеллекта и культуры. Думается, что нам необходимо создать необходимые условия для работников образования: методистов, педагогов, в частности русистов, позволяющие совместно с сотрудниками ИКТ осваивать, развивать, внедрять в практическую деятельность компьютерную этику, компьютерную психологию, диалектику и дидактику.

В настоящей статье мы хотели бы поделиться опытом работы, которая проводится на кафедре гуманитарных наук ЕФ МЭСИ, конкретно, на уроках русского языка и культуры речи. Попытаться дать предварительный анализ методу «портфолио» в нашем понимании как одному из возможных элементов модернизации образования.

Под модернизацией понимается приведение системы образования в соответствие с процессами трансформации современной цивилизации, охватившими все сферы жизни и прежде всего – мир труда, экономические и социальные условия. В нашем случае - поиск новых методов работы со студентами, где преподаватель и студент работают по новым информационным технологиям, имеют возможность обсуждать результаты работы, устанавливать связь между предыдущими и новыми знаниями, умениями, наработками.

Рассмотрим для начала, что представляет из себя мультимедиа в образовании. Прежде всего, необходимо отметить, что мультимедиа – это средства обучения и их необходимо использовать в различных образовательных контекстах, представляя мультимедийный продукт и информационные ресурсы Интернета для обучения, выработки практических навыков и развития критического мышления. Мультимедиа как продукт может способствовать улучшению качества образования в отдельных предметных областях и на стыке научных направлений. Существуют различные определения этого понятия и концепции, но в данной статье мы отразим наше представление о значении мультимедиа в образовании. В первую очередь - это интерактивность, которая включает в себя анимационную, графическую, видео- и звуковую информацию, которая допускает видеоизменения на интерактивной доске или на экране компьютера. Такая возможность позволяет выполнять не обязательно последовательные действия, но отобрать моментально тот материал, который необходим для изучения и анализа. Например, на основе отобранного материала или созданной информации рекомендовать оптимальную последовательность изучения материала на данном уроке, эта программа позволяет управлять экранными объектами. Например, на уроке преподаватель и студенты имеют возможность добавлять новые узлы и гиперссылки к уже существующим, расширяя представленную структуру мультимедийного приложения. Внимание обращается на то, что слайды или экранные объекты связаны друг с другом и взаимодействуют таким образом, что настройка этих представленных объектов определяет поведение обучаемых, которые способны

имитировать реальное функционирование технических устройств, систем, социальных процессов. Естественно, мультимедиа является плодотворной образовательной технологией, которая отличает ее от других технологий своей гибкостью и интерактивностью. Следует отметить, что создание мультимедийных материалов намного сложнее и дороже, чем подготовка обычного учебного материала. Для применения мультимедийных материалов необходимы более высокие системные требования, чем для простых офисных программ. И наконец, информацию читать на экране нелегко, объемные тексты удобнее читать на бумаге. С этой целью преподаватель может представить требуемую информацию обучающимся, а затем предложить конкретную работу над текстом – текст можно распечатать, но при этом преимущества аудио и видеоматериала теряются.

Метод портфолио представляет собой педагогическую технологию сбора и систематизации учебной информации с углубленным подходом к обучению, которая создается с помощью Интернет технологий, способствуя достижению учебной цели или программной цели, в процессе чего вырабатываются навыки владения ИКТ и средствами применения мультимедиа. После того как мы определили для себя метод портфолио, необходимо разработать структуру индивидуального электронного портфолио в виде оглавления и сделать ссылки на все отмеченные учебные материалы, затем создать меню для поиска материала или гипертекстовую структуру. Рекомендуется разработать и схему, по которой очень быстро можно найти необходимую информацию из портфолио. Главная часть портфолио должна быть отведена творческим материалам, созданным студентами в ходе занятий в группе самостоятельно. Целесообразно материалы портфолио обсуждать на кафедре с коллегами или со студентами, но после контрольной проверки уровня их знаний по данному предмету, чтобы акцентировать на слабые и сильные стороны. Итак, как мы видим, метод портфолио, применяемый нами, это не только альтернативный способ работы по достижению новых учебных целей, но и процесс модернизации в образовании. Понятно, что применение портфолио как эффективного метода связано с существенными трудностями, так как есть необходимость рассматривать использование данного метода применительно к конкретным предметам и ступеням обучения.

В работе над портфолио по русскому языку и культуры речи важным моментом является взаимодействие между преподавателем и

студентами, в процессе которого определяются цели работы, вырабатываются критерии информационного отбора, умение работать с ИКТ. Портфолио создаются как в электронном, так и в бумажном виде. Представленные студентами папки свидетельствуют о получении соответствующих знаний и умений:

- 1) умение работать с ИКТ и отбирать необходимую учебную информацию,
- 2) умение обрабатывать информацию и применять знания на практике (во время зачета и экзамена),
- 3) умение отразить практические знания в мультимедиа.

Многочисленные вопросы возникают при составлении портфолио. Каково должно быть его содержание? Какие источники информации использовать? Сколько работ необходимо собрать и какого качества они должны быть, чтобы возможно было оценить знания? Какая информация ценна и при каких условиях? И много других вопросов, которые до сих пор остаются открытыми для нас.

Однако очевидно одно, что материалы портфолио должны четко и последовательно отражать развитие знаний изучаемого предмета, так как материалы портфолио служат основанием для оценки работы преподавателем и одновременно материалом для самооценки и осмысления процесса обучения студентами. Студент может сам выбрать материал из портфолио на рассмотрение преподавателя. Более того, портфолио создает впечатление, которое производят студенты во время своего ответа. Во время ответа однокурсники могут добавить дополнительную информацию и в процессе ответов студенты учатся друг у друга, совместно обсуждая основные вопросы темы.

По созданным папкам можно установить и оценить знания индивидуально, а также обучающий вместе с преподавателем сможет ответить на поставленные вопросы: Как мне спланировать учебный процесс по предложенному графику? Как контролировать собственное обучение? Как оценить свои знания?

Портфолио – это умение собирать учебную информацию и представлять ее для получения рейтинговых баллов. Наш опыт показал, что необходимым критерием отбора материала для портфолио является целесообразность привлечения:

- теоретического материала;
- практических заданий;

- тестов;
- контрольных вариантов;
- черновиков, чертежей, схем, фотографий;
- копий стандартизированных учебных текстов;
- заметок, отзывов, отчетов, статей, докладов, тезисов, презентаций;
- творческих, самостоятельных работ, участие в научно-студенческих конференциях, форумах.

Эффективность этого метода заключается в том, что студенты на протяжении всего учебного процесса работают и чувствуют ответственность за проделанную работу. Данный метод позволяет объективно оценить весь учебный процесс с самого начала за счет периодического пополнения информации, сравнивать уровень приобретенного знания в начале и в конце учебного года, служит средством развития навыков общения между преподавателем и студентами и способствует изучению их мотивации. Портфолио позволило нам сконцентрировать внимание на результатах собственной работы студентов. Выставленные оценки (баллы) по методу портфолио не могут быть традиционными, так как это зависит от процесса всей работы, от результатов представленных материалов.

В установлении отбора критериев оценки по методу портфолио могут принять участие совместно с преподавателем и студенты, при этом необходимо соблюдать паритетность, но подходы к каждому студенту должны быть индивидуальными. Преподаватель помогает и консультирует студента при выборе и оформлении портфолио, пишет свои комментарии к собранному материалу. Студенты имеют право вносить свои замечания и комментарии к отдельным частям портфолио своих однокурсников.

Основными критериями оценки материалов портфолио могут быть следующие показатели:

- качество предоставляемых образовательных услуг, используемых мультимедийных материалов;
- наличие в материалах портфолио концептуальных основ изучаемого учебного курса;
- качество включенных в портфолио материалов: правильный отбор информации;
- средства, используемые для их создания;

- уровень владения ИКТ;
- выделение уровня языковой компетенции;
- аналитическая структурированность и применение материалов портфолио.

В процесс оценивания вовлекается и пройденный путь обучения студента, который помимо своих собственных результатов обучения может прокомментировать свою оценку, что ему удалось и что не удалось усвоить и сообщить о своих ближайших учебных планах, интересах, целях. Исходя именно из такой формы оценивания своих работ, метод портфолио оказывает решающее влияние на процессы обучения, которые ему предшествуют. Такая оценка высказывается в устной и в письменной форме и происходит неоднократно в процессе подготовки портфолио. Из этого вытекает, что изменяя процедуру оценивания работы студентов, мы оказываем существенное влияние на сам учебный процесс. Метод портфолио, в нашем случае, претендует не только на достижение поставленной учебной цели, но и на то, чтобы быть инструментом повышения качества процессов учения и применения их на практике.

Пятилетний опыт работы в ЕФ МЭСИ убедительно показывает, что в методе портфолио заключены большие возможности для совершенствования процесса обучения в свете новых требований, предъявляемых в настоящее время к вузу. Ценность метода портфолио состоит в том, что вокруг него может быть выстроен такой учебный процесс, который позволяет развивать или формировать некоторые когнитивно-личностные качества, которые выдвигаются миром образования и труда как необходимые каждому человеку для активного участия в жизни современного информационного общества. Метод портфолио может стать одним из важнейших направлений модернизации современного образования в вузе, но только, как нам кажется, при условии обеспечения его надлежащим теоретико-методологическим анализом и связанными с ним дидактико-методическими материалами.

Некоторые рекомендации преподавателю.

Прежде чем приступить к работе над портфолио, необходимо определить:

- Есть ли у меня мотивация и возможности взять на себя много работы?

- Есть ли у меня возможность распланировать свое время так, чтобы индивидуально консультировать студентов?
- Можно ли выделить время для рефлексии?
- Какие материалы из данного курса могут быть использованы для портфолио? Какие я могу определить заранее, какие может определить сам студент?
 - Какие указания к выполнению задания нужно сообщить студенту, чтобы он мог организовать и оценить свою работу?
 - Как организовать отбор информации и материалов для портфолио?
 - В какие сроки необходимо уложиться для апробирования информации?
 - Через какую форму презентации можно завершить обучение?

Ответ на эти вопросы и последующее внедрение методики применения портфолио в практику вузовского обучения позволит придать практическую направленность обучению и повысить его эффективность.

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

А. Х. Сатретдинова

Статья затрагивает актуальные вопросы теории овладения русским языком как иностранным. В исследовании выявляются закономерности взаимодействия родного и иностранного языков у пользующегося ими человека, особенности учета межъязыкового переноса и интерференции при организации процесса обучения русскому языку как иностранному. Общая стратегия овладения иностранным языком является одним из проявлений базового психического процесса опоры на уже имеющееся знание для облегчения усвоения нового знания. Контрастивный (сопоставительный) анализ процессов, происходящих в конкретной речевой деятельности на иностранном языке, позволяет более полно реализовать коммуникативную направленность обучения русскому языку иностранных студентов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, контрастивный анализ, интерференция, межъязыковой перенос.

Современные методы обучения русскому языку иностранных студентов явно или неявно опираются на то положение, что язык, который нужно усвоить, представляет собой некую систему категорий, значений, понятий, освоение которой непосредственно связано с характером взаимодействия с системой родного языка. Совершенно очевидно, что для решения вопроса о взаимопроникновении и сосуществовании родного и неродного языков целесообразно изучить проблему репрезентации информации. Сегодня ответы на вопросы, чему учить и как учить, методика и дидактика обучения иностранным языкам ищет, основываясь на исследованиях, анализирующих соотношение языка, речи и мышления, мышления и коммуникации, коммуникативного и когнитивного в речи. Известно, что в процессе овладения иностранным языком учащийся обращается к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых преломляется в его сознании объективная действительность. При обучении иностранному языку не происходит простого перевода уни-

версальных межъязыковых категорий в систему изучаемого языка, поэтому овладение иностранным языком идет по линии коррекции уже имеющихся у студента знаний. Как отметил Э.П. Шубин, каждая единица иностранного языка как бы попадает в уже готовую «ячейку» означаемого и размещается в ней вследствие общности означаемых знаковых систем разных языков мира. В тех случаях, когда ячейка не обнаруживается, она легко создается с помощью арсенала средств мышления, который базируется на владении родным языком. В сознании учащихся стихийно взаимодействуют контактные языки, и для того, чтобы управлять процессом усвоения материала нового языка, нужно выявить и изучить механизмы этого взаимодействия. Р. Якобсон считал, что «переключение с одного языкового кода на другой возможно и практикуется в действительности именно потому, что языки изоморфны: в основе их структуры лежат одни и те же общие принципы». Однако изучение иностранного языка характеризуется и отличиями от изучения родного. При овладении родным языком отсутствуют готовые схемы, ориентация на языковые эталоны. А при переходе на другой язык человек неосознанно применяет привычные ему синтаксические структуры, соотносит языковые явления известного языка с языковой системой изучаемого языка. Кроме того, его речь не свободна от движений артикуляционного аппарата, характерных для родного языка.

По мнению ряда ученых (Л.Леше, А.Е. Карлинского), усвоение второго языка не всегда происходит с опорой на родной язык. Л. Леше, основываясь на работах психоневрологов XIX века Пика и Куссмауля, высказал мнение о том, что не существует «физиологического основания утверждать, что изучение всякого иностранного языка должно непременно опираться на родной язык учащихся <...> При изучении всякого иностранного языка должен создаваться в мозгу приблизительно такой же аппарат, как и для родного языка, и создан он может быть, как и первый».

Контрастивный (сопоставительный) анализ является попыткой предсказать и выяснить реакции учащихся в определенных ситуациях. Там, где структуры родного языка и языка изучаемого совпадают, процесс усвоения облегчается, а там, где они различны, процесс будет тормозиться. Сопоставительно-типологические исследования языков позволяют, в частности, выявить трудности, которые возникают при овладении грамматикой русского языка перед учащимися той или иной национальности.

Каждый язык имеет свою структуру, часто совершенно отличную от структуры сравниваемого с ним языка, и, следовательно, способы передачи мысли будут осуществляться по-разному. Бывает, что понятие, передаваемое в одном языке средствами морфологии, в другом языке передаются на уровне лексики и синтаксиса. Эти особенности необходимо учитывать в процессе преподавания. Возникающие трудности обусловлены не только отсутствием в русском языке категорий, представленных в родном языке, и наоборот, но и различным внутренним подразделением и функционированием категорий, имеющих в обоих языках. В связи с этим, факты изучаемого и родного языков должны сопоставляться в различных планах: в плане способов и особенностей выражения того или иного грамматического значения; в плане содержания, когда рассматриваются случаи отсутствия данной грамматической категории или формы в одном из сопоставляемых языков; в плане функционирования, когда единицы с одинаковым значением по-разному используются в сравниваемых языках. Поэтому при разработке учебного грамматического материала необходимо учитывать возможности реализации универсалий в системе изучаемого языка и отличия способов их выражения в изучаемом языке по сравнению с родным языком студентов.

В практике преподавания существует два основных типа ошибок: внутриязыковые, обусловленные слабым усвоением соответствующих правил изучаемого языка, и межъязыковые, возникающие в результате переноса моделей родного языка на применение их в изучаемом языке.

Таким образом, говоря об учете родного языка в учебном процессе, имеется в виду не столько прямое сопоставление грамматических явлений двух языков или использование родного языка (языка-посредника), сколько изучение взаимодействия языков в сознании обучаемого, которое находит отражение в межъязыковом переносе и интерференции. Положительное влияние усвоенных навыков на овладение другим действием называется переносом. Отрицательное влияние старого навыка на усвоение нового называется интерференцией.

Известно, что термин «интерференция» заимствован из физики. В лингвистике и психологии это слово используется в значении отрицательного влияния. В основе любого проявления лингвистической интерференции лежит психолого-речевая интерференция, так

как все отклонения от нормы одного языка под влиянием другого наблюдаются первоначально в речи индивидов, говорящих на этом языке. Венгерский германист И. Юхеч определяет интерференцию как нарушение нормы под влиянием другого языка и как сам процесс этого влияния.

При организации процесса обучения иностранному языку необходим учет действия как положительного переноса, так и интерференции. Для этого нужно знать, какие психические процессы лежат в их основе. Перенос – это результат взаимодействия навыков. Навык – упрочившийся способ выполнения действия. В основе образования любого навыка лежит выработка рефлекторных связей. Таким образом, успешность переноса приемов деятельности зависит от того, насколько верно оценивается сходство задач, условий и способов их решения. Если же задачи, условия и способы их решения не сходны, а только воспринимаются человеком как сходные, то происходит отрицательный процесс - интерференция.

При обучении русскому языку как иностранному весьма действенным представляется путь преодоления интерференции, предлагаемый П.Я. Гальпериным. Он выделяет «языковое сознание», которым называет собственно языковое значение формальных структур языка по отношению к внеязыковой действительности. П.Я. Гальперин считает, что правильная ориентировка в языке начинается с понимания того, как в нем отражается то или иное объективное содержание. Он предлагает выделить содержание языковой формы в родном языке, а затем связывать это содержание с формальными структурами иностранного языка и лишь после этого переходить в речи на иностранный язык. В результате этого происходит дифференцировка родного и иностранного языков, что исключает интерференцию родного языка. Психологические преимущества такого обучения заключаются в том, что так называемые формальные структуры языка становятся осмысленным материалом, который усваивается легче и прочнее.

Следовательно, контрастивный анализ процессов, происходящих в конкретной речевой деятельности на иностранном языке, позволяет более полно реализовать коммуникативную направленность обучения русскому языку иностранных студентов.

Список литературы

1. Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М., 1971.

List of literature

1. Voprosy psiholingvistiki i prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo. M., 1971.

2. Гальперин, П. Я. К психологии формирования речи на иностранном языке // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972.
3. Леонтьев, А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному: психолингвистические очерки. М., 1970.
4. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.
5. Рябова, Т. В. О применении концепции управления усвоением в обучении русскому языку иностранцев // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. М., 1977.
6. Rivers, W. M. Communicating Naturally in a Second Language. Theory and Practice in Language Teaching. Cambridge, 1983.
7. Spolsky, B. Conditions for Second Language Learning. Oxford, 1989.
2. Gal'perin, P. Ya. K psihologii formirovaniya rechi na inostranom yazyke // Psiholingvistika i obuchenie inostrantsev russkomu yazyku. M., 1972.
3. Leont'ev, A. A. Nekotorye problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: psiholingvisticheskie ocherki. M., 1970.
4. Passov, E. I. Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obscheniyu. M., 1989.
5. Ryabova, T. V. O primeneni kontseptsii upravleniya usvoeniem v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev // Psiholingvistika i obuchenie russkomu yazyku nerusskih. M., 1977.
6. Rivers, W. M. Communicating Naturally in a Second Language. Theory and Practice in Language Teaching. Cambridge, 1983.
7. Spolsky, B. Conditions for Second Language Learning. Oxford, 1989.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ
В ХОДЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СТУДЕНТАМ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

О. Б. Уланова

Статья посвящается влиянию искусства на усвоение английского языка. В ней рассматривается роль искусства в преодолении коммуникативных барьеров, развитии выразительной речи, усвоении грамматики. Используемые виды искусства – живопись, драма, литература.

Ключевые слова: художественный образ, коммуникативный барьер, развитие речи.

Иностранный язык причислен к ряду гуманитарных предметов, в центре которых находится человек с его внутренним миром и проблемами. Гуманитарные предметы ближе к искусству, чем к научному знанию. Данное обстоятельство иллюстрируется тем, что английский эквивалент слова «гуманитарный предмет» - *an art*. Без артикля это же слово переводится с английского языка как *искусство*.

Обучая студентов английскому языку, полезно использовать картины. Как известно, ряд грамматических конструкций лучше всего усваивается в ходе определенных видов языковой практики. В частности, **Present Continuous, обозначающий протекающее перед нашими глазами действие**, применим в ходе описания картины (например, картины У. Тернера «Рыбаки на море»):

- 1) The seagulls **are flying** very near the black water of the sea.
- 2) It **is storming** hard in the sea.
- 3) The waves **are raising** very high.

4) They **are throwing** a little boat like a ball. – Они подбрасывают маленькую лодку как мячик.

Present Continuous помогает зрителю слиться с картиной, став в воображении ее участником.

Очень полезно для овладения этой же конструкцией использовать прием театральной пантомимы. Так, изображая сцену из романа М.Е. Булгакова «Мастер и Маргарита», имитируется полет Маргариты. На стенах класса висят репродукции ночного города. Студент,

выступающий от автора, комментирует происходящее: Margaret **is flying** over the night city.

Интересным приемом является организация «экскурсии по городу» - с помощью развешенных на стенах фотографий. Приведем пример воображаемой экскурсии по Лондону. Студент в роли экскурсовода с помощью различных приемов приближает остальных студентов к объектам архитектуры. Для этого используются: команды типа *look at the fountain* или *let us look at this tower*, сопровождающиеся показом архитектурных деталей; фразы, описывающие воображаемые действия: We **are walking** over the long Tower's Bridge now; указания на близость объектов, варьируемые синонимами *near*, *next to...*, *close to...* (Например, we **are standing** next to the famous Westminster Abbey).

Описание архитектурных объектов содержит большое количество прилагательных. При этом описание цветовой гаммы становится гораздо богаче под влиянием сиюминутного образа, созданного художником или фотографом. Приведем **фрагмент описания Трафальгардской площади**: The sparkling fountain water looks golden-yellow in the electric light. The monument seems emerald-green. В нашем примере одно чертой подчеркнуты основные цвета: yellow, green; жирным шрифтом выделена дополнительная информация: golden, emerald. Глаголы **to seem** и **to look**, **варьируемые в роли сказуемых**, подчеркивают призрачность и сиюминутность образа. Под влиянием художественного образа снимаются коммуникативные барьеры: хочется сказать больше и выразительнее.

Не менее важно применение конструкций, описывающих состав единого целого из частей. Приведем пример: Westminster Abbey consists of many towers and columns.

Огромную роль играет и работа с литературным произведением. Анализируя характер героя, студенты обращают внимание не только на сюжетную линию, но, в первую очередь, на язык художественного произведения. В отличие от разговорной речи он является эмоционально-насыщенным. Так, главный герой стихотворения "Messy Room" by Shel Silverstein – **неаккуратный человек**. Анализируются глаголы, свидетельствующие о его отношении к вещам. В таблице 1 представлены в левой колонке эмоциональные глаголы из текста, а в правой – нейтральные выражения.

Таблица 1. Verbs

Emotional	Neutral
to overstaff a chair – завалить вещами стул	to put the things on the chair
to jam in the closet – запихивать в шкаф (о книгах)	to put in the closet
to throw (to wedge) – бросить	to put

В слове **to overstaff** выделяется приставка *over* – *сверх*, свидетельствующая об эмоциональности значения.

О неаккуратности свидетельствует и необычное местоположение вещей, подчеркиваемое предлогами места: **on** the lamp (о нижнем белье), **in** the bed (о ящерице), to stick **to** the wall (о носке).

Не менее важное значение имеют оценочные прилагательные типа: damp – сырой (о стуле), smelly – вонючий (о носке) и т.д.

Студенту важно организовать структуру ответа. Вначале даются три указанных примера конструкций. Каждый тезис отделяется друг от друга порядковым числительным. Вот примеры: **First** I'd like to speak about verbs. **Second** I am going to discuss the prepositions of place. **Third**, let me tell you about adjectives.

Анализ эмоционального характера языка помогает студентам делать логические выводы. В начале студент говорит об отношении главного героя к вещам: I think he doesn't like his things.

Потом делается вывод о характере человека: I think the person is **inaccurate**.

Таким образом, приобщение к искусству на занятиях английским языком повышает мотивацию к его усвоению.

ABSTRACTS

Atman O.V., Polyakov D.S. Verbilzation of Linguo-Cultural Concept of Terrorism in US political discourse

The purpose of the article is to describe verbalization of the linguo-cultural concept of terrorism, which functions in US political discourse. The authors state that the associative constituent of the concept under consideration includes associative-perceptual and associative-metaphorical subcomponents, each of them having their peculiarities of verbalization in discourse.

Keywords: concept “terrorism”, linguistic culturology, lexeme

Baidikova N.L. Problem of Distinguishing between Compounds and Derivatives in the Old English Language

High frequency of some components of complex Old English words raises the question if these words are compounds or derivatives. The component may or may not correspond to a free root-lexeme, but this fact doesn't solve the problem of its status. The boundary between a compound and a derivative is determined by the position of its component in the conceptual field of the corresponding root-lexeme.

Keywords. Compound word, derived word, complex word, conceptual field.

Beletsky S.B. Niklas Luhmann's System Approach in Analysis of Talk-in-Interaction

The article is devoted to the analysis of the extract from the television quiz show “Who wants to be a millionaire” on the basis of conversational analysis and N. Luhmann's system approach.

Keywords: talk-in-interaction, conversational analysis, systems theory, sequence closing third, Niklas Luhmann.

Gubanova I.S. Modern English Homonymy in Etymological and Historic-Linguistic Aspects

The article is aimed to analyze the etymological structure of the English homonymy and the sources of homonyms. According to the etymological point of view the structure of English homonymy is rather different. The main sources of homonymy are borrowings, phonetic changes, split polysemy, conversion, contraction, word-formation.

Keywords: homonymy, etymological structure, sources of homonymy.

Elizarova G.S. Romantic Image of War in the 19th Century Literature

The paper “Romantic image of war in the 19th century literature” is devoted to the linguistic consideration of the concept “war” in the Russian language world’s picture in the individual picture of the writers of the 19th century name by Glinka and Davydov.

Keywords: concept, cultural concept, artistic concept, war, philosophical interpretation of concept, scientific and political nature of concept.

Klimina L.V. Analyses of Composition of Artistic Works: Linguistic Didactic Aspect

The article provides theoretical information on the study of composition of verbal work samples and parsing compositional structure poetry and prose texts in linguistic didactic aspect.

Keywords: composition, linguodidactics, prose text, poetic text.

Kovalenko G.F. Nominative Net of the Concept ‘Political Leader’ Represented in “Newsweek”

The article studies the structure of the concept ‘political leader’ represented in the texts by different nominants, including conceptual metaphor. The nominative net of the concept is revealed and the content of the concept is formed.

Keywords: concept, frame, slots, nominative net of the concept.

Kuzina M.A. Phenomenon of Language Purism and Historic Peculiarities of Linguistic and Social Attitude to the Active Process of Borrowing into the German Language

The present article focuses on the notion of the linguistic purism. We aim at highlighting how the factors contributing to the boost of linguistic purism, the types of puristic activities and the people involved in these activities, have been changing throughout the history of Germany and other German-speaking countries. Our chief concern is to assess the effectiveness of the puristic activities at each stage of its historical development (from the 17th century to the present day).

Keywords: language purism, language circles, groups and societies, types of puristic activity, puristic changes, establishing of national literary language.

Linkova Y.I. Activity as Qualitative Characteristic of Common Subject in the Russian and English Languages

This article is about the frame «activity of the subject» as the representation of the character. This frame includes such subframes as oral activity, social activity, intellectual ability, which contain the slots expressing various personal characteristics.

Keywords: comparative linguistics, frame, subframe, phraseological unit, concept sphere, semantic structure.

Lubozheva L.N. Mass media Meaningful “Agent” of Professional Units Spreading

This article represents one of the most widespread ways of the terms' absorption. Penetrating into Mass Media, terms started to fulfill different functions.

Keywords: mass media, terminology, common vocabulary.

Madzhaeva S.I. Ways of Term Building in the Sublanguage of Medicine as a Factor of Consistency (Based on Materials of Term Fields “Diabetes” and “AIDS”)

This article deals with the ways of term formation in the branches of medicine Diabetes and AIDS. All three ways of term formations are characteristic for these fields of medicine. But the composites and many-component terms prevail. There are considerable differences in productivity pointed out ways of term formation between these subsystems.

Keywords: DM, AIDS, term (medical term), terminology, term formation, term system, terminological word-groups.

Minasyan S.M. Multimedia in Education: Portfolio as Effective Method of Work with Students in Non-language Colleges

The article is devoted to the aspects of usage of multimedia technologies in contemporary education, particularly, in work with students of non-language colleges.

Keywords: multimedia technologies in education, non-language college, information and communicative technologies.

Musina L.R. Image of City Reflected in Artistic Discourse (to the Question of Identification of Chelyabinsk Text)

The article is written within the project “Image of the region in consciousness of citizens of Chelyabinsk and Chelyabinsk region” conducted

by the laboratory of cross cultural communications of CSU. The article studies some aspects of formation of the city text model, presented in artistic texts about Chelyabinsk.

Keywords: image of city, city text, Chelyabinsk city text.

Nadobko Y.V. To the Question of Gender Revelation in Male and Female Speech Behaviour

If we want to understand the peculiarities of people's ideas of the surrounding world and community and their reflection in the language and speech of the mentioned above individuals, we should refer to the mentality of the representatives of this culture. Doing so, we inevitably come across such a notion as gender, treating it as institutionalized and ritualized social and cultural phenomenon, thus being one of the constituents of social identity of an individual. This article deals with basic behavioral social gender characteristics and their manifestations in every day conversational practice, language and speech.

Keywords: gender, social cultural construct, gender asymmetry, gender role, stereotype, genderlect, genderology, discourse, male, female.

Pesterova N.V. Complex Medical Sociolects and Basic Ways of Their Construction in the English Language

Medical sociolect is a special existential form of language. Word-building of compound words is typical for it. There are 35 models of building of compound words in medical sociolect of English language.

Keywords: sociolect, sociolectism, medical sociolect, compound word, word-building model.

Prynk V.P. Some Peculiarities of Political Discourse Perception

The article analyzes some special features of the political discourse from the point of view of communication participants. It highlights modern definitions of the political discourse. The article shows that the peculiarity of political discourse interpretation lies in revelation of participants' political aims which determine the choice of language means.

Keywords: policy, discourse, political text, communication.

Pryadilnikova O.V. Study of Influence of Phonetic Interference on the Quality of the Russian Literary Language Adoption

The article is devoted to the problems of investigation of two forms of phonetic interference: inner lingual (integration of different

types of Russian Literary Language) and interlingual interference (creation and reception of technical(vocational) school's students

Keywords: Russian literary language, phonetic interference, lingvodidactics, linguistics.

Rahimova N.M. Interaction of Rhetoric Forms and Figures of Speech with Macrostructure and Superstructure of Artistic Discourse

Analysis of artistic texts often reveals cases of deliberate ambiguity serving to make an emotional and aesthetic impact on the reader. This paper attempts to investigate linguistic characteristics of such a phenomenon and its extra-linguistic foundations. To address this issue, a discursive cognitive analysis of texts was used which allowed to identify and classify linguistic tools for creating ambiguous situations, and show their role in disclosing the author's intention.

Keywords: rhetoric forms, figures of speech, artistic discourse, cognitive linguistics.

Savelyeva E.B. Deictic Pronoun "I" as Means of Actualization of Images of Character and Author in Narrative Works by A.Zhid

Categories of author and hero's images in a literary production are characterised by a number of characteristics, features and devices that make them individual and specific. In the novels by a French writer A.Gide their manifestation is examined in the linguistic field of indication, and demonstrative pronouns, - due to their identification function, - promote nomination especially in autobiographical texts with the first person narration.

Keywords: deiksis, image of character, works by A.Zhid, narrator, artistic form.

Saltykova E.A. Types of Imaginative Rethinking of Phraseological Units

In this article deals about the interpretation of image and figurativeness. Phraseological units are considered as one of the manners of their expressing. The linguistic image is defined as the semantic structure that can manifest definite content in nontrivial form by associative drawing together the various concepts. The figurativeness is determined as a semantic trait of the linguistic sign, its ability to express extralinguistic content through image.

Keywords: phraseological units, image, artistic image.

Satretdinova A.H. Contrastive Analyses in Teaching Russian as a Second Language

The article is devoted to the study of possibility to use the contrastive linguistics in teaching the Russian language to foreign students. The article explains contacts native **and foreign languages during the communication**. Contrastive linguistics helps to improve Russian language teaching to foreign students.

Keywords: Russian as a second language, contrastive analyses, interference, cross language interference.

Sumina E.S. Notion “Tolerance” and “Toleranz” in the Scientific World Picture

The article is devoted to the notion of tolerance in the scientific picture of world. Its investigation is based on the definitions in different discourses.

Keywords: tolerance, scientific world picture.

Ulanova O.B. Usage of Artistic Images in Teaching English to Students

The article is dedicated to the influence of art on studying English. It considers the role of art in overcoming communication difficulties, developing expressive speech, mastering grammar. The kinds of art used are painting, drama, literature.

Keywords: artistic image, communicative barrier, speech development

Ulogova O. Ju. Presentation oppositions of interpersonal relations in verb units semantics

In this article examined the problem of reflection of interpersonal relations oppositions in verb units semantics, defined determinations of “binary” and “contrary” concerning category of relation, gave some different interpretations of the term “opposition”. The author offered possible oppositions of verbs in the context of contrary expression of relations. The results and materials of the research may be used in the courses of lexicology, stylistics.

Keywords: opposition, interpersonal relations, semantic, binary, contrary.

Fedyuchenko L.G. Cognitive Approach to the Description of Level of Text-Rendering Complexity

The article provides an overview of cognitive approach to defining the text difficulty level in translation. Text difficulty is an important but much neglected topic in Applied Linguistics. The author believes that the level of difficulty of the text depends on several subjective and objective aspects; among the most important ones are subject matter, type of language, pragmatic aspect and the historical cultural context.

The author proposes to use cognitive approach to define the text difficulty level in translation because it easily interacts between translation equivalence and text categories. It is possible to give a detailed description of a translation process within cognitive approach as well.

Keywords: difficulty of a text, pragmatic aspect, cognitive approach, translation accuracy

Khramova Ju. A. Evaluative characteristics of the concept “sincerity” in English and Russian aphorisms

The article deals with evaluative characteristics of the concept “sincerity” based on the analyses of aphorisms in English and Russian cultures. Common and distinctive features of the ambivalent attitudes to sincerity in cultures compared are discussed. The main difference in the comparative evaluation of sincerity is that it is understood ethically by the Russians and pragmatically by the English aphorists.

Keywords: aphorism, evaluation, concept, characteristics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атьман Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
olga-atman@yandex.ru

Байдикова Наталия Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного института электронной техники (МИЭТ).

124498, Москва, Зеленоград, проезд 4806, д. 5.
natalleon22@list.ru

Белецкий Станислав Борисович – аспирант Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета.

660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а.
stas.beletskiy@gmail.com

Губанова Ирина Сергеевна – преподаватель Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова».

164500, Северодвинск, ул. Первомайская, д. 62, кв. 61.
kirillmyakshin@yandex.ru

Елизарова Гузель Сарваровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и журналистики Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой.

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Климина Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и журналистики Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой.

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
vechelina@mail.ru

Коваленко Галина Федоровна – ст. преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, соискатель при кафедре теории и практики перевода Института иностранных языков Даль-

невосточного государственного университета.

Владивосток, ул. Суханова, 8.

kovalenkogf@mail.ru

Кузина Марина Анатольевна – кандидат, филологических наук, ст. преподаватель кафедры лексики английского языка факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.

kouzina-marina@yandex.ru

Линькова Юлия Игоревна – магистрант кафедры русского языка факультета филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

julia-linkova@yandex.ru

Лубожева Лионелла Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного университета.

454074, г. Челябинск, ул. 3-я Арзамасская, д.30, кв 33.

Lionella2002@rambler.ru

Маджаева Санья Ибрагимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков лечебного факультета ГОУ ВПО АГМА Росздрава.

sanya-madzhaeva@yandex.ru

Минасян Светлана Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук ЕФ МЭСИ, профессор РАЕ.

s.minasyanpmesi@mail.ru

Мусина Лариса Раушановна – студентка 5 курса филологического факультета ЧелГУ, лаборант лаборатории межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.

mklab@csu.ru

Надобко Юлия Витальевна – ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода Костанайского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
nadobko-youlia@yandex.ru

Никифорова Эльмира Шавкатовна – ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода Костанайского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
555_lena_11@mail.ru

Пестерова Наталья Владимировна – преподаватель кафедры английского языка Вологодского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
nata26071980@mail.ru

Поляков Дмитрий Сергеевич – выпускник Волгоградского государственного университета (2009 год), кафедра профессиональной иноязычной коммуникации, специальность «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур».

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
dps@mail.ru

Прынк Вера Петровна – ассистент кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.

432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
prynk82@mail.ru

Прядильникова Ольга Владимировна – преподаватель русского языка и литературы, ГОУ НПО ПУ-44г.Уфы.

priadilnikova@mail.ru

Рахимова Нурия Мухаметовна – кандидат филологических наук доцент кафедры немецкого языка Магнитогорского государственного университета.

Магнитогорск, пр. Ленина, 114.
rahimova@mmk.ru

Савельева Елена Борисовна – ст. преподаватель Московского государственного областного гуманитарного института.

lenaandrei2007@rambler.ru

Салтыкова Екатерина Алексеевна – преподаватель Калужского института туристского бизнеса филиала Российской Международной академии туризма, аспирант кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.

katya_saltykova@mail.ru

Сатретдинова Альфия Хамитовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Астраханской государственной медицинской академии.

Alph_Str@rambler.ru

Сумина Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания Шадринского государственного педагогического института.

641800, Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.

ses@shadrinsk.net

Уланова Ольга Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева,

undina52@gmail.com

Улогова Оксана Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Волгоградского государственного университета

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

ylogova_oksana@mail.ru

Федюченко Лариса Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Тюменского государственного университета.

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.

lfedyuchenko@mail.ru

Храмова Юлия Александровна – ассистент кафедры английский язык для экономических специальностей Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.

jberkutova@yandex.ru